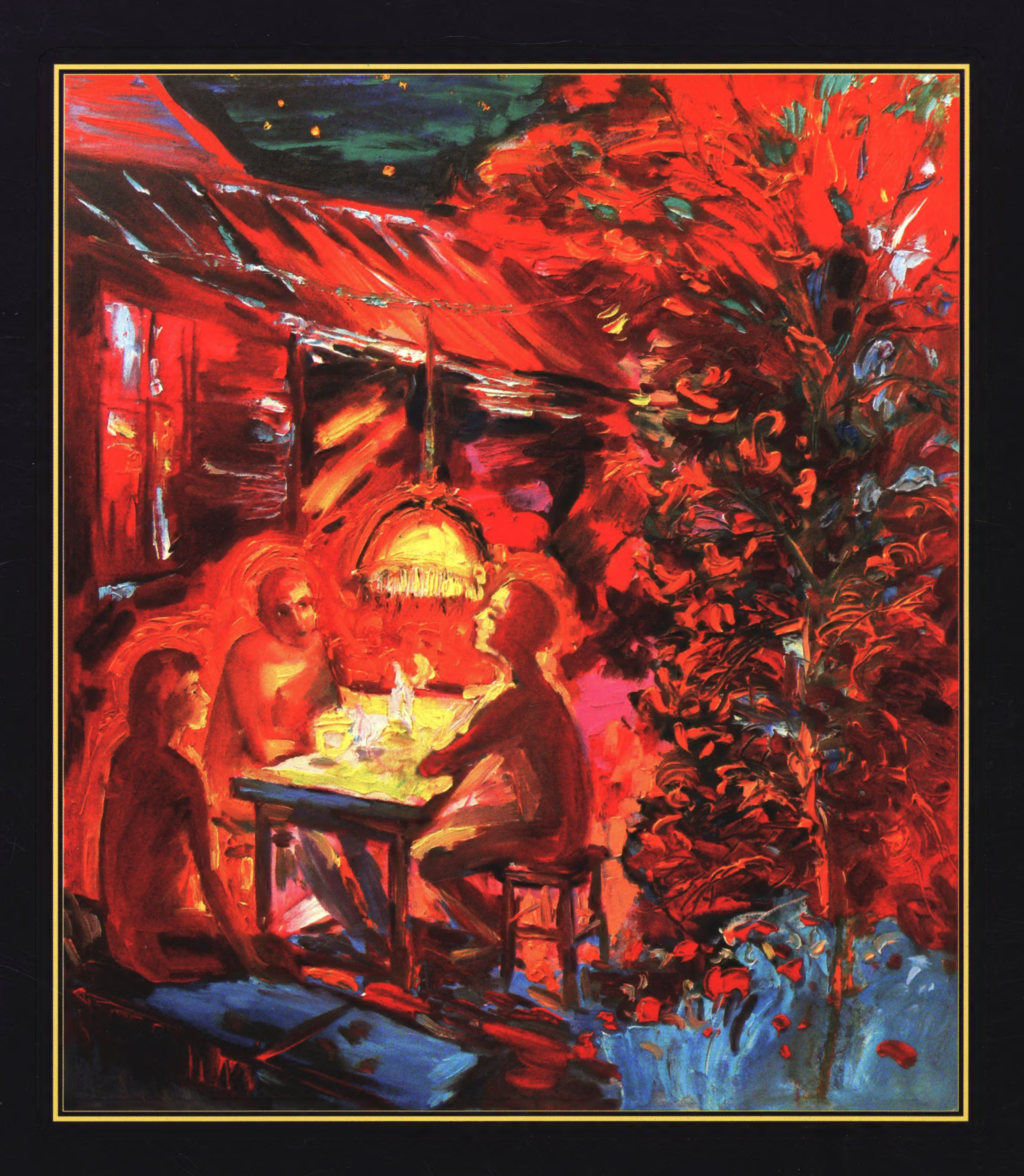
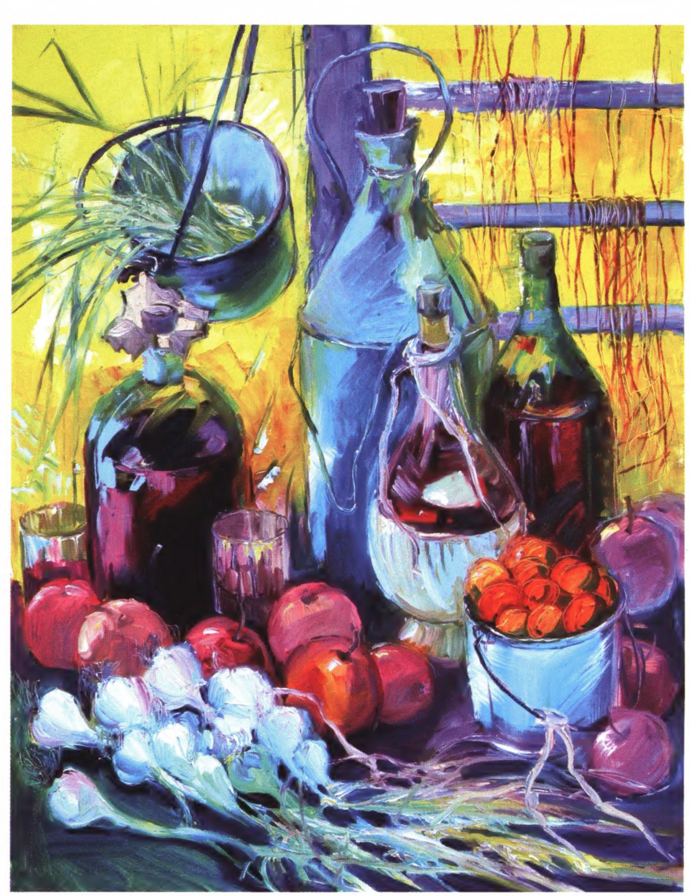

ВЕСИ

№5, 2013

ЦВЕТОВОЙ ПОЖАР НАТАЛЬИ ПИСЬМАК

Полыхание! Именно такое впечатление производит живописная манера известной екатеринбургской художницы Натальи Письмак. Особенно когда она рисует цветы. Астры на ее полотнах сияют, будто подтверждая свое название – «астры» – звезды. Гладиолусы взвиваются к ультрамариновым небесам оранжевыми, лиловыми и ослепительно-белыми язычками цветочного пламени. Алые маки трепещут своими лепестками, нашептывая ласковые песни о счастье, которое может согреть, а может и обжечь. И, конечно, розы. Розы красные, багряные, пурпурные, бордовые, кремовые, желтые, золотистые, коралловые, карминные. Наталья Письмак любит писать розы целыми охапками, корзинами, снопами. Они в ее работах живут совершенно особой, пышной, сладко-благоухающей жизнью, словно напоенной романтичными, мечтательными мыслями. Розы-королевы, розы-кокетки, розы-соблазнительницы – они устраивают на полотнах Натальи Письмак целый пожар страсти, симфонию любви, апофеоз счастья.

Счастье – это, наверное, главная тема в творчестве Натальи Письмак. Счастье в самых разных его ипостасях и воплощениях. Это может быть просто солнечный луч, играющий на белом фарфоре чашки, или зреющие на ветке красные капельки вишен, или тропинка, вьющаяся среди лугов, или ветер, ласково перебирающий ветви ив. Художнице внятен этот особый язык, на котором счастье разговаривает с нами, пытаясь научить простой и мудрой науке жить в этом мире. Ведь казалось бы так просто – научиться наслаждаться вкусом свежей родниковой воды и предпочесть ее кока-коле. Или выйти, наконец, в поле, скинуть модельную обувь и ощутить босыми ногами ласку нагретой земли, упругую, шелковистую свежесть травы. Или, закрыв глаза, слушать медленные арпеджио ноктюрнов Шопена. В сущности, нам подарили удивительно красивый, талантливый и гармоничный мир. И порой достаточно вглядеться в затейливо-неповторимый орнамент снежинки или вдохнуть пронзительно-прелестный аромат ландышей, чтобы убедиться в этом. Конечно, есть и обратная сторона медали, но в последнее время что-то уж слишком безраздельно она стала занимать внимание художников и зрителей. Как искусствовед, я вполне понимаю все причины и тенденции появления таких направлений, как «эстетика безобразного», «гранж» или какого-нибудь «стрит-арта». И даже акула в формальдегиде, нашинкованная тонкими ломтями и стоящая засим на мировых аукционах по 50 миллионов долларов, тоже может меня на досуге позабавить. Я могу искренне восхищаться фантазиями Пабло Пикассо (кстати, именно с его «Авиньонских девиц» началась эта самая «эстетика безобразного», но впоследствии он уже отнюдь не так пылко «фанател» от всех этих «цветов зла»), но все равно периодически ловлю себя на мысли, что испытываю определенное напряжение, через силу созерцая эти изыски. Общение с Пикассо – это как путешествие по экзотической стране. Мило, славно, забавно, интересно, иногда страшновато, иногда противно, увлекательно, захватывающе и, в конечном итоге, утомительно. Можете быть уверены, рано или поздно вам надоест и переперченная экзотическая кухня, и изнурительная жара, и чужой язык с надоедливыми иероглифами похожими на многоногих пауков. И потянет-потянет к пресловутым березкам, ручьям, ивам, клонящим ветви в озеро, к стрекоту кузнечиков на залитом солнцем лугу, к родной речи, музыке и литературе. Так уж устроен человек. Мы как деревья. По-настоящему нам хорошо только в родной почве. Где-нибудь во Франции или в какой-нибудь Аргентине наша нехитрая яблонька может зеленеть, густо ветвиться, пышно цвести, но плодоносить она почему-то не станет, хотя там и климат мягче, и небеса синее, и солнышко золотистее. Вот так и с искусством – нарезанную акулу дома держать не станешь. И не только потому, что ящик уж больно здоровенный. Просто каждый день глядеть на эту страшную харю – удовольствие среднее. И скульптуру из ржавых гвоздей и битых бутылок тоже, пусть даже она насквозь концептуальная и отвечающая духу времени. У восприятия свои законы. Можно очень любить войну и даже быть профессиональным военным, но постоянно спать под канонаду не сможет самый прожженный вояка. Все-таки в нас самой природой заложена любовь к гармонии, к золотому сечению, к улыбке ребенка, к солнечным зайчикам, пляшущим на воде. Без всего этого очень сложно прожить, и слава Богу, иначе участь человечества была бы уж слишком печальна. Как сказал один умный человек: «Искусство нам дано, чтобы не сойти с ума в этом мире!» Я бы только добавила, что мир вообще-то не виноват. Мы сплошь и рядом сами из дарованного нам рая сотворяем ад и делаем это с огромным увлечением и изобретательностью. А искусство в этом бушующем океане противоречий и трагедий может стать для нас путеводным маяком, символом надежды.

Светлана Долганова

(Продолжение на стр. 40, 78)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Советская, 96)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620026, г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Татьяна Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:

Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620100, г. Екатеринбург, а/я 855
Тел.: (343) 254–42–58,
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Каменск-Уральский, Россия
8(950)205–00–20
Сергей Симонов

Нью-Йорк, США
mgelprin@yahoo.com

Тавда, Россия
8(963) 044–28–87.

Челябинск, Россия
8 (912) 89–98–731
Александр Федорович Рейх

Киев, Украина
vesi.sv.kv@gmail.com

Прага, Чехия
maksburdin@mail.ru

Торонто, Канада
belov@sympatico.ca

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложках: живопись Натальи Письмак.

Номер подписан в печать 01.08.2013 г.
Отпечатан в ГУП СО «Каменск-Уральская типография»: 623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3. Заказ № 4467.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ВЕСИ

№5(91)` 2013
июнь–июль

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Подписка – Урал-пресс: 8 (343) 26–26–543.
www.ural-press.ru

Журнал удостоен медали имени Н.К.Чупина

Журнал награжден почетным знаком РАЕН «Звезда успеха»

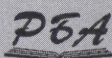

Журнал награжден почетным знаком Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization · World Federation of UNESCO clubs, centers and associations

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО и Российской библиотечной ассоциации.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ТУРИЗМ И ОТДЫХ НА УРАЛЕ: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Владислав ДЕМАКОВ,

г. Челябинск.

Традиционно история Урала ассоциируется с промышленностью и политикой. Это не всегда обоснованно. Уральцы начала XX в. жили обычной жизнью, но пытались сделать ее лучше и благоустроенней. Они не только трудились, занимались общественной жизнью, но и отдыхали, интересовались миром вокруг. Туризм и отдых как часть образа жизни был характерен для особых групп общества, прежде всего для интеллигенции. Учителя, духовенство, врачи, мелкие торговцы, чиновники, а также купцы и дворяне составляли основной контингент отдыхающих на Урале. Для отдыха же российских элит Урал в тот период был не очень модным местом. Те стремились преимущественно на Кавказ или в Крым. Но само общество, жители, их нравы, образ жизни начинали представлять интерес. Люди стали интересоваться тем, что происходило рядом – своей малой родиной.

Термин «туризм» этимологически происходит от французского «tour», что в переводе значит «прогулка», «поездка». Под ним понимают любую деятельность человека, связанную с некоммерческой целью и с временной переменой места жительства. К понятию «туризм» относят также такие виды деятельности, как охота, сборы грибов, ягод и др., рыболовство, участие в походах, экскурсиях, в спортивных мероприятиях.

Интерес к Уралу как к туристическому объекту возник с пуском Самаро-Златоустовской, а затем и Транссибирской железной дороги в конце XIX в., которые обеспечили доступность этих территорий для туристов. Благодаря строительству железных дорог Урал «открывался» не только и не столько для жителей других районов, сколько для самих уральцев. «В настоящее время путешествие по Уралу не сопряжено с какими-либо трудностями, так как значительную часть края можно объехать по железным дорогам», – так писал Ф.П.Доброхотов в своей книге «Урал Северный, Средний, Южный»[1]. Из таких крупных городов, как Пермь, Екатеринбург, Уфа, Оренбург ходили дачные поезда. Благодаря большой протяженности железных дорог даже до самого отдаленного пункта Среднего и Южного Урала можно было добраться быстрее и дешевле. К началу XX в. на Урале сложились экономические предпосылки для появления туризма.

Железнодорожное сообщение не было единственным путем, которым путешественники могли попасть на Урал. Сюда можно было добраться и по рекам: из Европейской России – по Волге, Каме, Белой, Уфе; из Сибири – по Оби и Иртышу. По этим рекам совершались ежедневные пароходные рейсы. Так, от Кунгура до Перми путь занимал 15 часов, а стоимость составляла от 1 до 2,5 рублей в зависимости от класса[2].

«Урал – вот край, редкий, почти единственный в России по красоте природы и богатству ее и разнообразию, край, который только ожидает к себе туристов, чтобы дать им неисчислимые наслаждения, чтобы доставить им редкие удовольствия и показать, насколько богата, насколько очаровательна, насколько разнообразна его природа. В этом отношении он может решительно удовлетворить всякого туриста, – будь то ученый-путешественник, исследователь с геологи-

ческим молотком, ботанической папкой, энтомологическим сачком, будь то художник с кистью и альбомом, будь то писатель с записной книжкой и карандашом, будь то коммерсант, делец, изучающий экономическое положение России, будь то просто любитель природы, свободный человек, которого интересует его богатая, разнообразная, обширная родина, который любит Россию...» – так красиво было сказано об Урале К.Носиловым в предисловии к книге «Урал Северный, Средний, Южный»[3].

С конца XIX в. по инициативе известного журналиста и краеведа В.А.Весновского для туристов, интересующихся достопримечательностями края, начали издаваться книги и статьи справочного содержания: «Путеводитель по Уралу» (1899), «Путеводитель по курортам Урала» (1902), «Спутник туриста по Уралу» (1902), «Весь Екатеринбург» (1903), «Иллюстрированный путеводитель по Уралу» (1904), «Весь Челябинск и его окрестности» (1909), «Вверх по Каме» (1913), «Минеральные источники в Пермской губернии» (1914), «Исторические памятники в Пермской губернии» (1915), «По Западно-Уральской железной дороге» (1915), «Целебные силы Урала» (1916) и другие.Все наиболее известные работы Весновского написаны им в жанре справочника для туриста. В предисловии к «Иллюстрированному путеводителю по Уралу» Виктор Александрович пишет: «Центром тяжести всех путешествий по Уралу является «столица Урала» – Екатеринбург. Поэтому город этот и принят в «Путеводителе» за средоточие, к которому как бы направляются все течения; остальные города и местности Урала описаны в порядке расположения их по линиям железных дорог, по судоходным рекам и почтовым трактам». В начале XX в. туризм становится одной из популярных форм активного отдыха и жителей Южного Урала, о чем свидетельствуют мемуары местного акцизного чиновника К.Н.Теплоухова. Все эти источники дают нам возможность сделать вывод, что на рубеже XIX–XX вв. на Урале имели место следующие виды туризма: экскурсионный туризм, курортолечение (кумысо- и водолечение) и дачный отдых.

Широко распространены в начале XX в. были экскурсии по уральским рекам – Чусовой, Вишере, Белой, Исети, Уралу. Экскурсии совершались как на обычных лодках (как правило, вниз по течению быстрых горных рек), так и на моторных – специальных катерах. Особенно увлекательными были и многодневные пешеходные экскурсии по наиболее глухим и редко посещаемым туристами уголкам Урала. Отправляться в такое путешествие рекомендова-

В окрестностях озера Кисегач.

лось с компасом и картой, по заранее составленному маршруту и с опытным проводником.

В начале XX в. появились первые туристические кружки, например, при Челябинском обществе потребителей рабочих и служащих. Туризм использовался в учебном процессе как форма расширения кругозора и специальных знаний учащихся. Широко были распространены образовательные экскурсии учеников вместе с учителями. Познавательная роль таких экскурсий была высоко оценена на государственном уровне, поэтому в 1899 г. Департаментом железных дорог был введен бесплатный летний проезд для учеников и учениц низших учебных заведений в сопровождении воспитателей на расстояние не свыше 50 верст. В результате подрастающее поколение даже самого скромного достатка имело возможность ознакомиться с малой родиной. Инициатором регулярных экскурсий учащихся на заводы Урала был инспектор Челябинской торговой школы В.Н.Август. Преподаватели художественной школы Екатеринбурга также совершали прогулки с группой учеников по окрестностям города. «Путеводителем» был знаток Урала и альпинист О.В.Клер. Они ходили в длительные походы к «Чертову городищу» за 19 верст от города, к «Семи братьям» в 9 верстах от Верх-Нейвинского завода и к другим интересным местам Урала. Кроме прогулок, ученики школы под руководством Клера прорубали дорожки и просеки, изготавливали и прибивали к соснам указатели, чтобы любители походов не сбивались с пути. Тропы эти даже назывались «клеровскими».

Одной из главных природных достопримечательностей, притягивавших туристов, был, несомненно, Таганай. Один из путеводителей говорит следующее: «Главный интерес для туристов представляют окрестности Златоуста с его роскошными горными видами, высокими и оригинальными горами с их каменными россыпями и совершенно своеобразной растительностью. Эта часть справедливо называется «Уральским Тиролем» и «Русской Швейцарией»[4]. Ученый В.О.Клер, путешествовавший по Южному Уралу и разработавший подробные экскурсионные маршруты, в 1905 г. писал: «Одной из самых интересных экскурсий на Урале является, несомненно, поездка на гору Таганай и Александровскую сопку. Обе горы известны по названию кому угодно»[5].

В 1909 г. одну из таких поездок в своих мемуарах описал К.Н.Теплоухов: «...дошли до избушки у Белого ключа, – место остановки для всех, посещающих Таганай. [...] Избушка стоит на очень пологом склоне; сзади круто поднимается один из отрогов Б[ольшого] Таганая, спереди – в нескольких шагах – большой – «Белый» ключ с прозрачной, как хрусталь, холодной водой; кругом места бывших костров; дальше довольно крутой спуск в долину, отделяющую М[алый] Таганай. [...] На другой день – 15 июня – встали рано, так как решили побывать на высшей точке Б[ольшого] Таганая – Круглой сопке или проще – Круглице – 4000 ф[утов] или 577 саж[ен]. Таганай – по-башкирски – «подставка луны» – по географии делится на 3 части – Большой, Средний и Малый; – все они, конечно, есть, но для туристов Средний и Малый не интересны, сравнительно с массивными утесами Большого, с Откликным гребнем, с Круглицей»[6].

Становятся популярными экскурсии и по уральским пещерам, так в двух верстах от г. Кунгура Пермской губернии находилась старейшая ныне экскурсионная пещера в России – Ледяная, впоследствии получившая название Кунгурской. Уже в середине XIX в. жители села Банного водили по Ледяной пещере первых любопытствующих.

В 1913 г. в Ледяную пещеру приехала на экскурсию группа учащихся Харьковского коммерческого училища, и ее руководитель В.В.Переверзиев писал, что пещера находится в ведении сельского общества, которое сдает ее в аренду за 40 рублей. Деньги за вход получала «хозяйка», а вел их проводник. До сих пор в одном из проходов можно увидеть надписи первых туристов, побывавших в пещере в середине XIX в.

Началом профессиональной экскурсионно-туристической деятельности на базе Ледяной пещеры принято считать 1914 г., когда А.Т.Хлебников взял ее в аренду у Филипповской общины крестьян за 300 рублей сроком на 12 лет. После этого стал ее расчищать, пропагандируя красоту подземных чертогов в статьях и листовках, которые печатал на свои средства. Александр Тимофеевич развернул широкую рекламную деятельность, создал экскурсионную базу, благодаря чему пещера превратилась в крупный туристический центр. Интересно отметить, что одними из первых туристов у Хлебникова были немецкие принцессы – Виктория фон Баттенберг с дочерью Луизой. Они посетили Ледяную пещеру во время путешествия по Уралу 13 июля 1914 г[7]. Виктория была старшей сестрой последней русской императрицы Александры Федоровны Романовой – супруги Николая II. По Уралу она путешествовала с другой своей сестрой – великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Еще одна пещера, которую посещали туристы в конце XIX – начале XX вв., находилась в окрестностях Кыштыма – это была Сугомакская пещера, расположившаяся у подножия одноименной горы. В.А.Весновский в книге «Иллюстрированный путеводитель по Уралу» пишет: «Сыростью и холодом веет из пещеры. Путешествовать по пещере рекомендуем с газовыми фонарями, дающими сильный свет без всякой копоти, что очень важно при прогулках под землею. Не мешает также иметь при себе веревки, а в руках палки. Идти можно в обыкновенной обуви, так как в пещере сухо. Пещера имеет несколько гротов. [...] Пещера имеет особенно эффектный вид при свете магния»[8].

Все же, основной целью отдыхающего на Урале было восстановление здоровья. Этой цели служили водо- и грязелечебницы, бесчисленные кумысные курорты. В.А.Весновский писал: «Что каса-

ется времени приезда на кумыс и продолжительности пребывания на нем, то в Уфимской и Оренбургской губерниях кумысолечебный сезон продолжается с 15 мая по 15 августа, а в Пермской – с 1 июня по 1 августа»[9].

Из наиболее крупных кумысолечебниц в Оренбургской губернии следует выделить хутор Джанетовка в 38 верстах к северу от Оренбурга. Это была одна из самых благоустроенных кумысолечебниц губернии. К кумысолечебным пунктам также относились село Тургояк Троицкого уезда, станица Благословенка вблизи Оренбурга, село Преображенское Верхнеуральского уезда, казачий поселок Чебаркуль Челябинского уезда, «Вилла Виктория» на берегу озера Горькое в 15 верстах от ст. Чумляк, поселки Аргаяш, Демарино и др. Пермская губерния «также имеет несколько пунктов, в которые ежегодно съезжаются сотни кумысников». Среди них: деревня Усть-Караболка Шадринского уезда, село Шайтанка того же уезда, башкирская деревня Забирова Екатеринбургского уезда, деревня Иткуль того же уезда.

Интересно было бы обратиться к бюджету обитателей уральских курортов. Так, в 1902 г. в Пермской губернии жилье обходилось от 8 рублей на обывательских квартирах и до 25 рублей, если снимать в самом курорте у владельца. Стол от 5 до 8 рублей в месяц, кумыс (при кумысолечении в относительно многолюдном Серкаевском курорте Шадринского уезда) до 15–17 рублей в месяц[10]. На курортах Уфимской губернии цены обычно были значительно выше. Из 21-го уфимского курорта две трети (а точнее 14) имели специально построенное жилье и специально прикрепленного врача, столовую или кухню. В Пермской губернии этого не было вообще, а отдыхающие снимали жилье у обывателей. Общее месячное содержание на курортах Уфимской губернии могло колебаться от 30 до 200 рублей в месяц. Оренбургская губерния представляла промежуточное положение по числу и качеству кумысных курортов, в сравнении с Пермской и Уфимской. Только четыре из одиннадцати можно назвать полноценными курортами. Цены за жилье от 30 до 550 рублей за сезон. Самым дорогим был кумысолечебный курорт доктора Каррика, что на хуторе Джанетовка близ Оренбурга.

Уральский край издавна был известен и своими минеральными целебными источниками. «Химические анализы состава уральских источников показывают, что они не только не уступают, а порой и превосходят некоторые известные минеральные воды Кавказа и Западной Европы. По отзывам врачей, уральские минеральные воды от-

Игнатиевская пещера.

личаются сильными целебными свойствами: результаты лечения ими получаются настолько блестящие, что больные избавляются от таких недугов и болезней, которые решительно не поддаются лечению аптечными средствами в продолжение многих лет, – читаем мы в книге Ф.П.Доброхотова. – К сожалению, большинство уральских минеральных вод совершенно не устроены, а те, которые эксплуатируются, лишены зачастую самых примитивных удобств»[11].

В пределах одной лишь Пермской губернии имелось около сотни разного рода минеральных источников. Наиболее известными были: Сергинские и Ключевские минеральные воды в Красноуфимском уезде, Курьинские и Обуховские минеральные воды в Камышловском и Еловские в Верхотурском уезде.

В Оренбургской губернии было известно несколько минеральных источников, но все они должным образом не были исследованы. Имелось и несколько озер с соленой водой (в одном только Челябинском уезде их было семнадцать). Наиболее известны – Илецкие минеральные воды близ ст. Илецкая Защита к югу от Оренбурга, Тихоновские горько-соленые воды в Челябинском уезде на озере Горькое, Смолинские горько-соленые воды близ г. Челябинска, Хомутининские горько-соленые воды в Троицком уезде.

Наиболее популярным в Оренбургской губернии водолечебным и кумысолечебным пунктом было озеро Горькое, расположенное в Челябинском уезде, у деревни Тихоновка Сухоборской волости. В 1900 г. священник Д.Г.Троицкий из г. Шадринска, страдавший ревматизмом, по совету доктора приехал сюда к минеральным источникам. А уже в 1910 г. заведующий мастерскими депо ст. Шумиха Фаддей Викторович Шейко взял в аренду участок земли на берегу озера. Созданный им на этом участке курорт «Вилла Виктория» за сезон принимал на лечение до 2000 человек. «Виктория» была хорошо оборудована: специализированные помещения для приема грязевых и минеральных ванн, столовая, спальные корпуса. В 1910 г. за три лечебных месяца здесь лечилось и отдыхало около 500 человек, в 1911 – 780, в 1913 – уже 1070, а в 1914 – 1127 человек[12]. В 1915 г. по направлению врача А.И.Хрущева из Екатеринбурга на берега озера съезжались больные ревматизмом. Поступали больными (их выносили из экипажей), а после 6–8 ванн уже самостоятельно ходили на лечение[13].

В сфере отдыха на Урале было и еще одно явление. В окрестностях крупных городов стихийно образовывались элитные места отдыха и развлечений. Купцы, чиновники, интеллигенция в 5–10 верстах от города, выбрав какое-либо живописное место, выстраивали там себе дачи. Так, в восьми верстах от Челябинска на озере Смолино образовалось одно из них. Поселок Смолино летом заполнялся приезжими. Жители сдавали дома, амбары, любые навесы за хорошие деньги: «Больные размещаются по домам казаков поселка, которые на лето выезжают жить в полевые избушки, если во дворе нет отдельного помещения. Квартиру можно иметь в 30, 40, 80 руб. за сезон (с мая по сентябрь). [...] В общем, жизнь обходится очень недорого; близость города и поселка при станции Челябинск дает возможность ежедневно заготовлять свежую провизию и приобретать все необходимые жизненные припасы и предметы домашнего обихода по весьма умеренным ценам»[14]. Отдыхающих привлекала дешевизна продуктов и особенно благодарственные слухи о целебных свойствах озера: «...вода Смолинского озера близко подходит к Соденским (Нассау) и Киссенгенским (Бавария) минеральным водам»[15].

В 1914 г. В.Е.Агров писал: «К числу [...] малоизвестных на Урале лечебных местностей принадлежит озеро Смолино, [...] по своим высоким целебным свойствам и по своим размерам оно могло бы служить курортом для всего Урала, по крайней мере, для той категории лиц, которые не имеют возможности ехать на отдаленные курорты»[16]. Сегодня, через сто лет, мы можем только сожалеть, что Челябинск, имея в черте города такое уникальное озеро, лишился его лечебных свойств, и жители близлежащих мест не могут в полной мере пользоваться этим природным богатством.

Пользовалось известностью у отдыхающих и озеро Тургояк, находившееся в 18 верстах от Миасского завода Оренбургской губернии. На его берегах начали строить дачи для отдыха, к 1906 г. их насчитывалось уже около двадцати. Жили в них только в летний период. Для отдыхающих были организованы купальни. В книге «Иллюстрированный путеводитель по Уралу» сказано: «В последние годы в Тургояке образовался кумысный курорт, и деревня служит дачным местом для жителей Златоуста, Челябинска, Троицка и др. селений»[17]. В своих мемуарах за 1908 г. К.Н.Теплоухов писал: «С[ело] Тургояк уже входило в моду, – было много дачников, – заняты все квартиры, которые могли сдать, на левом берегу появились уже нарядные дачи; – но обилие дачников замечалось только в селе, – места для прогулок в окрестностях было так много, что дачники не замечались, хотя бы их было еще больше. Дома мы сидели только в очень ненастные дни – на озере бывали ежедневно, а когда можно купаться, то и по несколько раз в день...»[18]. Слава об озере в скором времени дошла и до Москвы. В 1912–1913 гг. в поселке при озере жил со своей семьей художник Юрий Ильич Репин, сын знаменитого Ильи Репина. Вдохновленный местной природой, он писал пейзажи, портреты деревенских жителей, бытовые сцены. В одной из дач в 1916 г. проживал Константин Бальмонт с семьей. В 1916–1918 гг. была известна и «дача Герасимовых» – семьи знаменитого кинорежиссера. Позднее, в 1922 г. на базе 25 таких дач, летних павильонов, жилых помещений упраздненного женского монастыря образовался один из первых на Урале домов отдыха «Тургояк».

Главное достоинство Урала – разнообразие природных и культурно-исторических ландшафтов,

наличие значительных пространств, не затронутых хозяйственной деятельностью, но в силу этого – недостаточная развитость инфраструктуры. Последнее и ограничивало приезд туристов и отдыхающих из других районов империи. Однако, несмотря на это, общее число туристов, посещавших Урал до революции, ежегодно составляло около 5000 человек[19].

«Нет сомнения, что с развитием туризма на Урале, там обоснуются в будущем многочисленные санатории и курорты. Нет сомнения, что туризм внесет на этот Урал новую жизнь, которая пока доступна богатым людям. Для этого есть все на Урале: и горный воздух, и швейцарские виды, и минеральные разнообразные источники, и нарождающиеся курорты, не говоря о горных экскурсиях, к которым уже стремится местный житель, и которые в будущем войдут в его жизнь такой же могучей, требовательной потребностью, как это мы видим теперь в Швейцарии», – так писал в начале XX в. о перспективах уральского туризма К.Носилов[20].

К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Убийственными для сферы туризма и отдыха, как впрочем и для иной культурной жизни, оказались Первая мировая и Гражданская войны. Во время последней несколько раз по Уралу проходила линия фронта. Да и следующие события не способствовали развитию туризма на Урале, советская власть взяла курс на индустриализацию, возникали все новые предприятия и заводы, Урал стал промышленным центром страны.

Несмотря ни на что, в первые годы XX в. шла демократизация туризма как социального процесса. Сегодня, как и сто лет назад, частная инициатива начинает определять направление развития индустрии туризма и отдыха. Сейчас на многих уральских курортах отдыхать дороже, чем в Турции или в Египте – цены растут, доступных мест отдыха становится все меньше. Остается только сожалеть, что Урал при всех своих богатствах и удобному месторасположению так и не стал туристическим центром.

Примечания:

1 Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный. Петроград, 1917. С. 608.

2 Весновский В.А. Путеводитель по курортам Урала. Екатеринбург, 1902. С. 165–166.

3 Доброхотов Ф.П. Указ. соч. С. XVI.

4 Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. С. 339.

5 Легенды и были Таганая. Златоуст, 2005. С. 77.

6 Теплоухов К.Н.Челябинские хроники: 1899–1924 годы. Челябинск, 2001. С. 164.

7 Рапп В.В. Кунгурская Ледяная пещера. Путеводитель. СПб., 2010. С. 18.

8 Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу... С. 369–370.

9 Доброхотов Ф.П. Указ. соч. С. 251.

10 Весновский В.А. Путеводитель по курортам Урала... С. 82.

11 Доброхотов Ф.П. Указ. соч. С. 271.

12 Там же. С. 293.

13 Щеткова О.А. Первый владелец курорта «Вилла Виктория» в Зауралье // Гороховские чтения: Материалы II регио-

На Южном Урале.

КОГДА ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО МОЛИТЬСЯ: КРИК О ПОМОЩИ ИЗ XVII ВЕКА

Арсений БОГАТЫРЁВ,

историк,
учитель истории МБУ
Гимназия № 38 г. Тольятти.

История – бурное море, в котором нередко случались крушения человеческих судеб. До историка сквозь века доходят сигналы SOS от людей, терпящих бедствие среди суровых волн прошлого. Они исходят из старинных бумаг, забытых писем, хрупких пергаментов. Задача историка принять эти позывные...

Один такой сигнал поймали и мы.

Среди документов Российского государственного архива древних актов в Москве сохранились материалы первого российского постоянного представительства в Польше или, как называли ее тогда, Речи Посполитой – резидентуры. Их автор – стрелецкий полковник Василий Михайлович Тяпкин – в качестве резидента жил вдали от Родины несколько лет, с 1673 по 1677 годы. Все это время, скитаясь от Варшавы до Львова и Кракова, Тяпкин служил своему Отечеству, выполняя задания московского государя, передавая в Россию самые разнообразные, часто секретные, сведения.

Изведавшему войну и ее напасти, именно эти мирные годы дались ему особенно тяжело: резидента должно было содержать государство, принимающее его миссию, однако ни со стороны Польши, ни со стороны России тогда никаких предложений на этот счет не последовало. На жалованье, которое с большими перебоями высылали из России, насилу удавалось свести концы с концами – хлеб и фураж в «стольном граде» Варшаве, куда дипломат направился сразу по приезде в Речь Посполитую, были дороги. Да и видел он эти деньги весьма редко. Впрочем, неплохую денежную помощь обещал полковнику один из государственных людей Речи Посполитой великий канцлер литовский Кшиштоф Пац – по 40 польских золотых (или 4 рубля), а потом еще и на сено («топливо» для конного выезда дипломата) и прочее аж 200 золотых выделить[1]!

Но такую «щедрость» проявляли к Тяпкину недолго, а ведь жить ему в Польше надо было не месяц и не год, но «Бог весть»[2] сколько. И расходов требовали не только еда или дрова, без которых в резидентуре можно было замерзнуть. Тяпкину, как представителю русского государя, нужно было постоянно общаться с польскими панами, сенаторами, наконец, с королем. А для этого требовалось многое – например, роскошный выезд, подобающий вид, щедрые угощения для «сильных мира сего». Все это обходилось в копеечку.

Пришлось резиденту с его более чем скромным «бюджетом» обращаться к ростовщикам. Кто из нас не пытался брать кредит, а потом выплачивал нередко весьма солидные проценты? Многим такая система попортила немало крови. Но наши страдания ничто по сравнению с положением попавшего в лапы к ростовщикам Тяпкина. К львовским ростовщикам стекались толпы людей, которым требовалась помощь. Они несли им книги, ложки, конские седла с подушечками, ювелирные украшения и даже ульи с пчелами. Все это делец брал и давал деньги под залог имущества и под большие проценты. Как раз одному такому мещанину-ростовщику резидент заложил свою верхнюю одежду – ферязь[3].

Фактически брошенный на произвол судьбы, вынужденный закладывать собственное имущество, чтобы просто выжить, полковник обратился к своему начальнику, главе Посольского приказа, как тогда называли Министерство иностранных дел, Лариону Ивановичу

Иванову (1676–1682) с письмом. Это был вопль отчаяния. Читая это послание XVII столетия в наше нелегкое время, невольно сочувствуешь своему соотечественнику, отрезанному от тебя веками. И собственные проблемы вдруг кажутся нелепыми и надуманными перед трагедией человека, умирающего от голода и безденежья в далекой, чужеземной стране. Вот это письмо, помеченное 12 апреля 1677 года (чтобы читатель острее ощутил настроение Тяпкина, мы выбрали наиболее яркие фрагменты и постарались сохранить своеобразный стиль той эпохи, по возможности приблизив его к нашему, современному языку):

«Благодетель и государь мой
Ларион Иванович.

...Я, бедный, живущий по нынешнее число... в чужом государстве и в странной и необыкновенной, но в чиновной службе прибывающий, которой никогда в Московском государстве не было, заведуя такими превысокими государственными делами и не имею никакой государской казны для раздачи среди шляхты (польской знати, которую с помощью подарков удавалось расположить к себе, сделать сговорчивей и так выведать побольше информации – *А.Б.*), раздал и ныне раздаю, что могу от государского имущества, не ради каких своих лакомств и богатства, но только служа ему Государю верно, душою... и задолжался из последних... в надежду на его государские милости, яко все то мне (яко и прочим...) награждено будет. И сие мое плачевное объявление Государю предложив, молю с горьким плачем, в надежду милосердия щедрот твоих... вечного милосердия Божьего и по многолетнем твоем здравии впредь будущей вечной жизни, ради Господа сотвори со мною, рабом своим, вечную милость, не посягай на мое сиротство и не разори меня, убогого, если имеешь Бога своего в сердце своем, если любишь родителей своих, если милуешь жену свою и детей, если принимаешь странников и питаешь убогих и сирых вдовиц и за бедных заступаешься.

Тогда и меня, негодного, до услуг своих раба, вместе с беззащитными сиротами женою моею и убогими моими детьми, прими в помощь и в заступничество свое и склони к нам ухо православного христианского милосердия своего... вели те... мои убогие крохи выдать...»[4].

В последних строках письма резидент взывает к милосердию своего «босса». Ситуация, увы, знакомая и нам. Как и сейчас, в те времена низший по рангу и положению зависел от великодушия вышестоящего. И, как и в наше время, мольбы и просьбы часто оставались без ответа. Это – самое большое и наиболее проникновенное послание Тяпкина с просьбой о помощи. Были и другие: во многих его донесениях из Польши проскальзывает крик отчаяния...

Пытаясь «достучаться» до правительства, резидент пишет в Посольский приказ очередное письмо, проникнутое укором: «...Не в пример тебе, моему государю Лариону Ивановичу, объявляю о резиденте королевского величества (польского – *А.Б.*) господине (Павле – *А.Б.*) Свидерском, которому на сейме нынешнем постановлено выдать 48 000 золотых польских, что... московского счету 4 800 рублей, а ты, государь, мне только 200 рублей дал государского жалованья на нынешней год, которыми едва долг оплатил, и такое твое не милосердие рассудит Вседержитель Бог между мною и тобой...»[5].

Стремясь покинуть ставшую для него узилищем Польшу и вернуться в Россию, истосковавшийся по родной стороне Тяпкин просил пожалеть его семью: «Женушка бедная с детишками по чужим углам скитается во всякой скудости». Хозяйство дипломата, в которое был вложен его труд, без него постепенно приходило в упадок: «домовый заводик», животина[6]...

Все усилия пошли прахом, ни денег не выслали, ни освободили от обременительной должности. Хуже того, полковника бессовестным образом обокрали – приехавший к нему гонец Максим Бурцов и его люди забрали себе лучших соболей, а Тяпкину для «казны» оставили самых плохих. Дипломат негодовал: мало того, что Бурцов обогатился за счет его миссии, так его еще и щедро наградили – серебряной кружкой и другими «презентами». В то время как заслуги и старания Тяпкина остались без должного внимания[7]!

Так и не получив ответа из Москвы, дипломат молил правительство хотя бы заменить его на посту кем-нибудь другим: «...Или уж нет человека в государстве, кому меня переменить. Много разумных и премудрых и богатых, да разве отбиваются и не хотят некоторые ему Государю поработать и послужить, а я бы убогой... еще ему Государю на иные услуги пригодился»[8].

А тут еще новая напасть. «Болею», – находим в послании резидента в Россию. В этом коротком слове выражается весь ужас положения нашего соотечественника. Самые разные болезни свободно блуждали по городам и, прежде всего, чума. На городских стенах появлялись черные таблички – значит, здесь пытались лечить эту страшную хворь. Травы, основное лекарство, не помогали, и тогда на улицах возникали закутанные в черное, похожие на пауков, фигуры с крестами на одежде – гробовщики, – дабы собрать свой страшный урожай[9]... Вот в таких жутких условиях приходилось жить и работать русскому дипломату.

Немало досаждал резиденту голод. Всю трагедию его положения, его жизни в Польше помогают постичь его письма. В одном – описание пира, устроенного французскими дипломатами для польских панов и персидского посольства. С явной завистью Тяпкин перечисляет блюда, стоявшие на столах и недоступные ему: сахарные фрукты, мясо... А сколько элитного венгерского вина выпили поляки на приеме у шведского посла! Резиденту оставалось только описывать серебряную посуду с тонкими яствами на ней – сам дипломат не мог позволить себе многого, находясь на положении строгой экономии[10].

И вдруг, среди всех этих опасностей и невзгод, появляется спасительный луч света: к Тяпкину приезжает важный человек с особым поручением. Резидент радовался – неужели его услышали, и он вернется в Москву: «...Подьячий Никита Алексеев ко мне в Краков приехал, я чаял, что... государскую милость ко мне привез – свободу

отсюда, или жалованье, чем питаться, но...»[11].

Оказалось, рано резиденту было праздновать свою свободу. Забытый московскими властями, он вновь посылает сигнал о бедствии: «...Стрельцы (охрана, входившая в свиту дипломата – *А.Б.*) бедные наги и босы; кафтаны, государево жалованье и сапоги износили давно, я, изнемогая, насилу даю им свое платьишко...»[12].

Вопреки всему, Тяпкин держался мужественно, успевая отправлять через почту в Посольский приказ все новые сведения, оповещая государя обо всех важных событиях, происходивших в Польше и в других странах. Можно только позавидовать выдержке дипломата, преодолевавшего нищету и голод, тратившего уже собственные деньги для подкупа знавших немало шляхтичей[13]. Стойкость дипломата, служившего так, как подсказывало ему «христианское сумнение»[14], могла бы стать для нас, людей XXI века, примером истинного служения своей Родине, если бы о подвигах нашего земляка знали не только историки.

Между тем, дела в резидентуре были плохи. Тяпкину, представителю самого московского государя, не на чем было выехать в королевский замок для аудиенции с польским монархом – его единственная лошадь издохла в Львове от страшного «смрада»! Даже одежды приличной у дипломата не было – последнее заложил. Вот и писал Тяпкин, стыдясь своего положения среди сверкавших драгоценными «клейнодами» придворных короля, что ему «трудно и мерзко, убогому, с богатым брататься»[15]. Да что там говорить о его внешнем виде, если и в саму резидентуру стыдно было приглашать посетителей – у всех резидентов на почетном месте висел портрет своего монарха, и только Тяпкин уже давно и безуспешно просил царя Алексея Михайловича (1645–1676) выслать ему свое изображение, ведь перед людьми неудобно.

Слава Богу! Нашлись те, кто не оставил русского дипломата в это тяжелое время. Так, знатный человек Александр Полубеньский помогал Тяпкину, одалживая ему овощи. «Грек», православный житель Львова Александр Балабан дал полковнику денег на дорогу до Яворова, где должна была состояться его встреча с польским королем[16]. Но самое важное, его не оставили, когда у него не оказалось над головой крыши!

Чем это могло грозить дипломату? Ну, хотя бы преждевременной смертью – преступность в польских городах процветала, а «полиция» работала плохо. Стражников-цепаков не хватало, «ночной бурмистр» за порядком надзирал плохо. Попади вы на полуосвещенные редкими окнами мрачные улицы польского города и вам начнет мерещиться такое... Мы считаем наше время жестоким, но шлепая впотьмах по грязи в городке XVII столетия, можно было запросто получить удар дубинкой, потерять имущество (особенно хорошо воровали лошадей) или жизнь. В «мястах» орудовали банды солдат-жолнеров, не получивших жалованья и разбоем добывавших себе пропитание, бродили нищие-жебраки и попрошайки. А на городской площади можно было наткнуться на... отрубленную голову преступника, которого все же покарала вооруженная раскаленными щипцами рука «ката» – палача[17].

Теперь мы можем представить себя на месте московского резидента в Польше XVII века – чувства, проступающие за строчками его писем, становятся понятнее. Просто чудо, что нашелся человек, который помог царскому представителю с жильем: его приютил один добрый униатский ксендз. Но даже за крепкими стенами трудно было ощутить себя защищенным – в письме полковника читаем, что однажды ему, прошедшему боевые действия и раненому в сражениях, пришлось натерпеться настоящего страха от... подвыпившей шляхты, пытавшейся спьяну пробиться к дипломату в палаты! Так жил «несчастный резидент», как справедливо окрестил его знаменитый русский историк Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879)[18].

Помощи сердобольных людей было мало. Сигналы, посылаемые Тяпкиным в Москву, становились все более отчаянными – дипломат писал, что в слезах молится «со всеми домовыми червями», как униженно называл себя и свое окружение резидент. Последнюю надежду уставший полковник возлагал на Господа Бога[19]. Наконец, его молитвы были услышаны: в 1677 году пришло «избавление» – необходимость в миссии просто отпала и Тяпкин смог вернуться домой.

А из глубины веков доносятся до нас мольбы о спасении терпящего бедствие среди моря человеческого равнодушия русского человека. Век XVII с его кошмарами давно позади, нас разделяют столетия, но человеческая природа, как видно, остается неизменной...

Примечания

[1] Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 251; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. М., 1897. Ч. 3. С. 159; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 79 (Сношения России с Польшей). Дело 178 (Доклады Тяпкина в Москву 1676–... годов). Лист 29; Д. 161 а (Черновик отчета Тяпкина о проделанной работе в Москву). Л. 298об., 60об.–61.

[2] Там же. Л. 514.

[3] Lozinski W. Przekupien lwowski w XVII wieku // Kwartalnik Historyczny. Lwow, 1888. R. 2. S. 366–367; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М., 1991. Кн. 6. Т. 12. С. 500.

[4] РГАДА. Ф. 79. Д. 182 (Донесения Тяпкина в Россию от 1677 года). Л. 135–135об.

[5] Там же. Л. 146об.–147.

[6] Там же. Д. 178. Л. 54об.; Д. 163. Л. 54об.

[7] Там же. Д. 178. Л. 29об.

[8] Там же. Л. 54.

[9] Karpinski A. Opieka nad chorymi i ubogimi w miastach polskich w czasie epidemii w XVII–XVIII wieku // Charitas. Milosierdzie i opieka spoleczna w ideologii, normach postepowania i praktyce spolecznosci wyznaniowych w Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku / Pod red. U. Augustyniak i A. Karpinskiego. Warszawa, 1999. S. 237, 238, 240.

[10] РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 6об.–7; Д. 161 а. Л. 165об.

[11] Там же. Д. 178. Л. 125–125об.

[12] Там же. Д. 160 (Документы об отправлении Тяпкина в Польшу). Л. 135; Д. 178. Л. 29.

[13] Там же. Д. 182. Л. 20–20об., 34об.

[14] Там же. Л. 20.

[15] Там же. Д. 178. Л. 24; Д. 182. Л. 121.

[16] Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 6. Т. 12. С. 490; РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 28об.

[17] Karpinski A. Przestepczosc we Lwowie w koncu XVI i w XVII wieku // Przeglad Historyczny. Warszawa, 1996. T. LXXXVII. Z. 4. S. 755, 756, 757, 758, 759, 765; Bystron J.S. Dzieje obyczajow w dawnej Polsce. Wiek XVI–XVIII: w 2 t. Warszawa, 1994. T. 1. S. 220; Tomkiewicz W. Warszawa w XVII wieku // Kwartalnik Historyczny. 1965. R. LXXII. S. 607.

[18] РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 27об.; Замысловский Е.Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1887. С. 11; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 6. Т. 12. С. 500.

[19] РГАДА. Ф. 79. Д. 163 (Донесения Тяпкина в Посольский приказ от 1674–... годов). Л. 25.

СЛОМ

«...Границы рая и ада подвижны,
но всегда проходят через нас...»
Станислав Ежи Лец

Владлен КОЗИНЕЦ,

г. Екатеринбург.

К окончанию «Курса молодого бойца» от Мокея Конанова остались буквально кожа да кости, не считая, конечно, саженного росту, только этот от него никуда и не делся. Мокей сам себе удивлялся: всю предыдущую жизнь провел в тайге, неделями мог гонять на лыжах за зверьем, летом на Печоре рыбачил с отцом, с дядьями вовсе без устатку, спал как зайчишка – под любым кустом, абы голову прикрыть от комарья. А здесь... Не привык он вскакивать по команде, сам всегда просыпался, во сколько надо. У них в деревне издревле с утра все делалось неспешно: перед работой мужики любили покурить, посудачить... Считалось, что для взрослого мужика бегом носиться – последнее дело. Не пацан же! Зато когда брались вкалывать – там не сачкуй, свои же спуску не дадут. А тут, в этой армии... Попробуй успеть за те сорок пять секунд, пока у старшины спичка горит, одеться-обуться! И куда, спрашивается, спешили, если потом часами бестолково очередной команды вечно ждем?

Вообще непросто давалась ему воинская служба. Поначалу форму долго подбирали: никак не могли найти сапоги сорок седьмого размера; ни одна шапка не налазила, с шинелью тоже возникли проблемы – все и коротко, и мало. Будто армия на детей недоразвитых рассчитана. Так и ходил в строю новобранец Конанов чуть ли не неделю и в столовую, и на развод в своих затертых ботинках, в старом, до дыр заношенном отцовском пальто: «все равно выкинут или стырят» – поучали земляки, «бери с собой, чего не жалко». Пока в таком весьма странном для солдата виде не попался Мокей на глаза командиру дивизии.

– Это еще что за чучело! – воззрился на парня генерал. – Чтоб я этого больше не видел!

Замполит, стоящий на шаг сзади комдива, смекнул – его дружку и собутыльнику начштаба досрочно третьей звезды точно не видать: кому еще вещслужба подчиняется?

«Ну и бардак в армии! – думал про себя Мокей. – Лучше б я в тайгу ушел на месяцок-другой, пока повестки разносили. Хрен бы кто меня там обнаружил».

Еле-еле, но все же экипировали новобранца. Комдив тогда дал разгону вещевикам по высшему разряду. Хотя они и так уже носились как ошпаренные – начальник штаба обещал лично всем рожи набить, если за сутки-другие не решат вопрос с этим... столбом.

– Три дня, и чтобы солдат был экипирован! – еще более-менее милостливо потребовал командир дивизии. – Мы с ним одного роста. Не управитесь – смотрите у меня! На четвертый... одену парня во все генеральское – вам в укор! И начну разбираться... сами знаете как!

Но от того, что одели-обули, все равно легче новобранцу не стало. Программа подготовки – то еще занудство: уставы, уставы, снова уставы... От зубрежки голова пухла. Стрельба-то давалась легко, да только тоже не в кайф. Шуму больше, чем дела: сплошные построения, накачки, одно и то же талдычат по сто раз. А что в этом сложного – прицелиться и выстрелить? Мокей это с детства делал, никто не учил. Посмотрел, как взрослые на охоте – и все.

Из удовольствий оставались только разве что кроссы. Да и то,

если подумать... Он еле сдерживался, чтобы не рвануть изо всех сил, а не тащиться в составе взвода – как того требовали командиры. Мокей на кроссе оживал: он всегда, словно кожей чувствовал ритм своего дыхания, органично вписывающегося в окружающую среду – была ли это легкая осенняя капель или даже проливной дождь, светило ли щадящее осеннее уральское солнышко... Все было Мокею в радость в такие минуты: и лай собачки вдалеке, и чириканье птиц... Хотя большинство страдало именно от бега.

– Нас что, к Олимпиаде готовят? – падая от усталости на траву, чертыхнулся однажды его землячок из Коми республики, невысокий парняга из Княж-Погоста Емелька Торопов. – Так она уже два года как прошла.

– Московская закончилась, – невозмутимо ответствовал сержант Приходько. Этому-то кросс – как гусю вода, даже толком не вспотел. – Так другие будут, Торопов. Может, и ты попадешь. Как мой дружок – на Московскую.

– И какую он там взял медаль? – ехидно поинтересовался кто-то из таких же новобранцев, как Мокей и Емельян. – Не зря старался?

– Он там следил, чтобы медали не скомуниздили. В ментуре служит.

Сейчас Мокей откровенно засыпал на политзанятиях.

– При взрыве будут кувыркаться все: и люди, и техника, и партийные, и беспризорники, – назидательно внушал командир взвода, двухметровый гигант лейтенант Бредихин. – Отсюда мораль...

Что за мораль, досказать лейтенант не успел. А и управился бы – все равно не расслышали бы толком его подчиненные. Потому что дверь ротной «Ленкомнаты»[1] со скрипом отворилась, и на пороге появилась старшина сверхсрочной службы Анфиса Заборская – бывшая чемпионка Вооруженных Сил, а ныне – тренер по лыжным гонкам. Ее появление вызвало резкое оживление полусонной аудитории. Так всегда неизменно случалось, стоило спортсменке со статной фигуркой оказаться в центре мужского внимания. У нее в наличии было все: точеные ножки в модельных, не по уставу, туфельках на таком высоком каблуке, что... «мама, не горюй»; пилоточка вообще еле держалась на самой макушке гладкостильной стрижки «каре» ярко-рыжей масти с блондинистой прядкой у левого виска... Правда, был у красавицы на личике один дефект – небольшой шрамчик под скулой, который, впрочем, Анфиса умело макияжила. Его еще нужно было суметь углядеть.

Ходили упорные сплетни: погон прапора ей не видать как своих ушей как раз по причине яркой внешности. Мол, из-за того, что позволила себе Заборская грубо отшить ухаживания большого чиновника – ехидно скривиться на пузо начальника физической подготовки округа, когда тот предложил ей в своей привычно-хамоватой манере неформально, лучше где-нибудь в кафе, провести обсуждение... ну, скажем, перспектив развития лыжного спорта. Хотя, похоже, тренершу обида начфиза волновала мало: чувствовала тридцатилетняя деваха свою силу над мужским полом, да и верила во все остальные свои качества, особенно деловые – найдутся начальники и повлиятельнее этого подпола, который сам из какой-то тьмутаракани только-только перевелся в штаб округа. А туда же... Она и сейчас не собиралась вести себя по уставу.

– Флегонт, – обратилась она достаточно развязным тоном к лейтенанту. – Я пришла...

Но на взводного прелести красавицы не подействовали. Не на того нарвалась!

– Покиньте помещение, старшина! – рявкнул лейтенант. – Дождитесь перерыва!

Лейтенант Бредихин привык на всех взирать с высоты своих двух метров, то есть – сверху вниз. Грозности ему добавляли и короткий армейский ежик жгуче-черных волос, и внушительный, без горбинки прямой нос, и строгая линия смоляных бровей, почти сросшихся на переносице. Картину дополняли до зеркального блеска начищенные хромачи, гимнастерка ПШ[2], туго обтягивающая атлетическую фигуру с широченными плечами. Так что солдатики, да и прочие вели себя смирно в его присутствии.

Они не поссорились – старшина была сама откровенность. Уже через минуту, когда во время перерыва лейтенант отошел к окну, Заборская откровенно объяснила, что явилась она сюда не по дурости или прихоти. За Мокеем пришла.

Но Бредихин гонору не сбавил.

– С чего это вы взяли, старшина, что я его так просто взял – и отдал? – Бредихин небрежно, локотком оперся на высокий подоконник – только при его росте это и было возможно: специально в казарме подоконники строили высоко – чтобы солдатики на них не засиживались, как куры на насесте. – Откуда такие поспешные выводы: перспективный спортсмен, подающий надежды талант? Я и сам способен в этом вопросе разобраться. Ничего подобного не вижу за ним... пока что.

– Я знаю, Флегонт Филиппович, что вы – мастер спорта... – Заборская умела, в зависимости от обстоятельств, менять тактику, и в эти минуты была сама покладистость.

– Предположим, не мастер, а только кандидат в мастера, – невозмутимо поправил ее лейтенант. – По биатлону, а не по вашим... драным лыжам.

– Ой как невежливо... насчет лыж...

– И я в состоянии, – с напором продолжал комвзвода, – отличить перспективного для спорта человека от простого охотника из дремучего леса. Дыхалка у него есть, не спорю, да бежит-то он пока чересчур коряво, вразвалку. Шлифовать и шлифовать!

– Где это вы его так внимательно успели разглядеть, лейтенант? Может, сами хотите с ним позаниматься?

– Было бы время... Да какая разница – по тропинке, по плацу солдат бежит, по лесу ли? Он потом на лыжах так же будет! Вам ли не знать? Объяснитесь, старшина, если сможете, а на чем основываются ваши предположения? Вы-то

его подавно в деле не видали – еще поменьше меня. Сорока на хвосте принесла? А потом выкинете парня за ненадобностью, а мы восстанавливай, в строй ставь. Знаем, навидались! Порошочков, как до дела дойдет, от души подсыпите – и будете смотреть, как он дергается из последних сил... Что молчим, старшина? У меня времени лишнего нет. Перерыв кончается.

– Можно просто Анфиса.

– Мне так проще, если не возражаете.

– Я учту ваши замечания, будьте уверены. Что же до пресловутой сороки... Не скрою – у нас есть свои информаторы. Про порошки ничего сказать не могу. Ими не пользовалась... пока. Ни разу!

– А они вам не подсказали, ваши стукачи, что воин еще присягу принять не успел? Какие к нему могут быть подходы? Он у вас завтра домой драпанет сдуру – и кто искать будет? Взводный?

– Сначала присяга, потом на учения укатите... Верные люди, квалифицированные не меньше вашего, приглядели нужного мне паренька: все после кросса в траву падают да курить бросаются, как паровозы, а этому – хоть бы что. Поди и сами на этот факт обратили внимание?

– Ну и что? Не он один такой.

– Так делайте выводы. Правильные. А то замордовали своим «Курсом молодого бойца» всех ребят в доску – и рады.

– Это они вам – ребята. А для меня – воины, и сопли мы тут никому вытирать не будем.

– А я ему что, платочек принесла? На блюдечке? С каемочкой? Не на гулянку солдата забираю.

– До присяги он даже не солдат. Новобранец! Пора бы знать.

Так и допустил бы взводный, чтобы последнее слово осталось не за ним! Он разве что старшим по званию такое позволял, да и то – через раз. На дорожку Анфисе еще и поехидничал.

– Давно ли платочки на блюдечках подносить стали? Что-то новенькое в доблестных мотострелковых войсках. В общем так: вы спросили, я ответил. Можете быть свободны, старшина.

Через неделю история повторилась. Правда, в несколько другом варианте. Снова была пятница – день политзанятий в части. Лейтенант излагал очередную тему, Мокей безуспешно боролся со сном: голова так и норовила упасть на стол или, как минимум, на руки – ими приходилось лоб подпирать. Вроде как бы задумался боец...

– В Гражданской войне Севера и Юга страны Соединенные Штаты потеряли убитыми больше, чем в двух предыдущих мировых войнах, Вьетнаме и Корее, вместе взятых...

Дверь на этот раз распахнулась бесшумно – петли успели смазать, и в «Ленкомнату» вошел сухой, словно вытянутый в высоту курчавый красавец-капитан – начальник огневой подготовки полка Муллагалиев.

– Привет, лейтенант. Рядовой Конанов, на выход!

Так и вытерпел взводный командир столь бесцеремонное вмешательство!

– Фарид Салимович! У меня, между прочим, политзанятия. По плану, утвержденному командиром полка. Так что давайте, если это возможно, не срывать подготовку...

– Не лезь в бутылку, лейтенант. Таланты в землю не зароешь. Он классно шмаляет из АКМа? Некогда мне ждать: скоро, сам знаешь, дивизионный смотр.

– Ну и что из этого следует? Я бойцов тоже готовлю. И к смотру – в том числе. Не хуже некоторых стрелять умеем. Особенно – из штатного оружия.

– Вот и готовь... других. А способным дать результат настрел[3] нужен! Тебе столько патронов не дадут, лейтенант, сколько он спалит!

– Пошли, боец!

Взводному эта «песня» надоела быстро. В ближайший понедельник он перед отбоем приказал дежурному по роте направить рядового Конанова в ротную канцелярию. По вечернему времени никто не мог помешать им потолковать по душам.

– Садись, Мокей. Курить не предлагаю. Сам не смолю – и тебе не советую. А то тут мигом... обучат.

– Да мне и не нравится. Ничего хорошего в этом нету.

– Правильно мыслишь, рядовой. Думаю, и в остальных взглядах на жизнь придем к общей точке зрения. Как тебе охота этих ухарей? Которую на тебя открыли? То лыжница эта, то капитан.

– Причем здесь охота? Что я им, дичь?

– Вот и я так же мыслю. Предлагаю следующий вариант... Пожалуй, он будет самый верный. Я ближе к зиме возобновлю тренировки, пора колодку[4] вырабатывать, заждалась она меня. Хоть бегаешь ты и прытко, но – коряво. Вразвалку. В спорте с этим делать нечего.

– А кто меня учил?

– Я тебя и не сужу. Тренера научат – если сам захочешь. Это несложно. Стрелять тоже умеешь. Буду брать тебя с собой. Глядишь, и биатлониста из тебя сварганим. У нас очень опытные тренерочки есть, не таких дуболомов деревенских обтесывали. Да и я помогу, кое-что уже знаю. Хотя у меня со временем всегда туговато. Ротный тебя будет отпускать – этот вопрос я решу. Что скажешь?

– Мне все равно, – Мокей сидел на самом краешке стула, не мог перед командиром иначе.

– Непонятно мне твое равнодушие. Что за настроение, боец?

– Мне бы отоспаться. Домой бы на недельку.

– Далеко твоя деревня, парень. Как, бишь, она прозывается?

– Объячево, реальный центр Коми-края – оживился Мокей. – У нас там, в нашей республике, Сыктывкар никто за столицу-то и не держал. Коми нация...

– Да мне до лампочки. Был бы ты из какой-нибудь уральской области, отправил бы тебя втихую на пару-тройку дней домой, чтобы продрыхся. И то – только после принятия присяги. А тебя оформлять с дорогой надо, это – целый отпуск, который положен только после первого года службы, не раньше. Так что извини.

– Да я бы сам добрался.

– Раз говорю, что не положено – значит, никак. Это не обсуждается, рядовой. А всяких там купцов... слушай поменьше. Наобещают золотые горы, отожмут как половую тряпку досуха – и назад отправят за ненадобностью. А им новых подавай, в армии дураков много. Сам через это прошел – еще в училище. Был бы умнее – давно бы мастером стал. Так загоняли – год потом на лыжи не вставал. Тошнило от одного взгляда! У нас с тобой сейчас – две задачи: путево подготовиться к присяге, чтобы текст – от зубов, и – полевой выход, в твоей жизни – первый. Там и настреляешься, и набегаешься вдоволь. Иди, подумай над моим предложением. Пока время позволяет.

Но Заборская была не их тех, кто сдается – все равно, по привычке, опередила всех. Она заявилась в казарму на другой же день после торжественного акта принятия в полку воинской присяги. Тренерша нарисовалась в казарме в понедельник с утречка, в аккурат после полкового развода. Новенькая, необмятая офицерская форма еще выгоднее подчеркивала ее стати: внушительный набор отличий воинской доблести – гвардейский значок, знак классного специалиста третьей степени, техникумовский ромбик, значок мастера спорта международного класса. Новенькие прапорские звездочки, словно солнечные стрелы, метали молнии во все вокруг, включая привычно-восхищенные мужские взоры.

– Читай, лейтенант, если грамотный. Приказ замкомандующего округа насчет твоего Конанова, – протянула она Бредихину узкую полосочку бумаги – копию телеграммы в штаб дивизии.

– Ты бы еще гусарский значок нацепила, – уставился как можно безразличнее на ее кителек взводный, хотя глаза как магнитом тянуло мысленно огладить ладный, будто на тарелочке, бюстик этой чертовой бестии.

– Введут гусарские подразделения – прилепим и его, какие проблемы? – Анфисин взгляд был таким ехидным, таким многозначительным!

– Чтоб ты в курсе была: в Англии, например, гусарами до сих пор называются лучшие бронетанковые полки. Как наш!

– Все б вам воевать, мужики! Единственный долг перед историей – переписать ее заново? Не тяни резину, лейтенант. Моя взяла, ты же видишь.

– Взяла, дала... Вас, баб, ни переспорить, ни покорить. Как тех чеченов. Все по-своему норовите.

– Это ты на моего благоверного намекаешь? Аслан хоть и чеченец, да уже – кандидат наук. Физико-математических. Не чета всяким. Хотя на Северном Кавказе мало что изменилось в нравах со времен службы поручика Лермонтова. Вот генерал Ермолов был умный мужчина: не покорял, а договаривался. Даже при царе понимали, что в одиночку страной править невозможно – раз уж мы с тобой в историю ударились. А ты все сам норовишь, красавец... необъезженный. Попался бы ты мне годочков на семь-восемь пораньше!

– Я тогда бы еще в школу ходил.

– Ты б у меня куда нужно... не ходил, а бегал.

– Мужем командуй.

– А то я ему в рот смотрю!

– Раз уж мы пошли на такие... откровения: что ж его фамилию не взяла? Чечена твоего?

– Своя нравится.

– Деток-то почто не заводите, раз такие кругом правильные? Чай, не девочка уже.

– Не в свое дело прешь, литер, – глаза ее сузились, отчего лицо приняло злое, хищное выражение. – Выполняй приказ!

Председатель обкома профсоюза работников лесного хозяйства области Смолянов был не в духе. Он вполуха слушал, что там щебетала его «правая рука», секретарь обкома Октябрина Завьялова. А та, нарочито не замечая настроения шефа, упоенно расписывала поездку за границу, куда она только что свозила группу работников отрасли, не забывая при этом время от времени как бы невзначай поправлять свою черно-рыжую мелированную стрижку, произведенную за хорошую оплату все в той же загранице. Чем напоминала Семену Степановичу их общее прошлое, когда именно она, Катька-Октябринка, инструктор физкультуры облсовпрофа, чуть не за уши вытащила его из лесной глухомани в областной центр. А как сладки были их ночи в таежной заимке! Чего уж теперь вспоминать – больше десятка лет прошло и быльем поросло. Как только перебрался в областной центр – в глухую завязку с этим делом ушел, ни-ни!

– Представляете, абсолютное большинство наших передовиков впервые побывали за рубежом! Мы с вами им такую поездку устроили, да еще – на профсоюзные деньги! Вы только подумайте: в Каире, на улице Ибрагима Паши, до сих пор нетронутым стоит с прошлого века отель «Шепердс», построенный аж в 1841 году! Он еще знаменит тем, что в 1870 году там располагался базовый лагерь великого путешественника Томаса Кука. Нас туда возили на экскурсию. Такая красота, такая роскошь! Представьте: мавританский зал, в любую жару – прохладный, весь из себя такой торжественный-торжественный! Под куполом из цветного стекла накрыты восьмиугольные столы, на спинках стульев – накрахмаленные салфетки, сиденья – все в подушечках, я на минутку присела – тугие-тугие, так удобно! Бальный зал – с колоннами, пилястры на них – в виде цветка лотоса, так называемый «эдвардианский стиль»... Да вы меня совсем не слушаете, Семен Степанович. Случилось что? На вас, ей богу, лица нет.

– Почему? Все слышал. Про... «эдвардианский стиль». Кстати, это что такое? Я ж из леса...

– А бог его знает. Да там много всего непонятного. Мы вот вечно в температуре путались, не по-нашему градусники показывали.

– По Фаренгейту?

– Да... наверное...

– Разница – в сорок девять градусов? – чтобы как-то отреагировать, задумчиво протянул Смолянов.

– И все же... Сеня... Давненько я тебя таким не наблюдала.

Председатель привычным движением взлохматил свою курчавую, когда-то ярко-каштановую, а сейчас уже, увы, почти сплошь седую шевелюру.

– Да вот все думу думаю, как нам с тобой, Октябрина Мироновна, выкручиваться придется. Директивочка сверху пришла. В целях, так сказать, дальнейшего усиления спортивно-массовой работы... Должны мы с тобой, милая...

– За это – особенное спасибо. А то уж совсем забывать стала...

– Рано радуешься. Хотя тема тебе, в принципе, знакомая... по прошлым делам. Так вот: в течение года, а то и раньше, предстоит нам с тобой открыть новую детско-спортивную школу, желательно по массовому виду спорта. Лучше по лыжам, как мне кажется. А ни фондов, ни денег, практически ничего пока не дают: мол, поищите для начала резервы. Как к этому делу приступить, в голову не возьму. Был бы, как в лучшие времена, директором леспромхоза... А сейчас придется к тем же директорам на поклон...

– А я у вас на что? Выкрутимся! Сколько мне времени даете?

– Месяца два. От силы – три. Сама в курсе: раз в квартал отчитываемся. Если об этой позиции в отчете умолчу – вопросами замордуют. А оно нам надо?

– Да не кручинься ты так, головушка моя седая. Я ль тебя не спасу, не обогрею?

– Ты, это, Октябрина... Не того... Услышать могут... ненароком.

– Кто?

– Да мало ли...

– Господи, да кому оно нужно-то!

Как всегда, розыгрыши Кубков Урала по лыжным гонкам и биатлону проводились по первому снежку. На этот раз их пришлось сводить в одно место. Директор биатлонного комплекса Маховец от традиций тоже не отступал: прямо в судейской, огромным деревянным «стаканом» возвышавшейся над огневым рубежом, был накрыт холодный фуршет: бутерброды с колбасой трех сортов, сыром, ветчиной, водка с вином и коньяком в ассортименте, минералочка...

– Ну, коллеги, с новым сезоном! Пусть он будет для всех нас успешным! Оглянуться не успеем, как зимняя Олимпиада нагрянет!

– Спасибо, Вениамин Львович! – от имени всех поблагодарил директора старейшина «цеха», судья Международной категории Томас Свиклич. Раздеваться ветеран биатлона не стал – все же прохладно еще было в судейской, не до конца протоплено (потому и рефлекторов наставили) – только отложил в сторону свою знаменитую шапку-пирожок серебряного каракуля, «засветившуюся» уже на четырех последних Зимних Олимпиадах. – Не вы бы – я имею в виду ваш коллектив замечательный – не видать бы нам этих Кубков. Снег всего-то три дня как толком лежит, а трассы подготовлены просто изумительно!

– Армейцы помогли, Назарыч, – скромности ради уточнил Маховец. – Со снегом они сами-то не управились, так хоть «Буранов»[5] подкинули.

– Реабилитировал армию! – негромко усмехнулся вслух телекомментатор Вадим Козыревский. Кинооператора он успел отправить в свободный поиск: громких имен на Кубке не было, кто выиграет – тот выиграет, заранее настроиться на попадание для телекартинки в фаворитов в этой сутолоке середняков не было возможности. Бегло пробежав взглядом протоколы, удостоверился: абсолютное большинство – кандидаты в мастера, кто отличится – одному Богу известно. Да и то – с натяжкой...

Маховец тонко уловил настроение одного из лидеров местной спортивной прессы.

– Вадим Сергеевич, «десятка» – дистанция нудная, особенно – как сегодня. Там же под сотню молодняка будет дистанцию молотить. Вас-то кто больше интересуют на нынешний момент? Чистые бегуны, или – стреляющие?

– Да уж точно не биатлонисты. Ни одного имени. Все – аутсайдеры затертые. Хоть лыжи посмотреть...

– Мои родненькие сейчас все на сборах: кто в Стайках, под Минском – там тоже снежок ранний ждут, кто еще в Цахкадзоре[6] завершает предсезонную подготовку. Вам точно биатлон неинтересен будет – абсолютно правы. Как всегда, впрочем.

– Значит, лыжники начнут часа через два, не раньше? – Вадим для точности еще раз сверился со стартовыми протоколами.

– От силы, может, через полтора. Вот и я говорю: море у нас с вами времени, то есть – вагон и маленькая тележка. Пойдемте, пообедаем нормально. Заодно и обсудим коекакие проблемки. Накопились, знаете ли, за лето. Очень надеюсь на вашу помощь – как всегда. А уж мы-то не задолжаемся.

– Мне тут один вопрос с лыжниками прояснить нужно: откуда новые коллективы физкультуры берутся сразу с кандидатами в мастера?

– Кто конкретно привлек взор?

– Ну вот, например... Команда «Лесник», или, скажем...

– Это только для прессы новость – уж извините за прямоту. Маленькие хитрости административной прослойки бюрократов. По пути все объясню. Зиночка-то, поди, уж заждалась. Она ж знает, что сегодняшние старты без вас не могут состояться...

Идти до пищеблока гостиницы было всего ничего, с полкилометра, но и за это время Маховец буквально в двух словах ввел Козыревского в курс дела. Со стороны посмотреть – они составляли законченную комическую пару. Высокий, начинающий полнеть комментатор во всем черном – кожаная куртка, зимние сапоги, перчатки, шапка – и расфранченный в канареечные цвета, сухонький, маленький росточком директор в оранжевом анораке с капюшоном салатного цвета (фрагмент формы сборной СССР на последнем чемпионате мира), прорезиненные небесно-голубые «снегоступы» – так одевали главную команду страны на предыдущем чемпионате Европы, да еще лазоревые гоночные перчатки, осевшие у хозяина комплекса после про-

шлогоднего чемпионата страны, состоявшегося здесь, на Урале.

– Буквально три месяца назад состоялся съезд... или собрание – хрен его знает. В общем, заседуха в верхах. Называлась она «Расширенный пленум профсоюзных спортобществ страны». Настроились профсоюзники было сами себя хвалить...

– А то ваши динамовцы этого не любят...

– Слаб человек... Так вот, картина и в докладе, и в прениях рисовалась прям-таки благостная: широченный охват масс, множество рекордов, рост числа осваиваемых видов спорта, строительство спортбаз... Николай Иванович – ну, вы его знаете, главная шишка в профсоюзном спорте – уже мысленно дырочку на лацкане вертел. И тут, в диссонанс всему этому великолепию, восходит это на трибуну серьезный дядя из ЦК КПСС и скучным голосом делает свой анализ: соотношение средств, которые тратят профсоюзы на физкультуру и спорт с аналогичными затратами динамовцев и армии; представительство в сборных командах СССР; количество установленных мировых рекордов – и прочая, прочая, прочая... По всему получается, что профсоюзы – сонные бездельники, проедающие почем зря государственный пирог. Ну и, как водится в подобных ситуациях, пошло-поехало – и все в обратную сторону: где у нас массовость, одни приписки; где истинная забота о подрастающем поколении; почему нет новых детских спортивных школ? Это уже – на уровне внутренних разборок. И, как результат – создать, углубить... А бюджет-то сверстан до конца года, с жиру никто не бесится. Стали выкручиваться кто как может. В основном, конечно, пошли по проторенному пути переманивания: тренеру – квартиру, спортсмену – стипендию, поездки... Удачнее всех, как мне кажется, нашли решение лесовики: они взяли на софинансирование существующие ДЮСШ «Урожая», то есть умело перераспределили уже имеющиеся средства, запланированные на развитие физкультуры. Население у них с сельским практически идентичное, а в «Урожае» дело давно поставлено, особенно в лыжах. А где дети – там, под шумок, и взрослые спортсмены пристраиваются: тренерочками их оформляют, методистами – обычная практика. Вот и выходит теперь: как случатся массовые соревнования типа сегодняшних – просто делят лыжное поголовье по принципу «всем сестрам – по серьгам»; как ведомственные старты – тут хоть за кого выступай. Ну да что я вас-то учу! Сами по молодости лет и за «Буревестник», и за «Труд» боролись. Помним это... обстоятельство. Вы ж у нас человек заметный!

– У меня все проще сложилось. В университете классической борьбы не было, я ж севера приехал, не местный. На фиг мне была эта физкультура: руки на ширине плеч, присели... Пошел в горный, у нас здания рядом были. А секцию горного института вел почасовиком заводской тренер с металлургического завода, фактически все мы были его учениками. Вот он нас и набарывал везде, где только можно – чтобы быстрее на мастерский уровень выходили.

– Дорогой вы мой! Пока существует отчетность, будет и «липа». А мы, чиновничество, всегда найдем выход, а если понадобится – то и два. Чтоб начальство было довольно и поменьше ругалось; чтоб бабульки регулярно текли в подставленные карманчики. Это – жизнь во всей ее красе и проявлении.

– Вы что-то хотели мне предложить, Вениамин Львович?

– Да что мне желать-то? Толкнуть в очередной раз хорошего человека на должностное преступление, что же еще? Но об этом лучше на сытый желудок поговорить. Да мы и добрались уже.

В банкетный зал они прошли, чтобы не давать кругаля, через общий обеденный. Вадим сразу увидел Зинию. Она со своей привычно-победительной улыбочкой что-то втолковывала солидному мужику в спортивном костюме, по комплекции – с заметным жирком на боках и круглому животику – надо полагать, тренеру. Козыревский привычно залюбовался ею: прическа – волосок к волоску; стройные ножки в туфлях на высоком каблуке; изысканный, но невызывающий макияж... Давно бабе за сорок, а какова! Закачаешься! Особенно если с поддатеньких глаз... Когда они с Маховцом подошли поближе, Козыревский расслышал концовку разговора официантки с пузаном.

– Я полагаю, вы должны помнить, как меня зовут. Это был всего-то позапрошлый год. Или это с вашей стороны такая показная бестактность... из вежливости? Может, вам мешает повышенная амбициозность? Разберитесь в себе. Это нетрудно исправить. И, пожалуйста, зачем же так, на весь зал – «девушка, нельзя ли побыстрее...». Невежливо как-то...

Моховец только головой покачал.

– Ну, Сокольцева! На ходу подметки режет!

И уже в полный голос задал вопрос непосредственно объекту внимания.

– Зиния Миннуловна, мы с Вадимом Сергеевичем в банкетный пройдем. Вы нас обслужите, пожалуйста, без задержки.

– Побойтесь бога, Вениамин Львович! Сейчас еще такая же орава нагрянет! Попросите Самойленко, она нам с утра обещала помочь, если что.

Зал действительно был забит под завязку. И они послушно направились каждый в своем направлении: Козыревский – в банкетный зал, директор – к заведующей пунктом питания.

С Зинией у Вадима сложились непростые отношения уже где-то года как с два. Однажды засиделись они допоздна с коллегами в этом самом банкетном после очередных соревнований. Тут-то Зиночка и проявилась. Во всей красе.

– Мужчины, вам еще что-нибудь нужно? А то я пошла. Потом просто дверью хлопните.

Вадим из чистой вежливости проявил участие.

– Как же вы по темени-то одна пойдете? Хоть и загород, чужих нет, а все-таки...

– Напрашиваетесь в провожатые? Я уже не против. И правда темно, да и скользко. А я, как назло, на каблуках.

Официантка жила в доме, построенном специально для персонала комплекса и для тех спортсменов и тренеров, кто еще не обзавелся собственным жильем – типичная «хрущевка-малосемейка». Чистенькая, аккуратно обставленная однокомнатная квартирка: диван-раскладушка, кресло с пледом, телевизор, торшер с мягким приглушенным светом, отечественная «стеночка» для малогабариток. Уютно, прибрано, никаких следов ни детей, ни мужчин.

– Дочка от первого брака самостоятельно живет, в Питере, – опережая вопрос Вадима, призывно-загадочно улыбнулась хозяйка, выставляя с подноса на низкий столик ароматные чашечки кофе и чуть початую бутылку виски «Вайт Хос».

Конечно, Козыревский понимал, зачем он здесь. Коллеги, ясное дело, все за глаза уже обсудили. Занозистая она баба, эта Зиночка. Язычок что бритва, так может подравнять! Кто только не напарывался уже! И вдруг такое откровенное приглашение – якобы по позднему времени...

А хозяйка вольготно развалилась рядом с ним на диванчике, вытянув длинные свои соблазнительные ножки на кресло.

– За день так набегаешься! Вы не против, Вадим...

– Сергеевич. Можно просто Вадим.

– Хорошо, тогда просто Вадик: я бы голову вам на плечо положила, так быстрее усталость пройдет. Что там по телевизору?

От ее волос пахло тонким ароматом то ли рижских, то ли польских духов – Козыревский в этом не очень разбирался, разве что отличал качество от барахла.

– Подруга из Швеции привезла, – она будто мысли на лету читала, эта Зина-Зиния.

– Есть у них там одна фирмочка, «Орифлэйм» прозывается – как бы для народа. Цены, как ни странно, копеечные, наше дерьмо куда дороже идет. Зато как оно пахнет, шведское-то! Вы ведь меня об этом спросить хотите, да?

– С вами страшно делается... Того гляди исповедоваться начну. Зиния...

– Просто Зина. Раз уж у нас с вами все просто складывается. Я даже знаю, о чем вы сейчас думаете. Подождите немного, Вадик. Все само образуется. В свое время. Хочется в кои-то веки поболтать с умным человеком. Не возражаете?

По телевизору наяривал джаз. Он-то и подсказал тему.

– Никак в голову не возьму, за что их гоняли в свое время? – не меняя позы, спросила хозяйка. – Ну чем плохие ребята? И те, кто это начинал в Америке, и наши. Запрещали, преследовали... Просто чернокожие мальчишки решили играть известные мелодии по своему – удерживали в голове одновременно разные мелодии сразу и не мешали друг другу наслаждаться. Это ведь очень грамотно. Вы со мной согласны?

– Мне кажется...

Ответ Вадим дать не успел. Она вообще не дала ему возможности подумать. Пульт телевизора и торшер погасли одновременно...

Вадим подумал только – «как воробья по крыше кошка тащит, не спрашивая».

«Эта тигрица меня бы точно растерзала!» – устало соображал Козыревский, трясясь на заднем сидении автобуса – подгадал под ночной развоз спортсменов. «Только романа с официанткой мне и не хватало». Еле-еле открутился обычным набором затертых фраз: устал, домой пора, ребята уже ждут...

Зина резко вскочила, чуть не столкнув его с дивана. Из ванны вернулась буквально через минуту. Вадим притянул ее голову к себе и молча нежно поцеловал в глаза.

– Не обижайся, девочка... От тебя любой с ума сойдет!

– С чего это ты взял! Все в норме. Минутный каприз. Ты все правильно сделал, корреспондент...

Мокей размялся на славу: дал круг по дорожкам комплекса, попрыгал, задирая ноги чуть ли не до подбородка, отжался от скамейки раз двадцать.

– Пора! – Анфиса протянула ему лыжи с палками. – Сегодня я в мазь, гадом буду, точно попала. Давай, дуй на маркировку[7].

– Как думаешь, сегодня получится?

– Ты их дернешь как стоящих! Это я тебе говорю. Анфиса Непобедимая!

На «ты» они перешли всего с месяц назад. Здесь же, в этом комплексе.

Хотя остальные армейцы тренировались на своей родной базе СКА – там же, где и жили, Заборская выбрала для предсезонных кроссов биатлонные трассы.

– Наши профили устарели, как говешки мамонта. Получится там, на биатлоне – получится везде и всегда. Нужно сразу осваивать тягуны[8], потом поздно будет учиться. Запомни: всему, чему я тебя обучу, никто не научит! На всю оставшуюся жизнь опыт! Не зря же я тобой лично занялась и всех остальных воспитанников побросала к чертовой матери. Ты у меня сейчас – самый перспективный. Цени заботу, детинушка!

Они целый месяц жили в соседних номерах, без удобств, без различий в рангах и званиях, и Мокей до поры до времени привык относиться к тренерше просто как к старшему товарищу. Но вот в разговорах... Все «выкал» и «выкал». Пока не случилось... кое-что...

– Мне кажется, паренек, я тебя перетренировала. Какой-то ты... задроченый. Все, на завтра тренировки отменяются. Будем дрыхнуть до поросячьего визга. Я для этого номерок получше сняла: ванна, туалет, мягкая мебель, телевизор цветной. Освободился на пару дней «полулюксок».

– Да мне и в своем не кисло...

– Со старшими не спорь, боец. Сборная ЦС «Зенита»[9] съехала, а «спартаковцы» задержались с приездом. Ну, пройдоха Заборская и не зазевалась! Хоть пару дней поживем как люди.

«Мне-то что?» – еще подумал тогда Мокей. Эту новость он никак не связывал с собой. Тем более что

понимать, когда его своевольная наставница говорит всерьез, а когда шутит, он пока что так и не научился. При чем здесь «мы»?

В «полулюксе» на столе стояла бутылка крутого коньяка «Хэннеси», в вазе – виноград, лимоны, апельсины, яблоки. Заборская хозяйским жестом вынула из ящика комода нож, достала с полки блюдце, критически осмотрев его, обтерла вафельным полотенцем.

– Что стоишь как пень? Ополосни бокалы.

Мокей послушно выполнил указание: он вообще не перечил тренерше ни в чем, тем более что это было бесполезно. Бокалы Анфиса наполнила сама – что называется, с верхом.

– Молча, залпом и до дна! – скомандовала она.

– Да я умру... от такого дозняка! – искренне испугался Мокей.

– Говорю – делай! Мне лучше знать!

В голове у него будто колокола грохнули! Мокей даже не почувствовал вкус лимона, который тренерша буквально протиснула ему между зубов. Сил хватило только на то, чтобы собрать всю волю в кулак да не рвануть в туалет – так замутило в желудке. Устало опустился на диван, вытянул ноги, закрыл глаза... А когда их открыл... Анфиса стояла перед ним обнаженная, словно ожившая статуя из учебника по Древнему Миру.

– Что медлишь, боец? Не знаешь, куда бабе заряжать нужно? Как патрон в автомат...

– Да я еще ни разу...

Эти два дня они из постели вылезали только чтобы сходить поесть. А когда вновь приступили к тренировкам, Мокей словно сырого мяса наелся: ту же «десятку» он промахнул аж на три минуты быстрее! Удовлетворенно помахивая секундомером, Заборская насмешливо-гордо протянула:

– Пусть кто-нибудь поспорит с методами подготовки выдающегося наставника Анфисы Непобедимой. Никто не выводил новичка за год в мастера спорта. А я это сумею!

«И первая женщина, и результат так здорово подскочил», – стучало в голове у Мокея. – Ну, дела! А что будет на соревнованиях?!».

Но до первых стартов нужно было еще дожить. Когда Мокей впервые заныл: ноги болят – может, передохнем?, неумолимая Анфиса рубанула – как отрезала:

– То, что сегодня зло, завтра будет благом. Это – закон спорта, он для всех – одинаков. Надоело – дуй в казарму, заступай в караул.

– Не, в казарму мне неохота. Я же не перечу...

– Вот и не разевай рот шире положенного. Сама спрошу, когда понадобится, о твоем самочувствии.

– Слушаюсь и повинуюсь. Из природной скромности. А можно спросить...

– Что тебе?

– Откуда у вас... у тебя шрам. И на подбородке, и там... пониже пупочка.

– От мужа, от кого же еще? Другие вопросы будут?

– Он что, гад, дерется?

– Когда заслуживаю. Закрыли тему!

Когда Мокей очухался в очередной раз от бешеного, как гонка, секса, Анфиса, по привычке готовя крутой чай с бутербродами, вдруг спросила.

– Ты еще не пожалел, что связался с такой настырной бабой, как Заборская?

– Да кто я был до тебя, сама подумай?

– То-то. Тебя еще учить и учить всему, салага. Если не хочешь назад в свою коми-деревню вернуться. Как ты думаешь, зачем нормальные люди стремятся в большие города, почему так норовят здесь зацепиться?

– Откуда мне знать? – Мокей лежал, стыдливо прикрывшись одеялом. Вытянулся во весь рост, даже ртом шевелить было лень.

– Потому что сюда все само течет: жратва, бабки, выпивка разнообразная, а не суррогатина всякая. В провинции, конечно, все дешевле. Да вот жизнь скуднее, второразряднее. Твоя единственная, неповторимая житуха. Так что... думай, боец. И за умных держись...

Сейчас он стоял на старте внешне совершенно спокойный: плоская, как свежеоструганная доска, фигура, обтянутая длинными сухими мышцами, почти не проступающими сквозь комбинезон. За эти три месяца подкачался, выпрямился, плечи расправил. Если бы кто-нибудь спросил, что у него творится сейчас в душе! Напряженный, как стрела перед полетом, он повторял про себя одно и то же: сейчас... сейчас... Разве так он бегал в родном Объячево? Там все было проще, обыденнее. На соревнованиях в школе все знали – Мока опять всех дернет, нечего и рыпаться. В тайге... Там особо спешить вообще некуда. Разве что за зайцем-русаком, когда тот начнет петлять среди елей. Да и то, пока не выгонишь серого на полянку... Потом все остальное сделает ружьишко, а верный Варяг притащит тушку в зубах.

– Пошел! – хлопнул Мокея по плечу судья на старте. И все разом вылетело из головы...

Маховец вошел с подносом, на котором дымились тарелки с солянкой.

– Налил из общего котла. Зато на второе! Розочка сейчас лично с плиты снимет и притаранит. Вы ж знаете, как она готовит: не то что пальцы, руки по самые плечи оближешь, отгрызешь и добавки попросишь! Азу у нее сегодня – по собственному рецепту. Ну, по полста «Зубровочки» нам с холодка не повредят...

Вскоре и Самойленко вкатила тележку со снедью. Вадим в который уже раз отметил про себя: заведующая пунктом питания была красива той дородной статью, какая формируется как прорыв у такого типа женщин на исходе третьего десятка: здоровая полнота высокой русоволосой блондинки с румянцем во всю щеку; большие глаза сияют во всю силу природной голубизны; правильно очерченный чувственный рот с ровным рядом зубов растянут в привычную, до чертиков обаятельную улыбку.

– Рубайте, мужики. И я с вами заодно маленько поклюю. А то все на ходу да на ходу кусочничаю.

Шо-то холодает сегодня. Налейте и мне. Вот мы с мужем давно на Урале, а все равно холод не любим ни он, ни я. Родились южанами, имя и помрем.

– Вкусно спортсменов кормите, Розалия Остаповна, – прожевавшись, похвалил Козыревский. – Не в каждом фирменном ресторане такое предложат.

– Господи, оно им надо! Спортсмену нужна девка поздоровее, чтоб не ныла, когда он начнет ее пользовать... во все места. Я люблю, когда солидные мужики мою стряпню уминают. Знаете, как писатель Сервантес говаривал? «Толстый – следовательно, добрый человек». Я вся в нее ушла, в готовку, по самую макушку. Чтоб с душой употребляли. Душа – она тоже пожрать уважает.

– За это и гляжу сквозь пальцы на все твои художества, – с намеком на какие-то их личные отношения заметил Маховец, со смаком подтирая хлебушком остатки азу.

– Платил бы получше! Когда начальство честным трудом жить не дает, берем даром, раз не в состоянии купить шо треба за свои кровные. Вы не подумайте чего, Вадим Сергеевич. Это мы так со Львовичем, по-свойски, пикируемся. Ничего серьезного.

– А я что? Я ничего! – развел руками Моховец. – Я всем в пример ставлю и тебя, и твою дочку. Вот уж кто мамочку обожает! И до сих пор слушается, хоть и взрослая уже дивчина, сама давно жена и мама.

– А как же иначе? Не знаю, как у других, а в хохляцкой семье так испокон веку принято. Дети обязаны всю жизнь, пока родители живы, благодарить за все подряд: за крышу над головой, за ласку, за то, что вырастили-выкормили.

– Обязаны-то обязаны... – протянул Маховец. Самойленко в том ему поддакнула.

– Да только хрен они это будут делать – как только выпорхнут изпод материальной опеки. Старшие по нынешним временам всегда должны быть по достатку на порядок выше детей – если хотят, чтобы к ним прислушивались. Вы со мной согласны, Вадим Сергеевич?

– Мне рано судить. Мой-то единственный пока что с нами живет.

– Пусть оно так будет подольше, – задумчиво протянула Самойленко. – Еще накукуетесь на старости годов в одиночестве. Ну, ладно, мужики. Дела у меня. Приятного аппетита.

– Сколько мы должны за обед? – решил все же поинтересоваться Вадим, хотя прекрасно понимал, что услышит в ответ.

– Хозяин конторы – у вас под боком. Разберетесь, – на ходу ответила она.

– Не обижайте, Вадим Сергеевич, – укоризненно улыбнулся Маховец. – Я же вас на разговор пригласил. А еда – это так, для антуражу.

– Хозяин – барин. Слушаю, Вениамин Львович.

– Джинсочку[10] бы легонькую в эфир протолкнуть – между делом. Верите ли, все до копеечки ухлопал на подготовку к сезону. Пришлось теплотрассу перекладывать, пару виадучков над лыжней собрать-разобрать. С чем на совещание в Москву поеду? Вот обрыбимся малость – закажу ролик, и не один – с оплатой по полной программе. А так... С эфира, будто случайно, на видачок запишу – и будет чем козырнуть: мол, отлично подготовились к сезону, даже все розыгрыши Кубков в одно место, именно к нам, разместили, пока другие ушами хлопали. Вы ж сумеете подать как надо!

– На такое-то преступление, пожалуй, пойду с легкостью. Свиклич ради красного словца нахваливать не станет. Я и сам подметил: расстарались, вас подгонять не нужно.

– Так, значит, прямо сегодня и пишу?

– Заметано!

– Ну, тогда еще по полста коньячку под кофеек? И Зинуле часок успеете уделить.

– Это лишнее.

– А то бы я, если что, вечерком прямо ей на квартиру звякнул: мол, пора, провожай гостя, дело ждет. У нас с ней секретов нет.

– У меня тоже.

Они с Зинией и так виделись урывками. Что это были за отношения – сам черт не разберет. Дружба не дружба, прелюдия флирта? Да не сказать. В их следующую встречу где-то через полгода после первого свидания – и опять случайную, на бегу – официантка в очередной раз удивила Вадима, когда они присели попить кофейку в свободную минутку.

– Красивый ты мужик, Козыревский. Представляю, каким в юности был! Один в тебе дефект.

– Какой же?

– Жалко, что не мой! А так-то – прямо Антиной. Был такой любимчик у римского императора Адриана. Второй век новой эры.

– Эко в какие эмпиреи тебя занесло, Зиночка!

– Я пару лет смолоду на училку истории готовилась. Кое-что осело в башке – в виде пыли бесполезной. Иногда вот... всплывает.

– Это что-то из антички? Нам бы с тобой времени побольше, Зинуля. Поболтать, порассуждать... хоть бы о литературе.

– Веселый ты человек... хоть и женатый. Да будет ли оно у тебя когда-нибудь, время-то, подумай? Тебе же за сюжетами носиться нужно как угорелому. А в начальство выйдешь – и вовсе забудешь Зинку-шалаву.

– Я говорю об этом, потому что отношения типа наших не должны банально сводиться к ординарному перетраху. Этого добра у тебя и без меня может быть – хоть завались. В принципе, я верю, что между разнополыми может быть дружба. Хотя бы во имя сохранения нравственных устоев, что ли.

– Особенно если они дальше намеков друг с другом не заходят... Ты не думай, я к тебе на шею не вешаюсь.

– Ну, Зинуля, не обижайся.... Ты мне, в первую очередь, как человек интересна.

– Да я давно перестала мужикам верить. Больше все на себя надеюсь. Когда за Сокольцева-дурака выходила, еще на что-то рассчитывала. А потом...

– И куда он делся, Сокольцев твой?

– Сел. На семь лет. Из-за дружков-забулдыг. Я тогда с ним сразу разошлась. Ладно хоть родить успела. С паршивой овцы... А второго ты знаешь. Фарид. Огневик из тридцать второго полка.

Капитана Муллагалиева Козыревский запомнил, когда проводил съемки для программы Центрального телевидения «Служу Советскому Союзу».

Погода стояла отвратная, точно не до праздника служения Отечеству. Бойцы нахохлились под дождем, полигон заливало нещадно. У всех на рожах было написано: скорей бы эта нудиловка кончалась. Совсем не то, что нужно было Вадиму и всей стране в эфире от воинов доблестной армии. И тут появился этот лихой щеголеватый капитан. Стена какого-то непреодолимого превосходства отделяла его от этих понурых людей.

– Автомат! – крикнул он строю. Один из бойцов полез под плащ-накидку, сделал шаг вперед.

– Кидай! – приказал капитан. – Я ж у тебя не авторучку прошу, воин!

Он вскинул оружие на вытянутой руке, перевернул кверху «магазином» и, практически не целясь, выпустил три короткие очереди по мишеням. Все три фанерные фигуры послушно попадали одна за другой.

– Лови! – бросил он бойцу назад автомат. Прошелся вдоль строя, вглядываясь в лица. А тут и солнышко проглянуло, будто даже дождь меньше стал моросить.

– Стрельба – не спорт! Здесь умственное напряжение дает результат! Где ваша гвардейская удаль, бойцы? Побольше амбиций! Амбиция проявляет личность! Это не только мое мнение – такова правда жизни!

«А ведь это он мне сюжет спасает!» – благодарно подумал Козыревский. – Какой мужик! Молодец!».

Потом они пили в блиндаже разведенный спирт, закусывая солдатской гречневой кашей из одного котелка, и толковали за жизнь.

– Всю дорогу мне нравилось окружать себя изысканными вещами, а живу, блин, на чемоданах. Которую уж точку меняю! – сокрушенно покачал головой капитан.

– С места на место кидают?

– Да мы сами себя кинуть здоровы... почище армии. То свадьба, то развод – загадочно улыбнулся собеседник. – Да и хрен на это! Ты закусывай, корреспондент...

Зина выдернула его из воспоминаний. Чтобы не оконфузиться, сам решил задать вопрос.

– Ну и что вам с Фаридом не пожилось? – как можно мягче спросил Вадим, хотя недоумение все же сквозило в его вопросе. – Качественный мужик, по всему.

– Мы гражданским браком жили. Было уже думали регистрироваться. Я тогда в ресторане «Космос» робила, с бабульками нормально получалось. Уже почти что на «двушку» кооперативную наскребли, чем в его однокомнатной кантоваться всем втроем. А тут у них в полку недостача. И все на этого дуралея свалили. Лопухнулся! Пока он стрелял, за его спиной воровали все кому не лень. Мне не захотелось его сажать... как своего бывшего. Он срочно квартиру толкнул, я тоже отдала все до копья. И сюда ушла, в эту помойку. Денег – ноль, а беготни! Разве что жилье служебное. Пожили малость на частной, потом я и от Фарида тоже свалила, как только дочку пристроила замуж.

– С тех пор не виделись?

– Почему? Приезжает иногда... по пьяному делу. Вроде как ты. Только и разница, что с ночевой. Не кочевряжится – вроде некоторых.

– Все же муж, хоть и бывший.

– Погнала бы я вас всех, непостоянных! Если таковы друзья, кому нужны враги?

– Сами отпадем. Когда тебе надоедим. Новых заведешь.

– Ага. Еще хуже старых будут. Знаем, проходили.

... В финишном городке Мокей, тяжело опершись на палки, повис на них не только плечами, но и всем телом, при этом жадно, крупными глотками вливая в себя теплый чай. Будто и не чаял напиться как следует. Будто из пустыни вышел и первую жажду утолял. Пока шла эта сумасшедшая гонка, лыжи словно сами несли его словно резвый конь, не мешая думать о чем угодно, а вот сейчас... Скажи ему кто, что нужно сделать еще хоть шаг – рухнул бы и умер на месте! Заборская только и успевала, что плескать ему из большого китайского термоса, поминутно вытирая махровым полотенцем и его лоб, и свой, негромко приговаривая:

– Золотце ты мое! Как ты их всех! Попей, попей, родной! Как стоящих уделал! Мы тебе теперь такие «Фишера»[11] приобретем! Последние трусы с себя сниму, а купим! Хватит на этом говне – деревопластике – такому таланту гоняться!

Она заботливо накинула на Мокея шотландский плед, забрала у него лыжи, палки и молча повела к автостоянке.

– Быстро в «Москвичок»!

– Дай передохнуть малость.

– Сейчас домчим – и в баньку! Уж я тебя приголублю! Умница ты моя! Как ты их всех!..

Козыревский в который уже раз вглядывался в итоговый протокол гонок.

– Что это может быть? Ошибка наверняка, или опечатка. Смотрите, против фамилии Кононов стоит «Б/р» – безразрядник.

В «стакане» народу почти не осталось: все, финиш.

– В армии все может быть! Может, готового мастерка призвали! – Свиклич тоже не скрывал удивления. – Во всяком случае, я эту фамилию впервые слышу. Хоть и зубы все проел туточки до корней за последние сто лет. Правда, в биатлоне, но и лыжами интересуемся... как резервом. Ты вон Попова поспрошай. Может, он чего...

От невысокого кряжистого тренера лесников, как всегда, крепко попахивало. И не вчерашним выхлопом – Вадим без особого труда отличал свеженькую водочку от застарелой.

– Во-первых, не Кононов, а Конанов, с ударением на втором слоге, – значительно протянул тренер. – Он – коми, такой же, как и я. Слыхали про таких, Вадим Сергеевич?

– Чтоб вы в курсе были, Серафим... простите, не помню, как по батюшке вас...

– Так зови, не обижусь. Мы люди простые.

– Я на Крайнем Севере первые полжизни провел.

– Ну, значит, сможете отличить нормального, европейского комяка от алюторца, энца, коряка... Что на дальних северах обретаются, вдали от цивилизации.

– Я не о том хотел спросить.

– Во-вторых, – продолжал Попов, по-бычьи наклонив голову и дыша в сторону, как это зачастую бывает с постоянно пьющими людьми, – для меня этот парень тоже загадка. Если бы он был более-менее известным, я бы его знал. Видать-то... сюрприз!

– Сильная эта баба – Заборская. Так вот взяла простого солдатика – и на тебе! Всех дернул.

– Да вроде как нормальная женщина, – согласился поначалу Попов. Потом подумал-подумал и, слегка отрыгнув, изрек. – Только среди тренерш таких не бывает. Сие мужская должность. Профессия то есть. Не существует такого чуда на белом свете! Они все малость повернутые – кто в мужские дела суются. Конечно, пока трудятся. Как быт заест – все: детки там, пеленки. Мало кого из них надолго хватает. Но пока робят – всяко может быть! Им ведь только победы подавай, нашего брата ни в х.. не ставят. Будет бурлить, как вода в котелке, пока напрочь не выкипит – а свое возьмет.

– Ох, Попов, в очередной раз отфинтился. Так-таки ничего не известно об этом солдатике? – хитро взглянул на него Козыревский. – Как же он столько кандидатов-то в мастера сделал разом? И коекого из мастеров, между прочим.

– Почему неизвестно? Мне дак все понятно. Фамилия – Конанов. Имя – Мокей, чисто наше, национальное. А разряд? Ты его теперь в списках мастеров спорта искать должон...

– Ну и что, что Новый Год? Чему радуемся? Мало того, что станем все разом старше, и кой-кому-то намекнут: не пора ли на покой скоро будет? Как будто он кому-то нужен, рай этот: цветочки поливать, грядки пропалывать. Не вижу смысла оценивать как такое уж важное событие – Новый Год, Новогодье... Никакой логики не нахожу.

Завьялова безошибочно читала по лицу Смолянова как по раскрытой книге. Пусть сейчас на нем и ничего толком не отражалось – разве что безразличие ко всему на свете – мол, все уже было, ничего интересного в жизни больше случиться не может. Правда, была во внешности председателя одна хитрая особенность, которая очень его выручала: если у кого и возникали сомнения при виде этого человека – мол, этот точно пороха не выдумает, прост как три рубля мелочью, первое впечатление напрочь смазывали густые седые усы, значительно добавлявшие достоинства и уверенности простой физиономии хозяина. Октябрина как сидела, развалясь, на атласном диване, будто дома, так позу и не сменила.

– А я другое слышала: будто вас на секретаря Облсовпрофа метили – вместо Степанова...

– Метили, заметили... Землю нужно носом рыть ради таких должностей. А я не очень-то способен... на подобные подвиги. Всегда все сами предлагали: после института с месяц в бригадирах и походил, сразу – в главные; из главных инженеров – в директора; из директоров – в председатели... сюда вот.

– Ну, кое-кто для этого постарался...

– Да ладно тебе. И потом – на любой медали, кроме лицевой, есть и обратная сторона. Скажем, стал бы я... стараться. Что могло подумать начальство? Тот же Степанов? Раз Семен всем хочет доказать, что хорош – дальше некуда – значит, на мое место метит? Так что уж лучше статус-кво соблюдать. Так оно значительно спокойнее. И ты меня не толкай на эти дела. Чем нам плохо? Годков пятьто еще надеюсь протянуть. Не всех же ровно в шестьдесят... по шапке.

– Да Семен Степанович! Нам никого другого и не нужно. Вы очень даже тонко руководите. Я ценю! Да и весь аппарат тоже.

– Что же вы так цените-то во мне, интересно? Давай, колись, раз уж у нас... Новогодье. Приятное сделай дяденьке.

– Вы прямо говорите людям об их недостатках, без экивоков, подвохов. Когда тебе откровенно на них указывают, даже если с ними и бесполезно бороться – ты сам не проколешься на мелочах. А начальство с нами должно быть строгим, как учителя: если что не так – в угол, или линейкой по рукам. В интересах дела. Ну и потом, что до меня – между нами же нет конкуренции. Кстати, на пленуме в Москве что-то интересное было?

– Цифры любопытные приводили в докладе. Погоди...

Смолянов полез за очками, не глядя взял со стола блокнот.

– Вот. «На сломе восемнадцатого-девятнадцатого веков в русской армии соотношение генералов и офицеров было один к тридцати». Это как очень отрицательный пример приводили!

Он снял очки, отбросил их в сторону.

– Я это понял как тонкий намек на близящееся сокращение руководящих кадров. Так просто исторические параллели выстраивать не станут. А у нас численность – не очень чтобы очень... в этом смысле.

– А там не упоминали, что у каждого генерала было не меньше полутора тысячи крепостных в те благословенные времена? И жили они поэтому совсем не на жалованье. Хорошие окладики доставались только высшим чиновникам типа князя Потемкина. Да и те воровали... по привычке. Выходной костюмчик такого туза тянул по тем временам на две сотни тысяч рубликов. В пересчете на оброк эквивалент получается тысяч в сорок крепостных норм в год.

– Ну так тогда же население было сплошь сельское. Отсюда и оброк хороший. Ну – как норма выработки.

– Согласна. А из уплачивающих оброк восемьдесят процентов были середняки. Каких сейчас устанешь искать. Богатенько жили в старой Руси, что уж толковать.

– Тем не менее... «Мудрые да внемлют». Кто-то из великих так сказал.

– Не переживайте. Если что, пойду директором ДЮСШ. Мигом организуем. Нехитрое дело. Проходили уже.

– Кстати, о лыжах наших. Отметили в числе неплохих. Дескать, лихо всего за год раскрутились. Хотя при этом как бы намекнули – мол, хоть Олимпийские игры прошли, но лозунг «Олимпийский год – не только для олимпийцев» остается в силе.

– Знамо дело: лозунги – лирика начальства. А по существу реальных проблем что-то прозвучало?

– Да намекали... Дескать, а результаты когда будут? Массовость, конечно же, хорошо...

– Я этого, честно сказать, ждала. Рано или поздно. Значит, пора настала.

– Что пора?

– Пора нашему пьянице Попову давать двухкомнатную, а в его освободившуюся «однушку», в которой он уже сто лет как после развода обретается, заселять какого-то перспективного спортсмена. И оформить его в нашей ДЮСШ тренером. Естественно, с доплатой какого-нибудь раскряжовщика в приличном леспромхозе. Да хоть в вашем бывшем. Так все нормальные люди делают.

– Это ты про кого толкуешь? Уже есть на примете?

– А Попов нам и присмотрит. Это уже – его забота.

– Пусть сперва бутылки пустые сдаст. Мне говорили, у него это – основная мебель. На них и ест, и спит.

– Мы не за него с вами, мы за себя побеспокоиться должны. Попов, пусть и алкоголик, все же «Заслуженный тренер РСФСР». Кто там в Москве разберется, какое у него моральное мурло? Будет у него сильный спортсмен – значит, не зря стараемся... мы с вами.

– Ты для этого его из «Урожая» переманивала?

– А то еще для чего?

– Ну и хитрющая ж ты баба, Октябрина! На три шага вперед глядишь! Не перестаю восхищаться. Даже алкаша к делу приспособила! Когда от них все избавляются.

– Да уж не круглая дура, чтобы башку под каждый чих подставлять. Вполне цивилизованные способы применяю. А кто святой? Во имя высших целей на что не пойдешь!..

Ну и сюрприз преподнесла Заборская Мокею к концу второго года службы. Все у них шло по планам тренерши. Мокей будто по течению плыл, от старта к старту наращивая результаты. Он уже и забывать стал в ту пору, где его военная форма хранилась – видимо, в роте, в каптерке где-то.

В их общаге на лыжном стадионе Спортивного клуба армии места для нее не было – по четыре рыла в комнатушке, койки в два яруса. Да и ни к чему им были погоны, армейским спортсменам – в «гражданке» все ходили: соревнования за соревнованиями, сборы за сборами. Чубы поотращивали. Какие это солдаты?

– Ухожу в отпуск.

– На юга подадитесь, с мужем? Как в прошлом году? Опять в Сочи?

– Надолго. В декретный.

– Вот оно что! А я-то думал – просто малость поправилась.

– Чего с личика-то спал? Не колотись! Ты тут ни при чем. Мы сами с мужиком расстарались. Пора уже мне. А то поздно будет. Долго из этого у меня ничего не выходило. Потому и давала тебе без оглядки. Да видать, не зря пролечилась, бабок кучу просадили.

– Рад за тебя. Только вот... как же наши планы?

Анфиса будто вопроса не слыхала.

– Он меня к родне отвозит, на юга. Там с этим лучше управятся, я-то – ни уха ни рыла в этом деле. А бабки, тетки его ни один десяток детишек приняли. Радости – через край! А то он один среди своих бездетный был.

– А как они примут тебя, русскую?

– Нашел русскую! Я по маме полубашкирочка, из Артей. Она мне и имя дала при рождении национальное – Афида. С этим такая заморочка вышла! Бабушка Нафиса хотела, чтобы меня нарекли в ее честь. Папик мой, полуполяк-полуукраинец, в шутку выдал бабуле: перепишешь на меня дом – хоть кошкой назовем. Бабка – в обиду, долго с отцом не разговаривала. Ну а мать, без лишнего шума, зарегистрировала меня, как хотела. А уж я потом, когда паспорт получала, тоже по-своему переделала.

– Видать, у вас в семье все – с характером!

– А то! Меня в школе звали Фиска. До Анфисы – рукой подать. А фамилия от папы пошла. Красивая?

– Еще бы! Как у артистки.

– На всю родню по бабьей линии русский один дед и найдется. А мужская линия – не счетово. Так что кровей во мне намешано – тот еще коктейль. А и – плевать, все равно я для его родни – чеченская жена.

– Понятно. А я-то, все же, как?

– Все продумано. Мужикам я тебя не отдам – уведут. Мне тут стажерку прислали, со спортфака пединститута. Сама перворазрядница, кое-что рубит. Во всяком случае, с секундомером постоять квалифицированно сможет. Третий курс, не совсем дите. А к сезону я опростаюсь. Тогда и поработаем. Пора тебе «вооруженку» повалить. В самом соку жеребец. Думаю, успеем подготовиться. Ты, главное, нашего плана придерживайся. И никого не слушай. Наболтают...

– Когда приступаем? В смысле, с новой тренершей?

– Сейчас. Вон идет... красавица. Марианна зовут. Из области девка. В общаге живет. Я ее в пансионат перевела, на временное место жительства. Ей – за счастье. Заодно с девулями нашими, жизнью битыми, ума наберется.

Марианна шла по территории базы армейцев прямо к ним, на ходу срывая восхищенные мужские взгляды. Ею все невольно любовались: малюсенькая, ладненькая на фигурку, с милым курносеньким личиком. Одета хоть и просто, в легком платьице, но как на ней оно сидело! А как эта девчонка двигалась! Ни одного лишнего жеста! И не стреляла глазками

по сторонам, вся такая сосредоточенная шла, взгляд – в одну точку, на Мокея с Анфисой.

– Хороша? – ухмыльнулась Заборская. – Заодно и нескучно будет тебе с ней.

– Я с такими и не знаю, как быть. Она ж городская, хоть и из области. Таких сразу видно.

– Обучишься. Главное, помни: ты – мастер, она – подмастерье. На шею садиться не давай! И на бошку – тоже.

– Здравствуйте! – мило улыбнулась Марианна и протянула маленькую ладошку лодочкой.

Мокей хотел было что-то ответить, уже и рот открыл... и снова его захлопнул, только что зубами не лязгнул. Какое-то непонятное смущение, или даже изумление прихватило этого здоровенного парня. И ничто кругом как бы не изменилось. Все оставалось на своих местах. Только – не для него. Потому что пришла... весна. Настоящая. Много у него уже было в жизни весен. Но Мокей будто кожей почувствовал – что-то особенное с ним произойдет. Совсем скоро.

А Марианна улыбалась так открыто, будто давно знала этих людей...

– Лаврович, ты мне смотри! Если этого парня упустишь, я те точно глотку пьющую откручу. И скажу, шо так и було. Ему когда на дембель? Вот-вот? – Попов видел, что Завьялова не шутит. Эта и правда открутит – пискнуть не успеешь. Хотя вида не подавал. А Октябрина продолжала напирать на тренера... как на новобранца.

– Степаныч пока в это дело не лезет, но если он вдруг раззадорится... Шеф человек хоть и простой, покладистый, но с ним шутки плохи, если что.

– Только не переусердствуй, начальница. Я твои примочки давно просек. Не надо от имени шефа на меня давить. А то все Степаныч, Степаныч... Говори от себя. Я тебя не сдам. Не в заводе у меня это дело. Даже – по пьянке.

– Ты давай, путево все разнюхай. Насколько у них с этой Марьяночкой серьезно закрутилось, пользует он ее или еще нет. Может, девка уже залетела – так нам того и нужно. Ты тут же в двухкомнатную переселишься, твою им отдадим. Обженим, куда они от нас денутся – ни кола ни двора у обоих? Голыдьба!

– На хрен мне двухкомнатная? Лучше им отдайте. При таком раскладе. Водку жрать я и в своей халупе привык.

– А жениться так и не собираешься? Один хочешь на старости лет зимовать?

– Мне двух предыдущих попыток – во! – провел ребром ладони по шее Серафим. – Никаким калачом не заманишь.

– Да и хрен на тебя. Твои проблемы. Ты, главное, ушами не хлопай!..

– Тебе, Мока, надо культурно расти. Сегодня идем в филармонию. Я уже билеты купила. Испанский ансамбль приехал. Наденешь костюм, галстук. Чтобы все как положено.

– Мы с ребятами хотели на рыбалочку...

– Рыбка от вас не убежит. В смысле, вся не уплывет. Встречаемся у входа. И не спорь со мной!

Одетый в костюм и накрахмаленную рубашку, воротничок которой колом торчал на его мощной шее, Мокей потел нещадно и совсем не производил впечатления денди – от него за версту несло тайгой, простором, землей... Да еще эта плебейская привычка грызть ногти, особенно когда нервничаешь. А Марианна, пока они чинно прохаживались по фойе, изредка заглядывала в программку и без устали его просвещала.

– «Куадро Фламенко» – это такая танцевальная сюита, исполнявшаяся исключительно народными танцорами даже в «Русских балетах» Дягилева в Париже.

– Он что, русский, этот Догилев... в Париже?

– Тише ты. Во-первых, Дягилев, а не Догилев. Это был такой великий организатор гастролей знаменитых русских артистов в начале века.

– Так это давно было!

– И осталось в истории культуры на века. Дальше слушай. Потом отдельные ансамбли стали брать на вооружение эту театральную традицию и стали ее шлифовать при помощи профессиональных танцовщиков. Такой ансамбль как раз и приехал сюда к нам.

– То есть как я, освобожденные? Не в свободное время тренируются – в смысле, пляшут?

– Ну, если тебе так проще. Хотя они-то как раз танцуют, пляшут пьяные гости на свадьбах.

– Тебе все не так. Не угодишь.

На Марианне было малиновое шифоновое платье с разрезом, которое она то ли сама сшила, то ли у подруги купила по дешевке – Мокей уже забыл. Его напрягало, что мужики так и пялились на ее остренькую маленькую грудку, вольготно открытую по жаркому летнему времени, и Мокей не знал, как себя вести в этой ситуации: не морды же бить всем подряд?! Раздражение его нарастало, время от времени кровь приливала к лицу, так что третий звонок он воспринял с облегчением.

Зато в зале, во время представления, он начал банально... засыпать. Один танец с дробушками, другой такой же, третий... Недосыпание отчетливо читалось на его простом крестьянском лице.

– Моканька, ну не спи же ты! Еще захрапишь, – тихонько прошептала ему подруга.

– Да ты че! Я вообще не храплю...

– Кто тебя знает? – лукаво улыбнулась Марианна и теснее прижалась к нему бочком.

– Давно могла бы проверить.

– Где? В вашей общаге на стадионе?

– Молодые люди! – возмущенно зашипела соседка сзади.

– Молчим, молчим, – молитвенно сложила ладошки Марианна. – Извините нас!

И, уже обращаясь к Мокею, ласково попросила, погладив его по руке:

– Потерпи, миленький. Скоро антракт.

В антракте народ дымил нещадно, табаком тянуло отовсюду.

– И охота людям себя травить за просто так? – недоумевал Мокей. – Вредно же!

Они вышли на улицу подышать.

– Между прочим, слово «антракт» закрепилось в обиходе как раз в связи с курением, как ни странно. При царе Александре Втором, в прошлом веке. Он первым разрешил курить публично – считал себя большим демократом. Тогда и появились маленькие папиросы на две затяжки, они и назывались – «антракт».

– Вас всему этому в институте учат? Про курево?

– Я книжки люблю читать. И тебе советую.

– Ну и зачем он это сделал? А еще царь! Дымили бы себе втихомолку, других не травили.

– Папиросы все равно производились – это, кстати, чисто русское изобретение. Просто царь придал этому делу официальное направление, чтобы доходы в казну шли. Правда, делали их в России немцы – Миллер и Гауптман. Они наладили, помимо «антрактов», еще два сорта: тонкие и длинные – «ферезли», толстые и короткие – «пажеские».

– А до них как обходились?

– Самокрутками. Слово «папироса» произошло от испанской «пахитосы», только в Испании табак заворачивали не в бумагу, а в соломку.

– Поди, и артисты смолят?

– А пойдем посмотрим?

Они заглянули во двор филармонии. Там и правда предстала картина: артисты жадно затягивались прямо в костюмах, в гриме, что-то оживленно обсуждали на незнакомом языке.

Интерес у молодых к ним сразу пропал.

– Если прикидку выиграю, нам Всесоюзные сборы за границей обещали. Для тех, кто сможет в десятку от армейцев страны попасть.

– Ты должен. Что значит «если»?

– Сам знаю. Пора уже международника делать. На сверхсрочную меня так и так возьмут. А стану МСМК – сразу прапора могут присвоить.

– Ты хочешь навовсе в армии остаться?

– Пока бегаю, почему бы нет? Жилье дадут. Пусть пока временное.

– Вот именно что... временное. Пока бегаю... Может, дадут, может – погодят... И потом – козырять всяким...

– А то я много козыряю? Даже галстук носить не умею. Потому и давит.

– Это-то как раз не проблема. Я тебя еще обучу и «бабочку» надевать.

– О, Господи!

– Ничего не Господи. Этот аксессуар мужского гардероба носят со времен Великой Французской революции, аж с 1789 года, и никто от этого не умер. Самый классический галстук из всех.

– Да их только официанты и напяливают.

– Почему только официанты? А боксерские рефери? Только у них не черный кис-кис, а бордовый или красный. Символ мужской элегантности! Ты же у меня элегантный мужчина? Во всяком случае, не хуже всяких артистов сложен. Знаешь, как на тебе будет классно смокинг сидеть! Только осталось держаться научиться. Но это – вопрос времени. Скажем, пойдем мы в дорогой ресторан или еще куда-нибудь...

– А вблизи артисты не такие уж красивые. Особенно бабы. Намазаны как черти...

– Не бабы, а женщины. Ну, зачем ты так о них говоришь? У них специальный макияж, для сцены. Чтобы из зала хорошо видно было.

– Хорошо, что ты не любишь краситься. Мне это совсем не глянется.

– У меня природных красок хватает. А я правда тебе... нравлюсь?

– А то ты не знаешь. Только вот... Ко мне бы в деревню махнуть. Там бы я тебе доказал!

– Зачем так далеко? Сядем на электричку... Мама одна живет. Не прогонит.

– Она у тебя строгая?

– Как все. На заводе работает, формовщицей. Да я уже взрослая, че мне ее бояться?

– А поехали прямо сейчас? Ну их, эти танцы... Кто-то бабла нарубил на этих... пахитосах, мать их, а мы дыши!

– Не ругайся! Тебе это не идет.

– Это я – когда волнуюсь...

– А чего тебе вздрагивать?

– Ага. С мамой зовешь знакомить...

Попов разложил перед Завьяловой план тренировок Мокея.

– Они с базы отъезжают через неделю, в Карелию. Если я там тоже буду, можем начать вербовку. Тут же не подступишься – в три глаза за ним зырят. Эта Заборская во все дырки лезет – с коляской на тренировки таскается. Та еще мамаша!

– Считай, что ты уже там. Командировку я тебе даю... ну, скажем, для обмена опытом. Только ты там, это, за воротник... поаккуратней.

– В норму буду. А то как я подходы найду? Знаешь народную поговорку: «пьян да умен – два угодья в нем».

– Смотри мне... угодья. У тебя, поди, уже и план заманивания сложился?

– Я – Попов, а не маршал Жуков, чтобы планы падения супротивников составлять. Чуй у меня на людишек есть. Природный. И ни разу еще он меня не подводил.

– Ну гляди, кума. Тебе жить-поживать...

– Я в ночную ухожу. Он как, твой парень, без меня обижать тебя не станет? – уже в дверях обернулась мать.

– Мама, я уже взрослая. Сколько можно меня пасти?

– Гляди, девка. Кабы с пузом тебя не оставил... в одиночку.

– Мокей мой ученик. Что ты такое говоришь?

– Вижу, какой ученик. Как кот на сметану на тебя зырится. А у самого член на лоб из штанов лезет!

– Мама! Ты бы потише! Еще услышит... Что ты, в самом деле...

– Да уж лучше так, чем по подворотням. Видать, время твое пришло, доченька. Кобылу во дворе на привязи не удержишь... Постром-

ки порвет. Ладно, я пошла. Не привыкла опаздывать.

– Вот и иди. А то разворчалась, как старуха какая.

– Мать уже мешать стала? Ну, дела!

– Мы тебя дождемся. Чтобы все по-хорошему, по-честному.

– По-честному – сначала свадебку играют.

– А что ж ты с батей так и не расписалась?

– Потому что он женатый был. А твой-то холостой?

– Когда ему было?

– Дурное дело – не хитрое.

– Ты так, правда, опоздаешь. Иди уже...

Домашний телефон Козыревского трещал, будто рвался разлететься на куски. «Кому понадобилось в выходной? Да еще поздно вечером?».

– Маховец беспокоит, Вадим Сергеевич. Имею шанс отдариться. Должок-то с прошлого года на мне висит.

– Слушаю, Вениамин Львович.

– Я тут один разговорчик услышал, Вам будет небезинтересно. Помните того солдатика, который всех удивил?

– Конанов? Мы за ним следим. Растет парень прямо на глазах.

– Так вот. Лесники его скоро уворуют. Попов за ним охотится. А этот парень – не промах: умеет возделывать свой сад, как говорил великий писатель Руссо. В области он один реально в олимпийцы может метить. Если, конечно, не сломается.

– На то и тренеры, чтобы не испортился. Хотя... Колдуебин у него на пути будет много. Союз выиграть надо, чтобы наставники сборной заинтересовались.

– Ну, на Союз еще попасть нужно. Отборы сейчас жесткие. В общем, этот парнишка еще ничего толком не сделал, а уже вокруг него круги пишутся. Я такие дела отслеживаю.

Вы первый про это знать будете. Есть нужные людишки, вовремя стуканут. Так что я – сразу вам. Пока конкуренты не расчухали.

– Спасибо. Это – очень важная информация. Будем начеку.

– Здоровьичка вам и всему семейству. Нас никто не слушает?

– Естественно.

– Тогда от Зинули вам привет. Всегда ждет.

– Соответственно. Спасибо за звонок.

Вадим и сам сопоставлял кое-какие факты о Мокее. По всему получалось, Маховец не ошибается...

Они долго стояли обнявшись, не зная, как вести себя дальше – стоило только матери уйти. Мокей целовал глаза, щечки, шейку Марианны, а она... будто окаменела. Он сделал попытку начать ее раздевать... Девушка непроизвольно дернула плечиком, и он тут же оставил это занятие. Его и самого охватила сильная робость: как бы не обидеть свою милую девочку. Такую маленькую, такую беззащитную.

– Может, нам с тобой... выпить? – хриплым голосом спросила она. – У матери наливочка есть. Из своего сада ягодки. Вишня уральская.

– Давай.

Она облегченно шмыгнула на кухню, сгрузила на поднос графин, ранние яблочки, печенье. Решила поставить чай. Дождалась, когда тот закипел, наполнила чашки ароматным напитком и только тогда вернулась в комнату.

Телевизор работал на полную мощь, а Мокей... Он спал. Сон его был безмятежным, как у ребенка. И таким здоровьем веяло от этого молодого розового лица! Она присела тихонечко рядом, диван не скрипнул под ее легким телом, легонько погладила любимого по голове. Мокей почмокал во сне губами и не пошевелился.

– Умаялся, бедненький, – тихо сказал она сама себе и пошла в спальню.

Он пришел к ней под утро. Такая страсть накрыла их с головой, что все само стало получаться. Она много наслышалась от подруг, как это бывает больно в первый раз, но у них все сделалось легко, и совсем не страшно было. А ему уже через полчаса захотелось еще. Потом – в третий раз. И только когда совсем рассвело и они снова слились в радостном экстазе, ее всю пронзила сладостная волна, с ног до головы, даже в пятки будто отдало! «Так вот, значит, как оно бывает! Ради этого все...».

Они бежали рядом по березовой роще, каких полно в Карелии, и всем было ясно, кто видел их вместе: это – пара. Неразлучная, страстная... И нет такой силы, которая разъединила бы этого громадного мощного парня и маленькую, всю светившуюся счастьем первой любви девочку-тренера.

Попов накрутил пальцем по межгороду Урал.

– Готовьте квартирку. Я знаю, как это сделать...

Завьялова влетела в кабинет Смолянова как молния.

– Все, Семен Степаныч, дело, считайте, решенное! Мы эту девку берем на работу, на заочное переводим, доучится. А жилье дадим как бы служебное – пока, дескать, замуж не выйдет. Им будет где... ну, это самое. Молодые, он ее мигом обрюхатит! И потянем за ней как бычка на веревочке. У него последний месяц службы пошел!

– Как я понимаю, ты все про своего лыжника печешься?

– А то еще про кого? За просто так я, что ли, на двух должностях вкалываю?

– И какая же вторая, позволь спросить?

– Бесплатная! Спортивного агента.

– Ну, действуй, Октябрина Мироновна. Тебе и карты в руки.

– Мне бы денежек оборотных. На то да на се. Попову малость подкинуть – ловко мужик разведку провел. Да чтобы в райисполкоме с ордером на предъявителя не тянули. Тут каждый день – на вес золота.

Смолянов встал, подошел к большому насыпному сейфу в углу кабинета, пощелкал кодовым замком.

– Против правды жизни не попрешь. Рептильные фонды существовали при всех режимах.

– Да я потом компенсирую, шеф. Не беспокойтесь. Как только штатное на ДЮСШ утвердят, проведу по разовым выплатам народу

сколько потребуется – дескать, подбор и расстановка кадров. Не прискребутся. Есть надежные человечки, под пятьдесят процентов согласятся паспорточки предоставить.

– Бессмертный Гоголь свои «Мертвые души» не из пальца высосал, это уж точно. Только вот существуют они до первой серьезной ревизии. Смотри, вместе отбиваться будем, коли беда нагрянет.

– Да сколько их уже было, ревизий тех! Не последняя зима на зайца. Выкрутимся!

– Ревизия, как история – требует не выдумок, а правды. Или хотя бы правдоподобия.

– А мы и скажем правду. Но – не всю. Как жена перед мужем должна отчитываться. Для его же пользы. Чтобы он с катушек не съехал.

– Все у тебя складно получается. Прямо как у завзятого беллетриста. Может, и романы втихую строчишь? Колись, Октябринка.

– Я больше книжки читать люблю, чем самих писателей. Ходила тут недавно на одну презентацию. Ну и что? Поначалу умные речи, а потом нажрались все как свиньи, такую околесицу несли! Уж такая разница между авторами и лирическими героями! С души воротит. На бумаге у них все складно...

– Они когда приезжают, Мокей этот и его девчонка, Марианна, кажется, зовут?

– Все-то вы помните, Семен Степанович, при вашей-то занятости! Завтра ждем.

– Так что же ты сидишь? Давай бегом!..

– Шо ж вы ничего не едите, мужчины? Совсем исхудаете так на своей работе гребаной. Надо ж и о теле подумать, а не только об голове, – Самойленко, как всегда, была сама домовитость.

– Розочка, извини, у нас серьезный разговор с Вадимом Сергеевичем.

– Ухожу, ухожу, – чуть ли не задом ретировалась из банкетного зала хозяйка биатлонного общепита.

– Они прилетают завтра утренним рейсом из Москвы. Все трое, – Маховец от возбуждения даже вспотел. – Если вы произведете съемки, вам это классно ляжет в архив. Когда до дела дойдет, это будет что-то! Попов хоть и не станет сильно светиться, но все равно – приглядывать-то он должен. Я думаю, что и эта их бандерша, Завьялова, тоже нарисуется. Отличный получится материал! Бомба!

– А ваш-то какой интерес? – ухмыльнулся Козыревский. – Раз мне компромат сливаете.

– А не люблю, когда переманивают. Армия из этого дуболома человека сделала, а лесники хотят на все готовенькое прискакать. И ведь добьются, пока Заборская рот раззявила.

– Может, армейскому начальству информацию слить? Или хотя бы намекнуть?

– А чем докажете? Только врагов наживете. Пока что это – одни предположения.

– Потом поздно будет.

– Да и не наше это с вами дело, мне кажется. Во всяком случае, не мое. А вы уж сами решайте, Вадим Сергеевич. Не маленький. Супчик-то ешьте, остынет...

Чемпионат страны назначили в Сыктывкаре.

– Ты, девонька, сессию спокойно сдавай. Мы с Поповым Мокея обустроим, не беспокойся. Ты его там только отвлекать будешь. Еще намилуетесь. Мебель купили? – Завьялова была ну просто как мать родная.

– Да. Самое необходимое: тахту, шкаф книжный, столик на кухню. Почему вы решили...

Но Октябрина будто Марианну и не слышала.

– Успешно сессию сдашь, дадим тебе первую категорию. Четвертый курс, выпускной. Считай, высшее образование в кармане, имеем полное право. Существенная прибавка в зарплате выйдет. Тогда и все остальное приобретете.

– Может, все же, и мне с вами, Октябрина Мироновна? – Марианна не скрывала разочарования. – Все же я его тоже готовила.

– Там знаешь какие зубры соберутся? А у Попова все схвачено. И потом – гены. Подумай, откуда у него такое мудреное отчество?

– Я думала, национальное.

– Как бы не так. У него дед у генерала Корнилова служил, вестовым. Потому и сына назвал в память о герое-белогвардейце. Вы с Серафимом предварительно свое дело сделали – попали в команду ДСО профсоюзов. Теперь пора вступить тяжелой артиллерии.

Попов под вечер пришел пьяный. Они жили с Мокеем в одном номере, Завьялова в «люксе» – их в гостинице «Эжва» столицы Коми республики было всего ничего, только для начальства и хватило. И вот в эти-то представительные апартаменты забулдыга-тренер ввалился, как к себе в халупу.

– Ты бы закусывал получше, Серифим, – Октябрина не скрывала раздражения. – На нашем этаже сплошь руководство, увидят тебя – нахлебаемся. Тут из Москвы народу – шишка ни шишке.

– Я на Родине. Имею право.

– А то ты его когда выпрашивал...

– Ты на меня злишься? Или на то, что три дистанции – и ни одной медали?

– Да на все сразу. Столько сил...

– Прорвемся. Я его еще и на «полтяшку» заявил.

– Не сдохнет он на марафонето? Чего это он у тебя именно на финише сбавляет? Кругом в «тройку» всю дистанцию попадал, а как последний отрезок – в хлам. Это, между прочим, тренерский недочет.

– То есть?

– Не научили, козлы, парня как следует спуртовать[12]!

– Не успели просто. Мне кажется, у него второе дыхание поздновато открывается. Может, из-за таблеток? Не перекормили мы его с тобой?

– Кажется ему! Пьянь – она и есть пьянь. Ты меня не посвящай в то, что я знать не должна. Ложись здесь, на диване. Проспись. И ему дай отдохнуть... от своего зловония. Мокей в номере?

– Где ж ему быть? В телик уставился. Тормозной какой-то стал.

Может, ему налить? Чтобы расслабился.

– Дрыхни!..

Мокей и правда смотрел какую-то галиматью. Завьялова с минуту постояла над ним, он даже не отреагировал толком не ее приход, только слегка кивнул.

– Вот что, парень. Так дело не пойдет!

Она решительно полезла в редикюль, достала чекушку водки.

– Намахни. Залпом. И представь, что твоя Марьянка рядом. Бабу бы тебе. Да мы не в Каире. Не подзаборную же под тебя подкладывать! Где я приличную сейчас найду?! А я для тебя, увы, стара. А то бы последних сил и здоровья ради дела не пожалела. Намахни без закуски – и спать. И чтоб завтра – как огурчик был!..

Марианне снился дождь. Теплый, летний. Будто идет она по дороге – то ли лесной, то ли просто проселком. Вокруг – никого. Как вдруг видит: стоит мужчина, одетый по-старинному: сюртук, галстук бантиком, волос длинный. И будто смотрит куда-то в сторону. Лицо вроде как знакомое, только припомнить невозможно, откуда она его знает. Девушка подходит ближе, ближе... А он что-то тихо-тихо говорит, трудно разобрать. Она еще подошла, прислушалась...

– Чем одностороннее мнение, тем доступнее оно для большинства, которое любит, чтобы хорошее было хорошим, а дурное – дурным. И оно слышать не хочет, чтобы один предмет вмещал в себе и хорошее, и дурное...

– Кто вы, дяденька?

– А вы меня не узнали, сударыня?

– Стараюсь, но никак не получается.

– Белинский я.

– Виссарион?

– Он самый.

– Скажите, как мне жить? Я вот не знаю, надо ли выходить замуж. Мы и так...

– По учению древнегреческого философа Платона...

– Который жил в...

– Правильно, в четвертом веке до нашей эры...

– Вспомнила...

– Окружающие нас вещи – лишь тени реально существующих вечных идей, познать которые возможно лишь с помощью чистой любви и стремления к высшему благу...

– А это кто с вами рядом, зеленый такой?

– А это Василиск, чудовищный змей. Бойся его: он наделен способностью убивать не только ядом, но и дыханием, и даже взглядом...

Она проснулась вся в поту. «Дочиталась, елки-палки. Так и с ума сойти недолго! Скорей бы Мока приезжал».

А Попов и не думал оставаться в номере начальницы.

– Ты – вакханка! – тренер пьяно уставился на сидевшую напротив него женщину, тоже порядком навеселе.

– Кто? Чего ты несешь?

В ресторане почти никого уже не было. Но поскольку Серафим заказывал и заказывал музыку, и все одно и то же – «Не улетай, родной, не улетай...» – и сам себе подпевал при этом при каждом исполнении, не помня больше ни строчки: «Смотри, пилот, какое небо хмурое», – их не беспокоили. Раз платит – пусть куражится.

– Не знаешь, поди. Кто она такая? Жрица Вакха, или – Диониса, один хрен. Бога вина и экстаза. Короче, наш бог, алкашеский.

– А еще – заслуженный тренер! С чего так нажрался-то? До номера ведь не дотянешь.

– А ты на что?

– Хватит тебе на сегодня. Завязывай. Куда тебя тащить-то? На каком этаже живешь?

– Водка – что молоко для полувозрелых мужиков. Один в ней дефект – на бабу спьяну не залезешь. И у вашей сестры – так же. Так оно и в живой природе: ежли курица зерна обожралась, она петуха близко не подпустит.

– И давно пешь? С тобой что на старости лет будет? Как отец мой: мужику чуть за сорок, а старик стариком.

– А я до старости дожить не хочу. На кой она мне? Болячки, нищета, зависимость от врачей, подаяний. Лучше бы вовсе на свет не родиться. Живи, пока живется.

– Да я не спорю. Может, и правда оно так...

– Ты со мной... или я с тобой?

– Че? Не поняла?

– К тебе или ко мне, говорю? Землячка...

– Прочухал, пьянь. А говорил, не потянет.

– Ты мун[13] – я мун.

Мокею тоже снился сон. Будто они в одной постели... с Октябриной. И будто все у них уже произошло. Только вот лежат они как чужие, отдвинувшись друг от друга.

– А мне кажется, ты с нею не очень счастлив. Со своей Марьяной...

– Почему это?

– Лицо у тебя было какое-то... безрадостное. Когда на мне был. Будто тяжелую работу делал. Знать, не в радость тебе женщины.

– Да... не знаю. Мне кажется, она меня действительно любит.

– Я про тебя говорю.

– А что я? Могу точно сказать: мне ее всегда зверски хочется. Если это можно назвать любовью...

– Да уж любви без этого точно не бывает. У молодых особенно. Просто у вас с ней, как бы это сказать... весна. Только у нее она подзадержалась. А у тебя уже лето наступает.

Согнал первую водичку. Другие бабы появятся. Природа свое возьмет. Детей только не торопитесь делать. Чтоб потом безотцовщиной не росли. Ты-то мне не нужен. Ну, так, чтобы со всеми потрохами. А такие профуры есть! Закрутят, замутят... Ладно, тебе хорошо поспать нужно.

– Что-то ты, мать, раскомандовалась. Я не копирка для твоих настроений.

– Слабый аргумент. Потому что – ложный. Есть факты очевидные, лежащие на поверхности, а есть – скрытые. Они – весомее. Тебе баба была нужна для расслабона, мы тебе ее предоставили. А то не уснешь, будешь думку горевать. И выйдешь на старт как жеваный.

– Успехи соперников мне спать никогда не мешали. Я уж было и сам собирался им перцу задать...

– Скучный ты какой-то. Это-то и пугает.

– А тебе какие мужики глянутся? Веселые?

– Умные. Настоящие мужчины не бывают веселыми. И не женятся по дурости на милых женщинах. Хотя это все равно не от них зависит: баба всегда хитрее, захочет – все по-своему выкрутит. Я вот, например, вышла за Завьялова на неделю раньше, чем он мне предложение сделал.

– Как это?

– Уметь надо!

– Научила бы.

– Потом расскажу. У тебя глаза слипаются. Спи, мальчик. Завтра тебе последний бой предстоит. Решающий.

– Сам знаю.

– Ты только не забивай себе голову ерундой. Просто выспись.

– Постараюсь.

– Да уж очень на тебя надеемся. Сколько народу с тобой возится – сам подумай. Нужна нам отдача? Не за просто так упираемся!

Телеграмма на столе у Смолянова словно кричала сама собой. Председатель в который раз всматривался в простые черные строчки: «Золото наше готовьте жигуль». И без подписи все понятно.

– Ай да Октябрина! Эта свое всегда возьмет!

– Что-то ты бледен с личика, парень? – Попов не глядя влил в себя полстакана самогона.

– Потому что пьем который день без меры! – Мокея даже от слов тошнило.

– Как раз наоборот. Потому что еще толком не пили с утра. Нам с тобой для чего отпуск даден? Расслабляться. Вот и... Давай, сыпь. А то совсем ослабеешь, сквозь штаны провалишься. Края бдишь?

– Да не люблю я...

– Кто тебя любить заставляет? Для дела нужно. Я вот деньги люблю, а они меня – нет. И ничего, уживаемся как-то. Ты писателя Бунина читал когда-нибудь?

– Было... что-то.

– Умнейший был мужик. Я тебе кое-что процитирую для общего развития. Слушай.

– Я за огурчиками схожу. Малосольными.

– Давай. Огурчики у вас в Объячево – что надо. А по всему остальному – дыра дырой твоя малая Родина. Не то что моя Воркута! Вот бы куда махнуть! Да незачем, никто там нас с тобой не ждет.

Когда Мокей вернулся из подпола с банкой огурцов и жбаном рассола, Попов уже натянул очки, разгладил замусоленную записную книжку, нашел нужную станицу.

– Вот. «По милости божьей, именно трезвости-то и не бывает у человека в наиболее роковые минуты жизни. Человек в эти минуты спасительно тупеет». Конец цитаты. А я не хочу, чтобы ты отупел окончательно.

– Меня даже мысль о победе не веселит. Кажется, все из меня вытянули. Не в силах ни плевать, ни блевать. Это не восполнишь... мне кажется.

– Пивком бы догнаться, усе бы в норму пришло. Да где его взять в вашем сраном углу медвежьем? А еще неформальная столица Коми-края! Сегодня же поедем в Воркуту, ко мне на Родину. На твоей уже нагостились. Хватит. У нас там – северный завоз. Всего навалом! Пива у них здесь не допросишься...

– А домой когда? Меня жена ждет.

– Подождет. Все идет по плану!

– Он его там не споит? Надо же официально человека поздравить. С вручением автомобиля, путевочки – на двоих им с женой приготовили.

– Семен Степанович, давайте погодим еще денечка три. Пусть отдохнут. Я просигналю, успеем.

– Твои дела, Октябрина. Решай.

В моде этого заведения – кафе «Синильга» – было обставляться бутылками так, чтобы за ними не видно было собеседника. Они оба – спортсмен и тренер – сидели размякшие от пива, воблы, от собственной доброты, от радости, что их никто не видит из знакомых и начальства.

– Оно хоть и дороговастенько, но какой вкус! – Попов аж пальцы облизал. – Нравится?

– Вкусно, чего скрывать. Совсем другое дело, чем самогон. Или водка.

– Заполярье! Северный завоз! За дорого говна в такую даль возить не станут. А поедем в Чехию, к побратимам, там еще не такого пивка нахалкаемся. Ты мало чего видел в жизни, парень. Поживи-ка с мое...

– Откуда про чехов известно?

– А у начальства на большее фантазии не хватит. Тебе «Жигуль», я свой тоже на «Волгу» поменяю. Ну и на десерт – к побратимам. На воды, в Карловы Вары. Тебе малость подлечиться требуется. Попьешь целебной водички. Я тоже кое-чего попью. Для укрепления здоровья.

В Чехословакию они с Марианной решили двинуть своим ходом, на новеньком бордовом «Жигуле» четвертой модели. Заявление в загс подали перед самым отъездом, все равно месяц очереди ждать, как раз к свадьбе и успеют вернуться. Мокей на машину просто любовался как на игрушку, и Марианна все что-то на ней вытирала, гладила тряпочкой никелированные молдинги... Одним словом, вылизывала.

Попова в поездку не пустили.

– Ты вчера телевизор смотрел? – Октябрина немигающее уставилась на тренера своими красивыми глазищами с ярко накрашенными импортной тушью ресницами голубоватого оттенка.

– Ну и что? Какой-то засранец распустил сопли по всему экрану... Насрал, а я за ним убирай?

– Если исключить ненормативную лексику, логика в твоих рассуждениях есть. И все же линию поведения выстраивать придется. Ведь ни на один аргумент ответить не сможем, зараза их всех задери! Как ловко смонтировал это все, гад! Год следил! По всему получается

из его выводов, что мы с тобой Мокея пасли, когда он еще за армию бегал. И заголовочек к сюжету присобачил что надо: «Уворованная звезда»! Учись, дуболом!

– Что делать будем? Хрен с ней, с Чехией...

– Отношения с общественностью, особенно со средствами массовой информации – то же, что половая связь с нею же. Предохраняться нужно! Чтобы сдуру не залететь! Потише себя вести будем. Оно, глядишь, и перемелется. К новому сезону.

– Мне теперь что? Рожу никуда не казать?

– В отпуск пойдешь. В деревню. И хоть упейся там! Но чтоб без скандалов мне...

Новый Год Козыревские решили встречать на биатлонном стадионе. Это была идея Маховца.

– Отказа не приму, Вадим Сергеевич. Вы зал наш обеденный не узнаете: евроремонт сделал, сцена появилась. Обязательно будьте с женой, чтоб все чин-чинарем. Ансамбль теперь у нас играет по праздникам, все – как в приличном ресторане.

Компания собралась небольшая, человек двадцать, знакомая друг с другом по большей части мужскими половинами – тренеры, судьи, даже Свиклич почтил своим присутствием. Самойленко накрыла стол самолично, официанток отпустила по домам. Когда уже прилично выпили, закусили прекрасными разносолами «от Розочки», как бы спонтанно появилась идея под бой курантов оказаться среди елок, в лесу.

– А давайте на «Буранах» прокатимся! – Маховец подготовил этот сюрприз как новогодний подарок. – У нас их теперь семь штук, пять – новых, только что получили.

Пока женщины организовывали импровизированный стол под раскидистой елью, мужики отправились в гараж. Козыревский, выкатывая «на руках» агрегат, который ему достался, мельком мазнул взглядом по мужику в белом армейском полушубке и кроличьей шапке, надвинутой на самые брови – тот отворял ворота и почему-то отвернулся, когда Вадим опробовал управление снегоходом. Они уже выкатились на полянку, когда журналиста осенило.

– Вениамин Львович, это не Мокей ли там был, на воротах? Год о нем ничего не слышал, запропастился куда-то.

– Он самый. Я его к себе взял.

– Что с ним?

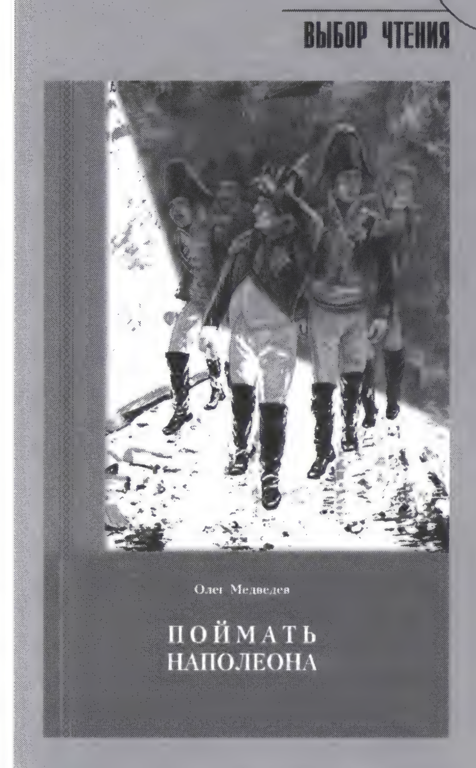
– Сейчас – на «химии»[14]. Год в колонии кантовался.

– С чего это вдруг?

– Да уж скрутила судьба парня. Он в Высоких Татрах на своей машине гробанулся. В состоянии опьянения. Жену – насмерть. Машину – в хлам. Хотели лет семь дать. Ну... Общественность ходатайствовала, скостили до четырех. Трассы кладет отменные! Думаю, через годик совсем освободят. Он еще молодой. Хочет в биатлоне себя попробовать. Чтобы все – с чистого листа. Не век же ему сломленным ходить!

Примечания:

[1] Аудитория для собраний личного состава. (Здесь и далее – комментарии автора).
[2] Полушерстяная офицерская повседневная форма (армейская аббревиатура).
[3] Интенсивная стрелковая подготовка (армейско-спортивный сленг).
[4] Значок «Мастер спорта СССР» (спортивный сленг).
[5] Машина на лыжном ходу для прокладывания лыжной трассы.
[6] Высокогорный тренировочный лагерь Спорткомитета СССР в Армении.
[7] Отметка печатью лыж гонщика, биатлониста на официальных стартах – во избежание подмены на дистанции.
[8] Затяжные подъемы на местности (спортивный сленг).
[9] Центрального Совета Добровольного спортивного общества оборонных предприятий СССР.
[10] Неявная, несанкционированная реклама (журналистский сленг).
[11] Дорогие лыжи фирмы «Фишер» с пластиковым покрытием.
[12] Ускорение (спортивный термин).
[13] Пойдешь (коми).
[14] Условно-досрочное освобождение (зэковско-юридический термин).

Книга О.В.Медведева «Поймать Наполеона» – это еще одна возможность прикоснуться к истории нашего Отечества, осмыслить ярчайшее и наиболее значимое событие всего XIX столетия – Отечественную войну 1812 года. Автору удалось в художественной форме, через образы и поступки своих героев, отразить особенности того времени – небывалого народного сплочения и самоотвержения во имя защиты священного Отечества – по словам А.С.Пушкина – времени славы и восторга.

Историческая память, очевидно, на каком-то генетическом уровне, сохранила нерастраченную народную энергию и помогла потомкам героев Отечественной войны 1812 года в новом столкновении с объединенными силами Европы, уже в XX столетии. Помогла выстоять, одержать победу и сокрушить фашизм в 1945 году.

Старшие поколения своими подвигами заслужили вечную память и благодарность потомков.

Сегодня историческая память поддерживается на поле Бородино, отражается на страницах книг и исследований, воплощается в добрых делах и поступках многих соотечественников, в движении «исторической реконструкции», в котором, кстати, активно участвует и автор настоящего художественного произведения.

Заместитель председателя Правительства Свердловской области
В.И.Романов.

ЗВЕЗДНЫЙ МИГ КАПИТАНА ЕЛИСЕЕВА

Игорь ЛЫНДИН,

ведущий научный сотрудник Музея Воздушно-десантных войск «Крылатая гвардия», подполковник запаса, г. Екатеринбург.

28 ноября 1973 года радиотехнический полк, в котором я начинал свою военную службу радистом, был выстроен на плацу по случаю вручения ему приза Верховного Совета СССР за победу в социалистическом соревновании в честь 50-летия образования Советского Союза. Приз представлял собой Герб СССР, изготовленный из цветного хрусталя.

Едва прозвучали первые выступления, как стоявшие на трибуне представители командования, засуетились, и часть из них быстро покинула территорию полка.

Торжества прошли по плану. А вечером ребята из нашей радиоприемной роты (а в батальоне были еще радиопередающая и планшетная роты), вернувшиеся с боевого дежурства на командном пункте ВПО Сухопутных войск Закавказского военного округа, рассказали, что наш «МиГ» таранил самолет-шпион. Они были косвенными свидетелями произошедшего. Радисты принимали данные от полевых радиолокационных станций, планшетисты наносили воздушную обстановку на большие прозрачные планшеты. Все они видели как значки, обозначавшие цель и наш истребитель, сошлись в одной точке.

Вернувшиеся с боевого дежурства, уже знали, что наш летчик погиб, а экипаж самолета-шпиона задержан пограничниками.

Отдали должное и тому солдату, который сидел на приеме. Радист радиолокационной станции работал на автоматическом передатчике и выставил максимальную скорость передачи. Даже для опытного радиста-слухача это почти сплошной писк, из которого очень сложно вычленить отдельные цифры. Но рядовой, прослуживший всего год, с этим справился.

Вот тогда-то я и мои товарищи очень ясно осознали, что такое реальное выполнение воинского долга, что значит держать воздушные границы Родины на замке...

КАВКАЗСКИЙ РУБЕЖ

К тому времени и западные, и дальневосточные воздушные рубежи Советского Союза были настолько плотно прикрыты, что все попытки иностранных самолетов-шпионов проникнуть на нашу территорию пресекались, что называется, на корню. В 1970 году на военный аэродром в Армении был даже принудительно посажен самолет американских ВВС, на борту которого находились два американских генерала и турецкий полковник. Северный вариант – из Норвегии через Кольский полуостров – тоже был заблокирован мощной системой ПВО. А вот на кавказском рубеже сама геополитическая ситуация сделала подарок натовцам. Сразу от береговой черты Каспийского моря линия ирано-азербайджанской границы плавно уходит на север, образуя выступ площадью в тысячи квадратных километров, глубоко вклинившийся на территорию Азербайджана. Для воздушной разведки НАТО этот географический рисунок казался в начале 70-х годов настоящей находкой.

Самолеты-разведчики НАТО часто пересекали границу СССР в северной части выступа, «засвечивая» радиолокационные станции,

Герой Советского Союза капитан Г.Елисеев.

ловя в эфире переговоры дежурных сил авиации и, выяснив степень их готовности, как правило, уходили в сторону моря. Нашим перехватчикам, поднимавшимся с аэродромов в Грузии, приходилось огибать злосчастный выступ, теряя драгоценные минуты и секунды. А ракетным комплексам работать по нарушителям мешал сложный горный рельеф, складки которого пилоты-нарушители очень умело использовали.

Воздушное пространство между Черным и Каспийским морями одновременно контролировали ПВО Сухопутных войск Закавказского военного округа и 15-й корпус Бакинского округа ПВО.

Что касается действий в отношении нарушителей, то в ту пору руководствовались следующей инструкцией: транспортные самолеты-нарушители по возможности сажать на наши аэродромы, а боевые сбивать без какого-либо предупреждения.

«ИДУ НА ТАРАН!»

28 ноября 1973 года наземные службы ПВО доложили о нарушении Государственной границы СССР районе Муганской долины (Азербайджан) двумя неизвестными самолетами. Скорее всего, они поднялись с иранской авиабазы в Тебризе. Прослушивая переговоры наших сил ПВО, пилоты самолетов-нарушителей поняли, что еще немного и их настигнут истребители-перехватчики. Лететь дальше равносильно самоубийству. Один самолет из пары отвернул и ушел в Иран, другой же продолжал лететь.

А в это время на пункте управления аэродрома Вазиани лихорадочно просчитывали варианты перехвата. Находившиеся в воздухе дежурные перехватчики были слишком далеко. Поэтому выбор пал на дежурившее на аэродроме звено заместителя командира эскадрильи 982-го истребительного авиационного полка 34-й воздушной армии Закавказского военного округа капитана Геннадия Елисеева. Летчиков предупредили – цель реальная.

Елисеев пошел на взлет, применив стартовые ускорители, да к тому же прямо со стоянки, нарушив все правила и наставления. Этим он выиграл те секунды, которые не смогли просчитать на самолете-нарушителе. Когда он вывел истребитель на курс, ему сообщили, что разведчик повернул к границе.

Наземный штурман вывел МиГ-21СМ капитана Елисеева на самолет-нарушитель. Бортовая станция истребителя захватила цель.

Странно, но нет ясности в том, кого же встретил Елисеев. По одной версии, чаще всего публикуемой, это был американский транспортный самолет, используемый как самолет-разведчик, ЕС-103Е «Геркулес». Но у нас на командном пункте ПВО Закавказского военного округа говорили о самолете F-4 «Фантом» ВВС Ирана. Именно под кодом истребителя и вели цель мои сослуживцы. О «Фантоме» упоминается также в статье, посвященной Елисееву, на сайте Качинского высшего военного авиационного училища летчиков.

Запись радиопереговоров летчика с командным пунктом долгое время хранилась в музее боевой славы Бакинского корпуса ПВО, однако после его расформирования затерялась. Но тогда, в ноябре 1973 года, для нас, воинов, несших боевое дежурство на командном пункте ПВО Закавказского военного округа, эту запись в воспитательных целях прокутили несколько раз.

Разговор шел примерно следующий:

капитан Елисеев:

– Я двести сороковой. Цель по курсу слева.

Командный пункт:

– Цель ваша. Принудите к посадке.

МиГ– 21СМ.

Летчики на самолете-нарушителе хорошо видели манипуляции МиГа, но лишь прибавили скорость. До границы оставалось всего несколько минут полета.

На земле поняли, что нарушитель уходит:

– Приготовить оружие. Цель уничтожить!

Первая ракета, выпущенная Елисеевым, разорвалась в районе цели. А вторая не сошла с направляющих. Самолет-нарушитель, поврежденный осколками первой ракеты, сбавил скорость, но все равно имел шанс уйти. Тогда летчик открыл огонь из 23-миллиметровой пушки. Но как говорили по горячим следам события, после первой очереди отказал механизм перезарядки, и перехватчик оказался безоружным.

Писатель Вячеслав Федоров в своей книге «Приказано сбить» рассказывает, что после тщательного изучения всех обстоятельств, виновными в отказе оружия признают авиатехника по вооружению и техника эскадрильи. Они будут осуждены и получат десять лет и три года тюрьмы соответственно.

В сложившейся ситуации капитану Елисееву ничего не оставалось делать, как идти на таран. С земли он получил одобрение, на что спокойно ответил:

– Вас понял, выполняю!

Непосредственных свидетелей тарана нет и быть не может.

По официальной версии, МиГ ударил в верхнюю часть фюзеляжа самолета-нарушителя. А в своей статье, размещенной на сайте Качинского высшего военного авиационного училища летчиков, полковник в отставке Юрий Манцуров, пишет, что удар был в нижнюю часть фюзеляжа самолета-шпиона. В последнем случае шансов уцелеть у Елисеева не было.

С земли подсказали: «Бей плоскостью крыла». Но счет тогда уже шел на секунды. Времени рассчитать скорость сближения самолетов и определить наиболее безопасное для истребителя-перехватчика место нанесения удара, просто не осталось... Но на том же сайте качинцев есть информация (кстати соответствующая той, которую нам на боевом дежурстве рассказывали наши офицеры) о том, что Елисеев нанес удар все-таки крылом по хвостовому оперению самолета-нарушителя. Тот пошел вниз. Экипаж катапультировался и был задержан пограничниками. Самолет Елисеева после тарана врезался в гору, летчик погиб. Произошло это в 13 часов 15 минут московского времени 28 ноября 1973 года.

О том, в каком состоянии были члены экипажа сбитого самолета-шпиона, поведал мне в июле 1974 года рядовой Григорян, поступавший вместе со мной в Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище. Оба мы были радисты. Я – из ПВО, а он служил на пограничной заставе и был свидетелем, как туда привезли двух членов экипажа самолета-нарушителя. Так вот, наряд буквально принес на руках полковника ВВС США, ветерана вьетнамской войны, и иранского летчика, а потом врач долго приводил их в чувство. Потрясение от случившегося они получили чрезвычайное и быстро «раскололись». Много интересного и нового узнали специалисты и изучив обломки шпионской аппаратуры.

В первых числах декабря 1973 года на последней странице газеты «Правда» я прочитал информацию о том, что на территории СССР потерпел аварию самолет иранских ВВС, два летчика переданы иранской стороне. А чуть позже в «Красной звезде» нашел Указ Верховного Совета СССР от 14 декабря 1973 года о присвоении капитану Г.Н.Елисееву посмертно звания Героя Советского Союза за мужество и героизм, проявленные при выполнении задания по пресечению полета самолета-нарушителя. Сообщалось также, что у Елисеева осталась жена и два сына.

КТО ОН, КАПИТАН ЕЛИСЕЕВ?

Полковник в отставке Юрий Манцуров на сайте Качинского высшего военного авиационного училища летчиков рассказывает следующее: «Группа волгоградцев недавно обратилась в областную Думу с просьбой, точнее, с предложением, установить памятную доску или памятник Герою Советского Союза Геннадию Николаевичу Елисееву. Его имени нет на пилонах Аллеи Героев, где высечены фамилии уроженцев Волгограда и области, удостоенных высшей боевой награды за подвиги в годы Великой Отечественной войны. Хотя в Сталинграде он родился и прожил первые 20 лет своей короткой жизни.

Свой подвиг Г.Н.Елисеев совершил через несколько десятилетий после войны, охраняя небо Отечества...

Родился он 26 декабря 1937 года на Дар-горе. Когда началась война, отец Г.Елисеева Николай Андреевич ушел на фронт и в 1944 году погиб. Невероятно тяжело пришлось его семье: когда гремела Сталинградская битва, их дом оказался буквально рядом с передовой, все время находился в зоне огня. Но даже в этом кромешном аду, когда в стены дома впивались пулеметные очереди, а прямо во двор залетали мины, судьба пощадила семью: все Елисеевы остались живы...

В 1953 году 16-летним подростком Г.Елисеев пришел в Сталинградский аэроклуб ДОСААФ на планерное отделение. Как ни скрывал свои занятия в аэроклубе, от мамы ничего не утаишь: она узнала об этом, и между ними состоялся разговор. В конце его парень твердо заявил:

– Мама, я хочу летать, мне нравится это дело, и ничем другим заниматься не буду.

Окрыленный мечтой о полетах, он в октябре 1955 года поступил в училище. Об этом периоде жизни Г.Елисеева известно не так уж и много. На одной из фотографий сохранился его автограф: «1956 год, аэродром Райгород». Да, был такой лагерный аэродром у Качинского училища.

В 1957 году всю учебную группу, в которую был зачислен Г.Елисеев, в полном составе перевели в Батайское летное училище. Так из родного Сталинграда он попал в другой город. Но и там летал уве-

ренно и с большим желанием и в 1959 году, освоив пилотирование МиГ-17, выпустился в звании лейтенанта.

Потом были различные гарнизоны, совершенствование летной профессии. Елисеев стал военным летчиком 1-го класса...

В семье летчика Г.Н.Елисеева выросло два сына: Игорь и Александр. Известно, что оба они учились в суворовском училище, стали офицерами».

Иной может усомниться: а нужно ли было жертвовать собой в такой ситуации? С точки зрения тех, кто служил и служит в противовоздушной обороне, ответ однозначен: нарушитель должен быть либо посажен, либо сбит. Никто не знает, что он несет у себя на борту: атомную бомбу или разведывательную аппаратуру. Попустительство нарушителям в конце концов спровоцирует вооруженное нападение. Ведь безнаказанность так завлекательна. Но и нет той меры, которой можно измерить самопожертвование во имя Родины...

PS:

Отечественная авиация знает более 600 воздушных бойцов, которые в критические секунды боя шли на таран самолетов противника. Первым это сделал легендарный штабс-капитан Петр Николаевич Нестеров, который в самом начале Первой мировой войны, 26 августа 1914 года, на самолете «Моран» атаковал австрийский «Альбатрос» и ударом своей машины поверг противника на землю, погибнув при этом сам.

П.Н.Нестеров.

Летательные аппараты в ту пору вооружения не имели. «Вороны, а не ястребы!» – так отзывался о российских боевых самолетах Петр Нестеров. На едкие замечания Нестерова чиновники от авиации отвечали: «По штату авиационным отрядам пулеметы не положены!» Но летчик не сдавался. Он приладил к хвосту своего самолета большой нож, чтобы распарывать крылья неприятельских летательных аппаратов. На длинный трос цеплял «кошку», надеясь, что умелым маневром удастся разбить винт вражеской машины. Не дождавшись достойного вооружения для российских самолетов, Нестеров вынашивал идею тарана. И это не было авантюрой. Летчик произвел точный расчет, чтобы при ударе вражеского самолета сохранить свой. Но на практике вмешался слепой случай.

26 августа 1914 года близ Воли-Высоцкой, что неподалеку от Львова, штабс-капитан Нестеров вместе с поручиком Кованько поднялся в небо, чтобы перехватить вражеский самолет «Альбатрос», производящий разведку. Однако через несколько минут полета, из-за сбоев в работе мотора самолета Петра Николаевича, российским пилотам пришлось вернуться на аэродром. Механики немедля принялись устранять неполадку.

В это время над летным полем, словно дразня российских авиаторов, вновь появилась австрийская крылатая машина. Такой дерзости Нестеров стерпеть не мог. Вскочив в самолет поручика Кованько, герой взмыл ввысь. Легкий «Моран» русского пилота быстро настиг противника. Нестеров сделал круг над «Альбатросом», приглашая садиться подобру-поздорову. Но ав-

стрийский биплан продолжал полет. И тогда Петр Николаевич пошел на резкое сближение. И вот тут и сказалось то, что Нестеров пошел на таран на чужом самолете, который имел иные весовые и скоростные характеристики, чем самолет Нестерова. Поэтому летчику не удалось точно выдержать скорость сближения самолетов и, протаранив «Альбатрос» мотором между крыльев, летательный аппарат штабс-капитана Нестерова получил серьезные повреждения и через несколько секунд врезался в землю.

Гибель Нестерова отозвалась болью в сердцах тысяч граждан Российской империи. Даже неприятели воздали должное бесстрашию этого человека. В одном из приказов по войскам немецкий кайзер Вильгельм II отметил: *«Я желаю, чтобы мои авиаторы стояли на такой же высоте проявления искусства, как это делают русские...»* Похоронен штабс-капитан Петр Николаевич Нестеров в Киеве на Лукьяновском кладбище.

Через семь месяцев после гибели Петра Нестерова, в марте 1915 года его воздушный таран применил российский летчик штабс-капитан А.Козаков. После удачной атаки пилот благополучно возвратился на аэродром. Затем таким же способом сбил вражеский самолет подпоручик И.Чудновский. Так на практике была доказана правильность расчетов Нестерова. Затем уже в советское время в различных вооруженных конфликтах наши летчики прибегали к воздушным таранам и, как правило, били винтом по хвостовому оперению. Сотни таранов на счету наших защитников неба и в годы Великой Отечественной войны. При этом бесспорный рекорд принадлежит Герою Советского Союза летчику-истребителю Борису Ковзану, уничтожившему 26 самолетов противника, причем четыре из них герой протаранил собственным самолетом. Три раза после совершения тарана Ковзан благополучно возвращал его на базу, и лишь последний таран, сильно повредивший боевую машину, заставил смельчака выброситься с парашютом.

В.Куляпин.

Но таран реактивным самолетом реактивного самолета, совершенный капитаном Елисеевым был первым в истории.

Спустя несколько лет, 18 июля 1981 года, примерно в том же месте, где совершил свой подвиг капитан Елисеев, заместитель командира эскадрильи по политической части майор Валентин Куляпин из 166-го истребительно-авиационного полка (34-я Воздушная армия, Закавказский военный округ, аэродром Вазиани в Грузии) на Су-15ТМ таранным ударом своего истребителя сбил нарушивший границу, транспортный самолет Канадэр CL-44 аргентинской авиакомпании со швейцарским экипажем, перевозивший контрабандную партию оружия в Иран.

Сначала на перехват вылетели два истребителя, но нарушителя не нашли и израсходовав все топливо вернулись назад. Вылетевший после них Куляпин оказался зорче и обнаружил нарушителя на высоте 1100 м. Пошел параллельным курсом с ним и стал принуждать к посадке.

Экипаж транспортника вел себя нагло, не только не выполнил команду следовать на советский аэродром, но совершал опасные маневры в сторону советского истребителя, что могло привести к столкновению. Когда до границы оставалось всего несколько минут полета, с земли поступил приказ сбить нарушителя. Но самолет Куляпина был вооружен ракетами дальнего радиуса действия Р-98М. Для их пуска дистанция была недостаточной, а сделать новый заход для атаки уже не хватало времени. Тогда Куляпин решил таранить. Он сблизился с самолетом-нарушителем и со второй попытки нанес удар фюзеляжем по правому стабилизатору транспортника. После этого Куляпин катапультировался из своего поврежденного самолета, а CL-44 вошел в штопор и упал в 2 км от границы. Экипаж погиб.

За свой подвиг Валентин Куляпин был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

ЕКАТЕРИНБУРГ: КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ

Александр АВТАЕВ,

магистр истории, действительный член Уральского историко-родословного общества и член Уральского гениалогического общества, г. Екатеринбург.

Шарташские Каменные Палатки (Большие и Малые) – урочище, расположенное в восточной части г. Екатеринбурга – между озером Большой Шарташ (сейчас просто Шарташ) и ныне почти высохшим озером Малый Шарташ. Они являются выходами гранитов, разбитых трещинами на горизонтальные плиты. Вытянутые с северо-востока на юго-запад на несколько десятков метров, они образуют каменную стену высотой до 10–15 метров, если считать от гранитного основания. Но если измерять от подножия увала, где некогда начиналось Шарташское болото, то будет 25–30 метров.

При первом взгляде на Каменные Палатки, создается ощущение их рукотворности. Издали они напоминают развалины построек, башен или «каких-то грандиозных искусственных сооружений», поэтому еще их называют иногда «чертовым городищем».

В 1880-х гг. в скальных трещинах, на площадках около палаток, в обнажениях культурного слоя находили керамику, шлаки, орудия из камня, бронзы, железа, мелкие пережженные кости животных. На южной стороне палаток найдены различного рода предметы: черепки, каменные и костяные орудия «доисторической эпохи».

По словам русского географа и путешественника В.П.Семенова-Тянь-Шанского, Каменные Палатки служили жилищем древнему человеку, который пользовался кровом, созданным самой природой, как защитой от непогоды и неприятеля, а близость воды давала ему возможность, не отходя далеко от жилища, снискать себе пропитание охотой и рыбной ловлей. «Около гранитных скал находят черепки глиняной посуды и некоторые костяные и каменные орудия», – писал он.

В середине XX в. археологи находили здесь бронзовые идолы, каменные топоры, глиняные черепки, наконечники стрел, вероятно ос-

тавленные в результате ритуальных действий, и др. предметы.

В 1998 г. при проведении работ по инвентаризации памятников археологии г. Екатеринбурга палатки были обследованы сотрудниками Института истории и археологии УрО РАН С.Е.Чаиркиным, А.Ф.Шориным, Е.А.Киселевым. Материалы инвентаризации хранятся в фондах Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области.

Материалы с памятника представлены сборами с поверхности и раскопками конца XIX – начала XX вв. Это преимущественно фрагменты керамической посуды, главным образом, заключительной стадии раннего железного века (кашинский и прыговский типы керамики) и позднего железа.

Кроме того, коллекция содержит материалы более ранних эпох: неолита, энеолита, бронзы и первой половины раннего железного века (гамаюнская и гороховская культуры): керамика, наконечники стрел из камня и бронзы, кремневые пластины, отщепы и другие орудия труда.

В эпоху неолита 7–5 тыс. лет назад это место облюбовали охотники и рыболовы. Следы стоянки были найдены на мысе Рундук – широком гранитном выступе у западного берега озера. Эпоха бронзы тоже оставила здесь свои стоянки. По берегам озера жили тогда племена, освоившие сложный процесс выплавки меди. Их металлургическое производство располагалось на вершине Каменных Палаток – скалах посреди соснового леса, в километре от озера. К плавке допускались не все, а только избранные, получившие магические знания от своих предков. Они могли ходить к священным скалам, где на вершине, хорошо продуваемой ветром, в примитивных горнах выплавлялись из медной руды небольшие медные слитки и изготовлялись магические амулеты, оружие и домашняя утварь. У основания Малых палаток найдены фрагменты сосудов иткульского типа, обломки литейных форм, льячек, медных наконечников стрел. Единичны находки фрагментов сосудов гороховского и воробьевского типа лесостепного населения.

В начале I тыс. до н.э. традиция производства металла продолжала сохранятся, но уже у подножия Больших палаток (там были найдены фрагменты сосудов кашинского и бакальского типов).

С середины I тыс. до н.э. по II тыс. н.э. подножия Больших и Малых Каменных Палаток являлись местом производства железа. Этот процесс сопровождался жертвоприношениями.

Основная часть находок датируется VI–IX вв. Помимо обломков глиняной печи, железных шлаков и фрагментов сосудов батырского, петрогромского и юдинского (X–XIII вв.) типа были найдены кальцинированные косточки, костяные наконечники стрел, куски листовой меди, хрустальная бусина, «пряслица» из стенок сосудов, бронзовое изображение лошади.

След металлургических горнов на плоской вершине каменной за-

падной «башни» заметен до сих пор. Он представляет собой напоминающее чашу округлое углубление, образованное на месте, где долгое время стояла плавильная печь. Гранит постепенно разрушался от высокой температуры и образовывалось углубление, которое соответствовало по размеру основанию горна. Одни ученые считают Каменные Палатки местом жертвоприношений, а «чашу» – алтарем-жертвенником, делом рук человеческих, а другие ученые полагают, что это углубление образовалось выветриванием более слабого места в граните.

Однако эти места в I тыс. н.э. по каким-то причинам были покинуты древними металлургами. Им на смену пришли финно-угорские племена. Финно-угры считали эти скалы с каменной вершиной священным местом. Шаманы зажигали здесь жертвенный огонь и совершали магические обряды.

Позднее в эти места пришли кочующие башкиры, которые, возможно, и дали название озеру и Каменным Палаткам. «Шарташ» – слово тюркское (скорее всего башкирское), как и большинство названий на среднем и Южном Урале. Звучит оно как «Сары таш» или «Сар таш» и в переводе означает «Желтый камень» («сар» – желтый, «таш» – камень), потому что при разрушении гранит дает желто-бурый щебень.

Шарташские Каменные Палатки были исследованы членами Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) О.Е.Клером, Г.Ф.Абельсом, Л.П.Сабанеевым, С.Н.Сергеевым, Н.А.Рыжниковым (1880–1890 гг.), Ю.П.Аргентовским, В.Я.Толмачевым (начало XX в.), А.Денисовым (середина XX в.).

Каменные Палатки и прилегающая к ним местность – археологический и исторический памятник Урала.

Культурный слой памятника в настоящее время в значительной степени утрачен в результате: 1) раскопок, проводимых в конце XIX – начале XX вв.; 2) сооружений по благоустройству Палаток (лестницы, амфитеатр, пешеходные дорожки); 3) вытаптывания многочисленными посетителями этого популярного у населения города места отдыха.

В настоящее время материалы раскопок хранятся в фондах Свердловского областного краеведческого музея.

Список литературы и источников:

Архипова Н.П. Окрестности Свердловска. Свердловск, 1981. С. 92–93.

Берс А.А. Далекое прошлое Урала (конспект лекций). Свердловск, 1927.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.

Весновский В.А. Статистический ежегодник «Весь Екатеринбург» за 1903 г. Екатеринбург, 1903. С. 29.

Дорохотов Ф.П. Урал северный, средний и южный. Пг., 1917. С. 412–413.

Колмакова В.В. Памятники древности в окрестностях Екатеринбурга// Туризм Уральского региона: проблемы, привлекательность, перспективы, технологии. В 3 тт.. Т. 2. Екатеринбург, 2002. С. 248–253.

Клер О.Е. О Каменных Палатках. Заметка первая//Записки УОЛЕ. Т. 1. Вып. 2. Екатеринбург, 1874. С. 95.

Леонов А. Уральский «Царь-камень»//Уральский следопыт, № 9, 2005. С. 21–23.

Маршруты выходного дня. Свердловск, 1966.

Особо охраняемые памятники природы на территории Свердловской области. Свердловск, 1985. С. 28.

Рундквист Н.А., Задорина О.В. Свердловская область. Иллюстрированная краеведческая энциклопедия. Екатеринбург, 2009.

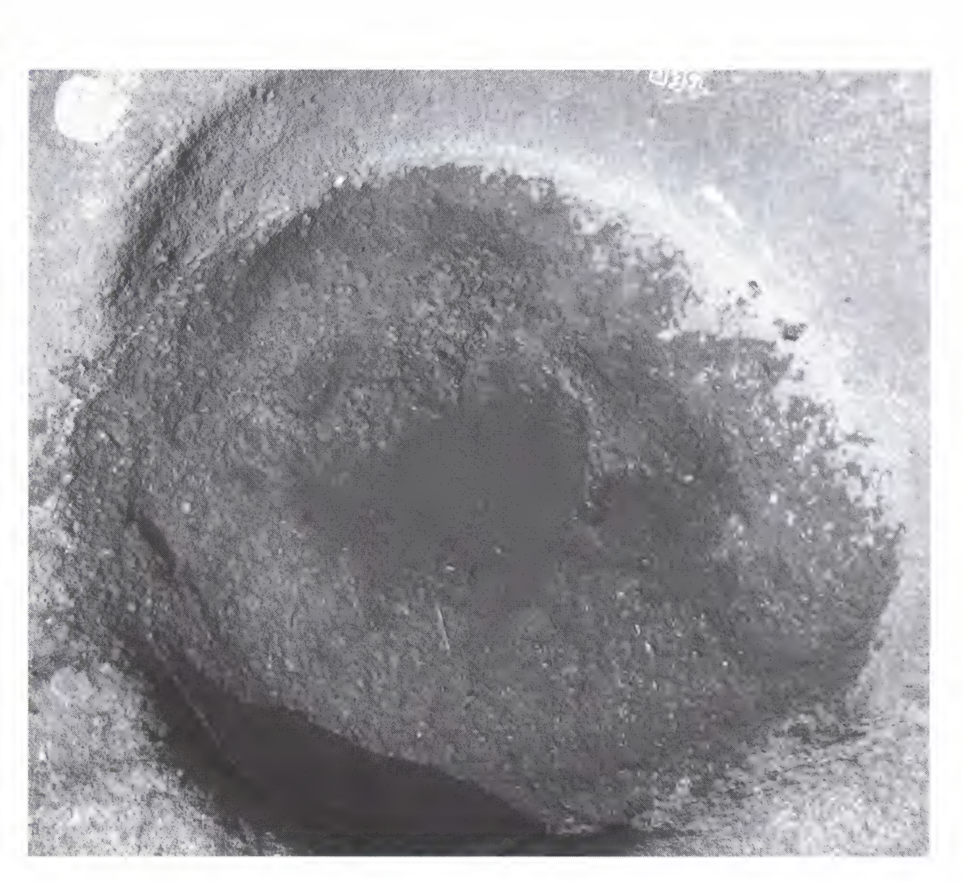
Семенов-Тянь-Шаньский В.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. T.V. Урал и Приуралье. Спб., 1914. С. 429.

Тамплон Е. Озеро Шарташ//Труд-7. 17–23 апреля. 2003 г. С. 13.

Тамплон Е. Шарташские каменные палатки// Уральский следопыт, № 1, 2003. С. 75–76.

Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Буква К. Пермь, 1878. С. 20.

Шарташские каменные палатки//Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 658.

ЦВЕТОВОЙ ПОЖАР НАТАЛЬИ ПИСЬМАК

Фото В.Пустовалова

Светлана ДОЛГАНОВА,

член Международной ассоциации искусствоведов. г. Екатеринбург.

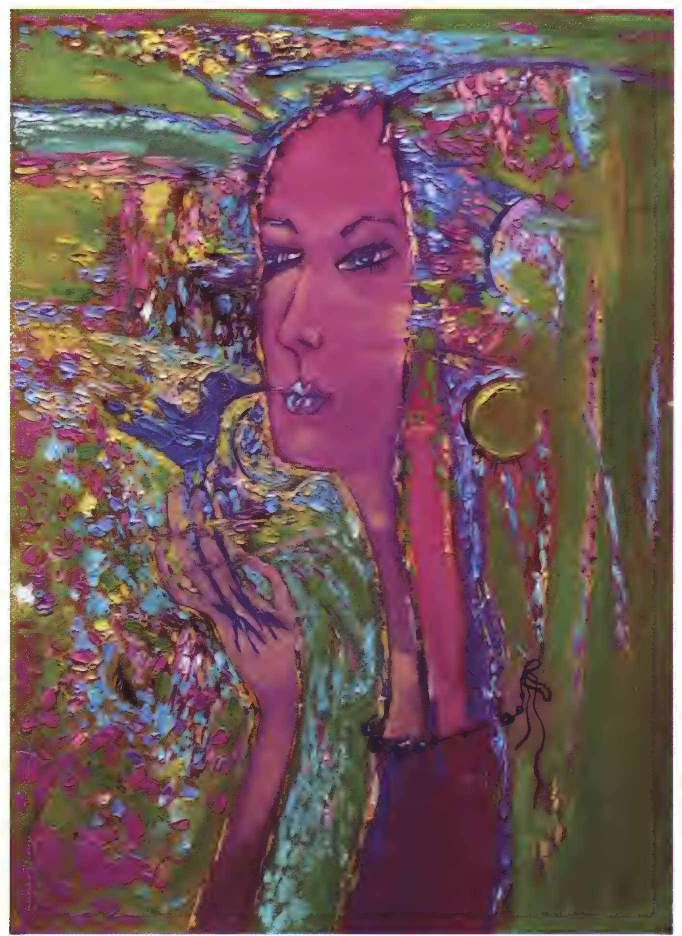
Фото автора.

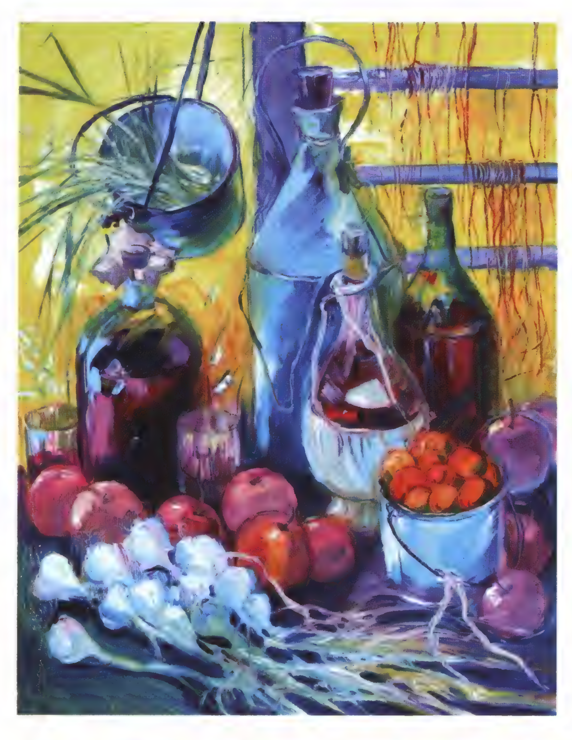
(Начало на стр. 1)

– Меня часто спрашивают, почему у меня все картины такие солнечные, – улыбается Наталья Письмак. – Это конечно не совсем так. У меня в работах бывают и дождь, и гроза, и метель, и сумерки (я их, кстати, очень люблю за их волшебную, романтичную лиловость). Но большинство работ действительно получаются мажорными, солнечными. Я ведь много ездила по миру, весьма пристально изучала его и пришла к выводу, что мир – это удивительная сокровищница, чудесный сад, волшебная страна. Мы все еще стоим на пороге, как кэролловская Алиса, и никак не можем войти. Мы топчемся на крохотных площадках-городах, скученных, замученных, задымленных, и думаем, что это и есть весь мир. А ведь стоит только чуть-чуть шагнуть в сторону, и открывается совершенно другое пространство. Можно, например, поднять голову и увидеть в ночном небе миллиарды звезд (в городе они почему-то все куда-то деваются). Можно «услышать тишину». И не просто услышать, а буквально физически ее ощутить и понять, насколько ты по ней соскучился. Художники ведь люди своеобразные. Они привыкли много времени проводить в тишине. У меня конечно в мастерской бывает много гостей, учеников, но все равно творческий процесс – это когда ты один на один с холстом. Как французы говорят, «тет-а-тет», то есть «голова к голове». Это такой своеобразный момент истины. Если до этого как-то там еще можно хитрить и что-то имитировать, то в этот момент ты, хочешь того или не хочешь, становишься предельно искренним. Это по-своему даже забавно, потому что холст проявит все, что в тебе заложено. Собственно говоря, ты каждый раз пишешь самого себя, этакий автопортрет, вне зависимости от того, пытаешься ты изобразить замок, облако или ведро с водой. Соврать здесь никогда не получается. Поэтому, когда смотришь на пейзаж Левитана, сразу видишь и самого Левитана со всей его грустью, лиризмом, тоской, умением тонко чувствовать и видеть. И, напротив, взглянешь на какую-нибудь бравурную композицию Карла Брюллова, и тут же видишь самого «Карла Великолепного» со всеми его амбициями, громокипящей гордостью и блестящей одаренностью. Ну а у Мунка в душе всегда был его «Крик», недаром он его столько раз писал, недаром именно им запомнился. Все это совершенно неизбежно. Вот так и у меня главное в душе – это лучи солнца, играющие на звонком медном тазу, в котором моя сестра варит варенье во дворе нашего дома в Саратове. Это волны «винноцветного моря», как Гомер называл Адриатику, которые бьются о желтые скалы острова Искья. Это плетеные кресла-корзинки, стоящие на террасе, у старого обеденного стола, накрытого чистой белой скатертью, на которой руки бабушки вышили гладью васильки и анютины глазки. Это цветы, буйно растущие в палисаднике. И конечно все это залито солнцем. Потому что по-другому просто не может быть.

(Окончание на стр. 78)

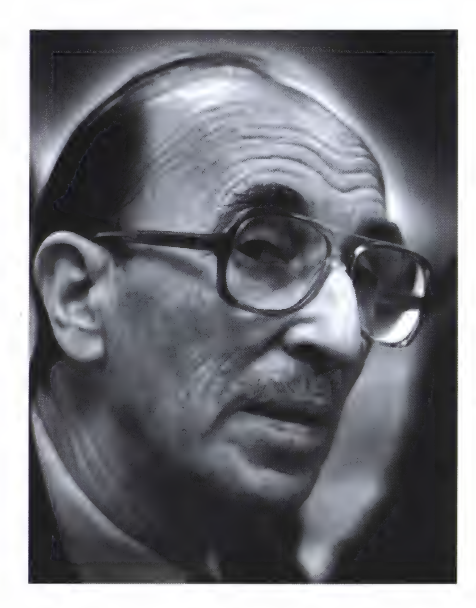

Цветовой пожар Натальи Письмак

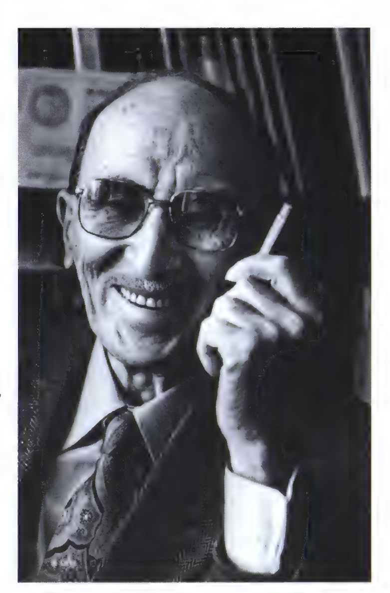

Портрет интеллекта

Лауреаты Демидовской премии (1998 г.)

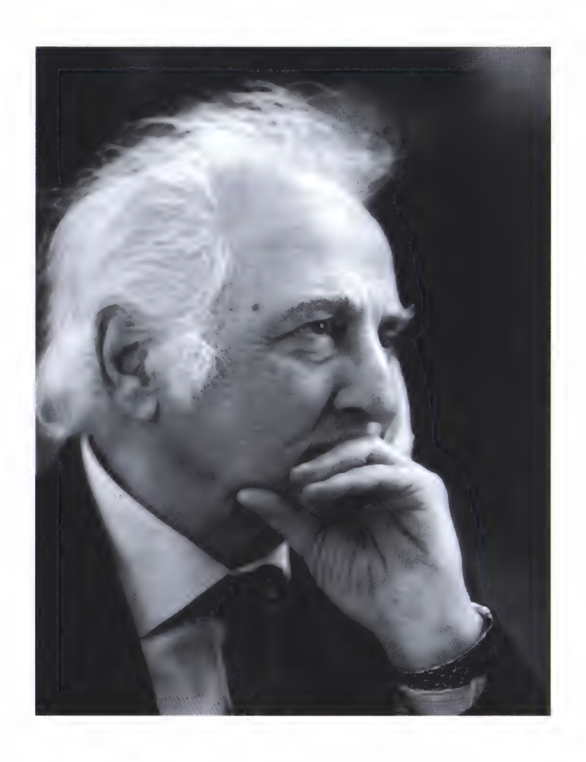

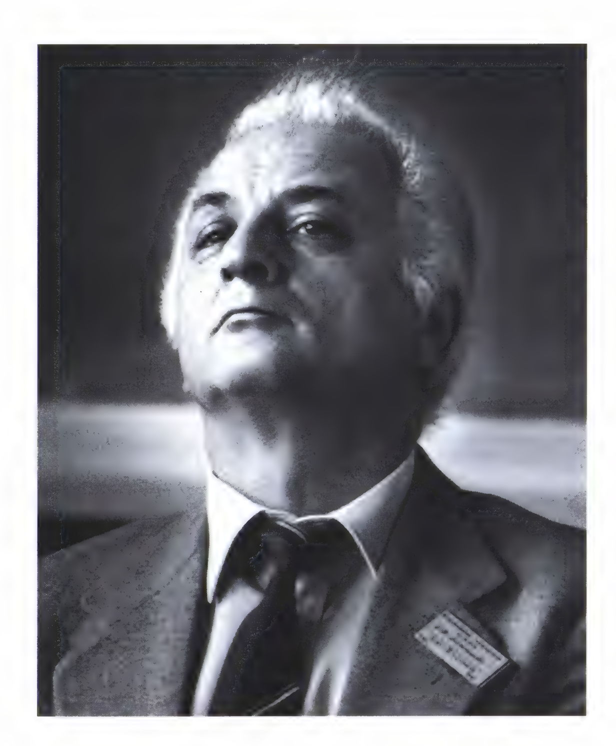
Газенко Олег Георгиевич (1918–2007)

Академик. Ученый-физиолог, генерал-лейтенант медицинской службы. Под его непосредственным руководством происходило развитие советской космической биологии и медицины. Основные работы в области космической физиологии, в частности по влиянию на организм невесомости. Решением ЦК КПСС и Совета Министров О.Г.Газенко был прикомандирован к 3-му Главному управлению при Министерстве здравоохранения СССР в качестве директора Института медико-биологических проблем (1969–1988). Лауреат Государственной премии СССР и премии Правительства РФ. Демидовская премия вручена в 1998 г. за выдающийся вклад в развитие космической биологии и медицины.

Гончар Андрей Александрович (1931–2012)

Академик. Главные направления научной деятельности: комплексный анализ и теория приближения, теория рациональных аппроксимаций и теория аналитических функций. Вице-президент РАН (1991–1998). Главный научный сотрудник Математического института им. В.А.Стеклова РАН. Главный редактор старейшего научного журнала «Математический сборник». Награжден золотой медалью им. М.В.Келдыша за работы по теории аппроксимации (1993). Демидовская премия вручена в 1998 г. за выдающиеся исследования в области комплексного математического анализа, теории потенциала и теории приближений аналитических функций.

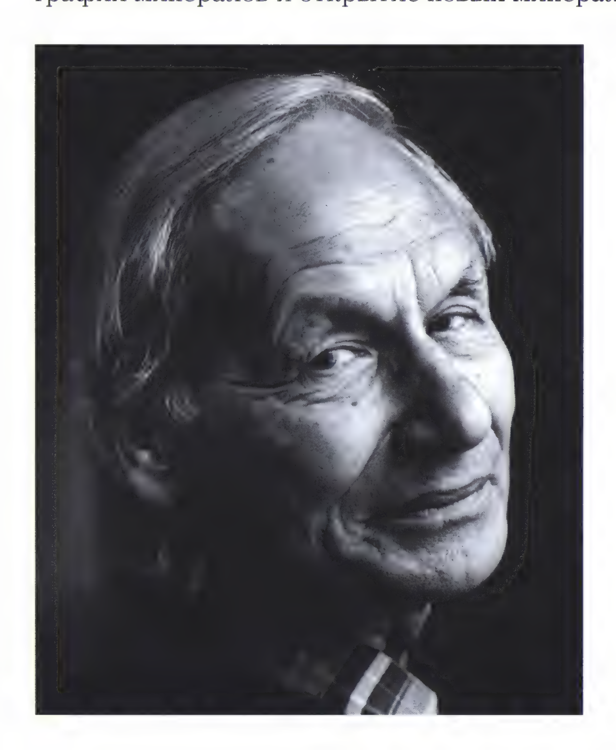

Седов Валентин Васильевич (1924–2004)

Академик. Отечественный археолог и историк. Возглавлял Отдел полевых исследований, регламентирующий и в научно-методическом плане контролирующий археологические раскопки и разведки в пределах всей России, являлся председателем Экспертного совета РГНФ по историческим наукам, возглавлял ряд археологических экспедиций. В течение десятилетий, как член исполкома и бюро Международной унии славянской археологии активно участвовал в ее деятельности. Был главным редактором ежегодника «Археологические открытия» и «Кратких сообщений Института археологии РАН». Демидовская премия вручена в 1998 г. за выдающийся вклад в изучение древней истории славян, финно-угров и балтов.

Юшкин Николай Павлович (1936–2012)

Академик. Создатель крупной минералогической школы. Разработал новые научные направления: генетикоинформационная минералогия, эволюционная минералогия, топоминералогия рудных регионов, витаминералогия (минералогия жизни), минералогическая диатропика. Советник РАН, главный научный сотрудник, руководитель группы перспективных геологических и минералогических проблем Института геологии, зав. кафедрой геологии Сыктывкарского госуниверситета. Лауреат премии Совета министров СССР. Демидовская премия вручена в 1998 г. за выдающийся вклад в развитие минералогии и кристаллографии минералов и открытие новых минеральных видов и месторождений минерального сырья.

Ведущий рубрики фотохудожник Сергей Новиков

Поездка в Пермский край

Алмазный ключик золотой осенью.

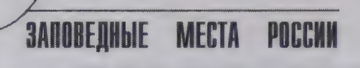

Вид на гору Колпаки из поселка Теплая Гора.

Хребет горы Колпаки.

Памятник первому Российскому алмазу.

ПОЕЗДКА В ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Вера ГУРСКАЯ

Немного истории. Свердловская область и Пермский край – соседние области, которые граничат друг с другом, но в прошлом, они имели общее историческое административное деление. Екатеринбургская область входила в состав Пермского наместничества, образованного Указом Екатерины II от 1 декабря 1780 г. Императрица Екатерина II подписала указ о создании Пермского наместничества в составе двух областей – Пермской и Екатеринбургской, и учреждении губернского города Пермь. [№ 5]. Губерния была разделена на 12 уездов. 15 июля 1919 года из состава Пермской губернии была выделена Екатеринбургская губерния в составе 6 уездов.

3 ноября 1923 года Пермская губерния была упразднена, а ее территория включена в состав Уральской области с центром в Екатеринбурге. [№ 6]. Но какие бы не происходили административные деления – губерния, область, уезд – край, наш Урал, всегда остается замечательным местом на земле. Его природные пейзажи поражают и завораживают человека своим величием и красотой, заставляя вновь и вновь отправляться в очередную поездку, чтоб «утолить жажду познания» и получить новые впечатления. К сожалению, по ряду причин, такие поездки случаются не так часто, как хотелось бы, но каждая из них становится незабываемой!

Галина Викторовна Мельникова – основатель краеведческого музея в поселке Промысла.

Я родилась в Свердловске, а Пермский край – родина моих родителей. Дни каникул в школьные годы я почти все время проводила у дедушек и бабушек в поселке Теплая гора Пермского края.

Я очень любила летние дни в поселке. По папиной линии, родного дедушку Петра Ильича Гусева, я, к сожалению, видела только на фотографии. Мой дед погиб от ранения во время боевых действий, в 1941 году, в городе Невель Псковской области. До начала Великой Отечественной войны он работал на Теплогорском литейном заводе. Бабушка, Анна Георгиевна Гусева, в годы Великой Отечественной войны работала на том же заводе.

После гибели дедушки бабушка осталась одна, с тремя сыновьями. После войны она второй раз вышла замуж за Виктора Степановича Седова, с которым они были вместе всю оставшуюся жизнь. Я в основном жила у маминых родителей, а к родителям папы приходила в гости. Очень любила у них бывать, особенно когда они еще жили в своем доме. К бабушке Нюре и дедушке Вите приезжали на лето мои двоюродные братья и сестры, гос-

тей всегда было много, и было очень весело. А во дворе были качели на цепочных подвесках, для нас, ребятни, это было величайшей радостью. Дом стоял в центре поселка, рядом находились магазины и киоск, в котором изготавливали и продавали мягкое мороженое в картонных стаканчиках на развес. Такого вкусного мороженого я больше нигде не ела, даже у нас в Свердловске.

Мамины родители жили ближе к окраине поселка, магазины от их дома были далеко, зато лес и речка – рядом. Дедушка Иван Иванович Чесаков и бабушка Вера Ивановна Чесакова родом из города Сухиничи Калужской области. На Урал попали как ссыльные в 1930 году, да так и остались. Но нам, детям, тогда еще об этом не рассказывали. У бабушки Веры и дедушки Ивана часто собирались их дочери – мои тети, они помогали по хозяйству. От них же всегда шли в лес и возвращались обратно, а потом уже все расходились по своим домам. Меня старались в лес не брать, и на то была причина. Для взрослых походы в лес были делом серьезным, ходили они всегда подолгу, стараясь собрать побольше ягод и грибов, чтоб запастись на зиму. Я же в лесу быстро уставала от долгой ходьбы по горам и пригоркам и просилась обратно домой, да еще и комары с мошками, одолевая не на шутку, усиливали желание вернуться. Вот и приходилось кому-нибудь возвращаться вместе со мной. Но когда взрослые снова собирались в лес, я опять просилась с ними.

– Ты же опять устанешь и будешь проситься домой.

– Нет, не устану, буду ходить с вами до конца!

– До конца! Опять только в лес зайдем, домой запросишься.

– Не запрошусь, правда!

Если меня брали, то история повторялась вновь, я опять просилась домой, а дома просилась в лес.

Дорога в лес шла резким и длинным подъемом в гору, ведь поселок находится среди Уральских гор, поэтому и ландшафт этой местности горный. Недаром название поселка Теплая гора. Говорят что появилось оно в конце XIX века. «В 1880 году из поместий графа Шувалова, были привезены крепостные люди – первые строители завода и поселка. В помощь им были привезены лошади. От реки Койва к заводу на лошадях везли лес. Километровый путь был затяжным тягуном и возчики помогали лошадям «до седьмого пота». Вторая «горка» шла от речки Бисер и там тоже было всем «тепло». Так и родилось название будущего поселка»[1]. Поднявшись на гору, возчики, обливаясь потом, «переведя дух», говорили: «Ох, и теплая гора». Вот и мне в детстве тяжело давался подъем на местные горы. Но были и другие случаи. Моя первая подруга – Ленка Калугина, собралась с родителями в лес за малиной, позвала и меня. Семья Калугиных в поселке считалась обеспеченной, т.к. они имели собственный автомобиль «Волга», и в лес за малиной поехали на ней. Ягод тогда набрали много, ведь на машине мы заехали очень далеко, пешком было бы не дойти. Такой «поход» в лес мне очень понравился, и я совсем не устала. А когда мы ехали на машине, то чувство счастья меня просто переполняло. Это было и комфортно и престижно, проехать на дорогой машине по поселку и окрестностям.

В жаркие дни мы бегали купаться на Койву – не глубокую, с быстрым течением и холодную горную речку. Купания всегда проходили очень весело. Но однажды мы с Ленкой купались и не сразу заметили грозовую тучу. Как-то неожиданно резко началась сильная гроза, мы с подружкой побежали домой. Дорожка шла по узеньким выложенным из досок мосткам, я шла впереди, Лена, чуть позади. Лена крикнула:

– Подожди меня

Я обернулась и вижу картину: Лена, соскользнув с досок, одной ногой попала в коровью «лепешку». Выбравшись, направилась к ключику, мыть ногу. Пришлось идти с ней. Погода тем временем бушевала во всю, молнии сверкали одна за другой, было страшно и хотелось скорее добраться до дома. А Ленка, как назло медлила. Но вот нога чиста, и мы побежали дальше. До дома моих бабушки и дедушки несколько метров, Ленкин дом чуть дальше и укрыться от непогоды было быстрее у нас. Вот уже три шага до заветной калитки, я на бегу протягиваю руку к ручке, как вдруг пронзив небо, за калиткой, по косой, летит столб молнии в наш дом. Мои и Ленкины глаза округляются от ужаса, и в добавок нас оглушает страшной силы гром. Мы замерли на месте. Когда все стихло, испуганные зашли в дом. А в доме произошло вот что.

Когда влетела молния, пробив стекло, из электросчетчика, который висел над кроватью вылетели горячие пробки. На кровати, в это время, спала моя двухлетняя племянница Варя, пробки упали по бокам от ее головы, совершенно не задев малышку, которая даже не проснулась от грохота. Попав в дом, молния прокатилась по коридору, кухне, второй комнате и вылетев через открытое окно в огород – ушла в землю. Это была шаровая молния. Потом было много разговоров об этом событии. А я подумала, что если б Ленка не впечаталась в коровью «лепеху» и мы не задержались, то открыв калитку, я могла бы стоять уже во дворе, на пути летящей молнии. Вот ведь как все складывается в жизни, из каких-то, казалось бы, обыденных мгновений, которые потом оказываются важными и значимыми.

Сейчас, в зрелые годы, во время моего обучения в Гуманитарном Университете по специальности – социально-культурный сервис и туризм, нам дали задание, разработать какой-либо тур. Я решила разработать тур выходного дня в Пермский край. Поехала в Горнозаводский район Пермского края, в интересующие меня поселки, собирать материал для разрабатываемой экскурсии. Посетила местные музеи, пообщалась с основателями музеев. Музейщики были очень рады встрече и охотно шли на общение.

В одном поселке и сейчас живут мои родственники, есть и друзья детства. И при встрече, подруга Вера задала мне неожиданный вопрос:

– А ты просто в гости приехала, или день рождения у кого из родни?

– Приехала, чтоб побывать в ваших музеях, – ответила я, – а заодно и с родственниками повидаться.

И услышала шокирующий ответ ее сестры:

– А у нас что – тут музеи есть что ли?

Пришлось рассказать друзьям и знакомым о музеях и показать снимки экспонатов, снятые на мой фотоаппарат. Вот такой парадокс. Живут люди в своей повседневной рутине дел и не знают или не хотят знать о своей истории и культуре.

Тур был разработан, контрольная работа зачтена, но хотелось реализовать поездку на практике. Собрав друзей, любителей поездок и познания, осенью прошлого года, мы отправились в Горнозаводский район Пермского края. Несмотря на то, что Пермский край и Свердловская область соседи, они такие разные. Это различие видно сразу при пересечении границы областей. На территории Свердловской области, лес преимущественно лиственный. Ближе к границе, вообще березовый, но как только мы проехали постамент с надписью «Пермский край», лиственный лес резко сменился хвойным. Это всех удивило, как будто сама природа, создала свои границы. Проехали речку под названием «Именушенка». Чуть ниже по течению реки, когда-то, находился поселок Именушинск. Образовался он в 30-е годы XX века. Переселенцев – осадников, высланных на Урал, вначале поселили в барак на Чекмене, без права выезда, под присмотр надзирателей. Поселок состоял из одного – единственного барака, не имеющего внутренних стен. Перегородками для поселившихся в нем семей, служили подвешенные простыни. Затем сами ссыльные стали строить себе дома, так образовался поселок Именушенск. Потом в нем появились начальная школа, детский сад, клуб, магазин. Улиц в поселке было 3: Верхняя, Средняя и Нижняя. И еще одна, на которой

Тимофей Николаевич Гимадудинов – основатель Теплогорского краеведческого музея.

находились баня и школа. Но это было уже значительно позже.

«Ссыльными были семьи, непонятно за что осужденные и высланные из своих родных мест на Урал. Считались они «врагами народа», но никто не мог предъявить им обвинений, так как большинство из них были выходцами из простого народа. Были еще «осадники» из раскулаченных, которые зачастую имели в семье пропитания не больше чем на 2–3 дня, и одежду и обувь, если семья многодетная – одну пару на двоих. И на местах ссылки им не давали покоя, часто арестовывали и предъявляли обвинения, особенно с 1937 по 1940 годы, за связь с Троцким. Можно ли было придумать что-то более нелепое: в тайге, глухомани, без газет, радио и электричества – связь с Троцким! Многие из якобы, «троцкистов» не вернулись в свои семьи»[1]. Мой дедушка – Иван Иванович Чесаков, тоже был арестован по обвинению, за связь с «Троцким» в 1937 году. Бабушка – Вера Ивановна Чесакова осталась одна с тремя малолетними дочерьми тринадцати, десяти и трех лет, будучи беременна четвертой. При этом нужно было работать на углежжении. Углежжением в то время занимались в поселках Пономарева Грива, Уреф, Тюшевск. Моя тетя, Лидия Ивановна Крапивина, в девичестве Чесакова, рассказывала об этом так: «Называли нас «спецсила». Кругом глухая тайга и звери. Работали все: мужчины, женщины и дети, больные и престарелые. Лес валили вручную, выполняли норму, хотя никто не знал какая она. Руководил десятник Борис Дмитриевич Денисов по прозвищу «Бородавка». Часто поднимали ночью выгружать «подошедший» уголь из печей. Печи были рядом с поселком. 1937 год был «черным» для нашего поселения. Арестовали папу и еще ряд крепких мужиков за «подпольную связь» с Троцким, хотя в нашей глухомани многие «троцкисты» не умели читать. Нарекли их всех «врагами народа». Нам, детям осадников, надо было учиться, и мы до седьмого класса ходили в школу пешком за 15 километров, а старшие еще дальше. Через тайгу в лаптях, с котомочками за плечами шли на занятия. И выучились, пройдя обиды и унижения. Кроме учебы на нас, детях, лежали обязанности по дому, а летом – выполнение налога по сбору грибов и ягод в свежем и сухом виде».

Вот что, об этих событиях пишет краевед Т.Н.Гимадудинов в своей книге «Рабочий поселок»: «Это печальная позорная страни-

ца в биографии нашей страны. Но как бы кому-то не хотелось, из истории ее не вычеркнешь, не забудешь. О том, что случилось в те далекие годы, должно знать сегодняшнее поколение. Историю нужно сохранить для потомков, для того, чтоб этот кошмар не повторился, а остался лишь историей 30-х годов!»[1]. Годы действительно были страшные, сужу об этом по рассказам маминой родной сестры Лиды, моей тети. На момент ареста их отца (моего дедушки), тете Лиде было 10 лет, а моей маме 3 года. Когда моя мама только родилась, водиться с ней приходилось тете Лиде, так как бабушка работала в поле. Их, ссыльных, даже покормить ребенка грудью не отпускали, надо было работать. Тетя Лида носила мою маму, в поле, бабушка там же ее кормила, и то прячась, что б не заметил начальник и не заругал. Вечером, сестры с нетерпением ждали бабушку дома. Если моя мама была голодна, она громко плакала, как и все дети. Тетя Лида же, сама еще ребенок, ничем не могла ей помочь, тут не помогали ни игры, ни качание на руках. Тетя Лида только и думала, чтоб скорее пришла бабушка – их мама, и накормила грудью сестренку. И когда бабушка появлялась дома, тетя Лида облегченно вздыхала, а моя мама жадно кушала и успокаивалась.

В феврале 2012 года, у тети Лиды был юбилей, ей исполнилось 85 лет. Мы с родственниками ездили к ней в Карпинск и очень весело и душевно отметили эту дату. Тетя Лида проработала учительницей русского языка и литературы с 1948 по 1983 годы. Поздравления с юбилеем начались с восьми часов утра, телефонными звонками из других регионов, а после и лично. Приходили поздравлять друзья семьи, соседи, представители совета ветеранов, и конечно же бывшие ученики, которым уже под шестьдесят, но свою учительницу они помнят и уважают. Все-таки здорово, когда люди собираются за столом, говорят друг другу хорошие слова и поют песни. Возникает какое-то единение и мощное душевное тепло, которое топит лед и смягчает сердца. И это тепло невозможно получить на расстоянии, по телефону или по электронной почте.

Вернусь к экскурсии. Далее наш маршрут проходил возле обелиска на границе Европы и Азии. Вот как его описывает Уральский путешественник Николай Рундквист: «Памятных знаков, указывающих границу, которая делит мир на Европу и Азию, на Урале великое множество. Один из самых помпезных расположен в пяти километрах от поселка Промысла на новой федеральной трассе, соединяющей Горнозаводской район Пермского края со Свердловской областью. На вершине двадцатишестиметровой стелы символ России – двуглавый орел, внизу с двух сторон надписи «Европа» и «Азия». Буквы впечатляют размерами – 2,8 м в высоту. Над Европой сидит грифон – образ рыцарской доблести, над Азией одно из воплощений мощи и мудрости Востока – лев. Рядом удобные смотровые площадки»[2]. Мы полностью согласились с его мнением: обелиск действительно очень большой и сильно отличается от тех, которые находятся рядом с Екатеринбургом. Он пользуется огромной популярностью, как у местного населения, так и у приезжих.

Насмотревшись на обелиск, мы поднялись на гору под названием «Колпаки». Подъем, несложный, по дороге вверх примерно 1,5 км. Гора – плотный ряд скал, похожих на гребень спины динозавра. Со смотровой площадки открывается великолепная круговая панорама на бескрайнюю Уральскую тайгу. Хорошо видны города Качканар, Кушва. Но нам не пришлось все это увидеть, так как был сильный туман. Даже находившиеся рядом горы, были едва различимы. Вначале это расстроило, но в итоге все признали, что такой туман бывает редко, а значит, возможность посетить «Колпаки» в «молочной дымке» была уникальной и необычной.

Дальше наш путь лежал в поселок Промысла, который знаменит не только золотодобычей, но и первым алмазом, найденным на территории России. Дело было так. Граф Полье, владелец золотого прииска, страстно желал иметь у себя нечто особенное из цветных камней. Это знали рабочие прииска, и крепостной подручный промывальщика, четырнадцатилетний Павел Попов, заметив в лотке красивый прозрачный камешек, отнес его смотрителю[3]. Случилось это 5 июня 1829 г. в долине р. Полуденная. Граф Полье, о находке алмаза, написал письмо министру финансов Канкрину. Письмо графа документально закрепляло честь находки первого алмаза в России за Павлом, который по указанию министра Канкрина получил вольную[4].

В Промыслах мы первым делом отправились в краеведческий музей. Нас встретила удивительная женщина, Галина Викторовна Мельникова. После окончания библиотечного факультета Пермского института культуры Галина Викторовна начала работать здесь библиотекарем. Увлеклась рассказами о добыче алмазов. Захотелось узнать больше, и она находила, изучала материалы, связанные с алмазами. И пришел острый интерес к истории края. Затем, работая в библиотеке, Галина Викторовна начала собирать экспонаты для музея, который затем назвали – Историко-краеведческий центр «Малая Родина».

Нам очень понравилась экскурсия по музею. Галина Викторовна, увлечено рассказывала о каждом экспонате. Меня привлекли бивень и зуб мамонта, найденные в соседнем поселке Верхняя Косья. Поразила атмосфера доверия: в отличие от городских музеев, где строго следят за тем, чтоб посетители не прикасались к экспонатам, в Промыслах не только разрешают, но и предлагают потрогать, а то и подержать заинтересовавший экспонат. Однако начало экскурсии пришлось проводить на улице. Встретив нас, Галина Викторовна предложила:

– Давайте пойдем на улицу, там теплее. Начнем с обзорной экскурсии по поселку. Большую часть расскажу на улице, а закончим уже в музее, чтоб вы не замерзли...

Действительно на улице было теплее. В библиотеке отключены

электричество и отопление, за долги. В здании холодно и сыро. В таком микроклимате книги и экспонаты музея разрушаются. Да и посетители надолго не задерживаются. Работать в таких условиях невозможно, а Галина Викторовна работает.

– А как же зимой? – спросил кто-то из нас.

– А зимой я работаю «надомницей», – с грустной улыбкой сказала Галина Викторовна. Соберется кто-то в библиотеку, сначала звонит или заходит ко мне домой. Идем, открываем холодный дом, меняем книги...

– Так надо жаловаться, писать начальству, – завозмущались мы.

– Обращалась в Теплогорскую администрацию с просьбой подключить отопление и электричество. А в ответ услышала, что выгоднее просто закрыть библиотеку, чем оплатить долг коммунальщикам. Подразумевается: радуйся, что еще не закрыли.

По словам Галины Викторовны – питейных заведений – кафе в Промыслах открылось уже 3, и молодежь стала предпочитать их, клубу и библиотеке. В кафе, в отличие от библиотеки, тепло и светло, а их открытие, безусловно более выгодно для администрации, ведь заведения сами себя окупают. А то, что альтернативой культурного просвещения населения, стал праздный досуг с употреблением алкоголя, что ведет к постепенной деградации личности, а в целом – к деградации поколений, абсолютно не беспокоит представителей местной администрации. Принцип – после нас хоть потоп – очевидно, берется за основу и в районной, и в областной администрациях, так как поддержка культуры от них нулевая. Стараясь хоть как-то поддержать, помочь музею, мы, после поездки, написали коллективное письмо в районную газету «Новости». Письмо очень долго не публиковали, но после декабрьских выборов, в выпуске от 8 декабря 2011 года, оно наконец-то появилось.

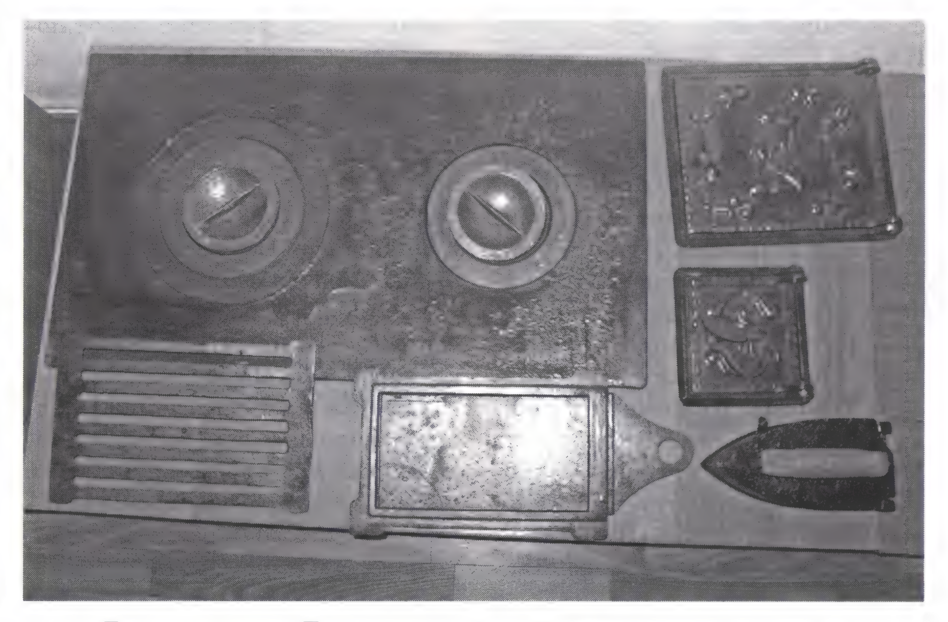
На окраине поселка Промысла, стоит памятник – валун, на том месте, где был найден первый алмаз. Чуть дальше в лесу, находится «Алмазный ключик» – источник чистой холодной воды. Вода в нем холодная, даже летом, а название «Алмазный» дано ключику не только потому, что рядом находили алмазы, но и потому, что вода в нем чистая и прозрачная, как алмаз. И очень вкусная – мы все ее пили с удовольствием! К сожалению, перед нашим приездом, металлическую трубу, по которой течет вода из ключика, выкорчевав, украли, очевидно, для сдачи в пункт приема металла.

В 6 километрах от поселка Промысла, находится поселок Теплая гора. В Теплой горе в 1884 году начал работать чугуноделательный завод графа Шувалова, давший жизнь поселку. Близ Теплой горы, сосновый бор. С территории поселка, открывается великолепный вид на Уральский хребет.

Конечно, нас интересовал краеведческий музей в поселке Теплая гора. Экскурсии, как правило, проводит сам основатель музея – Тимофей Николаевич Гимадудинов. Он с детских лет начал собирать для него материал, а интерес к краеведению пробудили уроки географии, а точнее – учитель географии, краевед и директор школы – Викторин Николаевич Ширинкин, который на уроках много рассказывал о красотах родного края и о любимых местах жителей поселка. Краеведение, создание музея стало главным делом всей жизни Тимофея Николаевича. Все было не так просто. Будучи секретарем парторганизации Теплогорского литейно-механического завода, Тимофей Николаевич в декабре 1984 года открывает краеведческий музей в клубе металлургов.

Трудовая судьба Тимофея Николаевича меняется: он преподает историю в Теплогорской средней школе. И закрывшийся в клубе музей, вновь открывается в 1995 году. Теперь в школе. Скольких увлек Тимофей Николаевич краеведением. Но когда ушел на пенсию, музей снова закрыли. Однако беспокойная натура краеведа дает музею третью жизнь: 18 декабря 2004 года его открывают в новом здании культурно-спортивного комплекса «Литейщик». Открытие было приурочено к 120-летию Теплогорского литейно-механического завода.

Тимофей Николаевич проводит 18 различных по тематике экскурсий. Он, автор книг: «Рабочий поселок», «Теплогорская завязь», «Они сражались за Родину», «Футбол», «Родословие». Его сочинения входят в сборник стихов нескольких авторов «Теплые слова о Теплой горе». Он принимал участие в создании книги «Молодость древнего края», изданной к юбилею Горнозаводского района. И на протяжении 25 лет, Тимофей Никола-

Литье – изделия Теплогорского литейно-механического завода.

Промысловский музей и библиотека.

евич сотрудничает с районной газетой «Ленинец».

В культурно-спортивном комплексе (КСК) «Литейщик», чистом, уютном, красивом нас гостеприимно встретили. Показали библиотеку – не каждый поселок может похвастать таким книжным фондом, помещением для культурно-массовых мероприятий.

Но больше всего запомнилась экскурсия в музей. Некоторые экспонаты уникальны и украсили бы экспозиции музеев регионального и федерального уровней.

А я с особым волнением ходила по музею. Ведь здесь находилась фотография моего деда – Петра Ильича Гусева, погибшего на Великой Отечественной войне. Я решила в память о нем передать в музей еще и «похоронку», которую хранил мой отец Николай Петрович Гусев. Ведь именно здесь в музее оживает память. Придет человек, увидит документ, фотографию деда, прочитает его имя – значит помянет. Ведь прошлое живо, пока его помнят.

И Тимофей Николаевич Гимадудинов, и Галина Викторовна Мельникова ведут огромную просветительскую работу. Для жителей Теплой горы КСК «Литейщик» – это и тематические вечера, и заседания клуба «Эрудит», и спортивные тренировки и соревнования. Кстати сказать, местные спортсмены – неоднократные победители соревнований, в том числе областных... Для теплогорцев – это, единственное место коллективного общения, центр активной общественной жизни, сердце поселкового «организма». Поэтому известие о возможном закрытии библиотеки и музея нас огорчило и возмутило. Культурно-спортивный комплекс «Литейщик», принадлежит Теплогорскому литейно-механическому заводу, но завод – объявив банкротом, закрыли в 2010 году. Выставили на торги, как и все принадлежавшие заводу объекты. Когда-то при успешно работающем заводе, процветал и поселок, жизнь, как говориться, била ключом. Завод, переживший экономический кризис и депрессию рубежа XIX – XX веков, не сбавляя темпов работающий в тяжелые годы Великой Отечественной войны, не смог преодолеть рубеж XX – XXI веков. Постепенно начали закрываться предприятия поселка, завод хоть и сбавлял обороты, но работал. И это хоть немного поддерживало местных жителей. После закрытия завода, люди стали уезжать в другие населенные пункты, где есть возможность трудоустройства.

Возвращались мы из поездки переполненные впечатлениями и самыми разными мыслями. Было щемящее чувство боли в душе. Боли от того, что из-за материальных выгод так хладнокровно разрушают духовные ценности. И люди, борющиеся за сохранение культурного наследия бесправны перед этим произволом. Мы это видели, мы это чувствовали. Можно ли музей, библиотеку или клуб заменить питейными заведениями или торговыми точками? А именно это происходит в Пермской глубинке – идет уничтожение культурных ценностей, и как следствие – деградация населения. А ведь глава Пермского края позиционирует Пермь как столицу культурного края. Культурного края – значит не только городов, но и деревень, рабочих поселков...

Остались и радостные чувства от того, что удалось так много увидеть и познать, пообщаться с приятными людьми. Люди в глубинке добрее и проще, искренне рады гостям, вода и воздух чище, а природа первозданна. Трудно выразить словами переполняющее чувство благодарности Тимофею Николаевичу и Галине Викторовне от посещения их музеев, от увлекательных рассказов о каждом экспонате. Огромное им спасибо за энтузиазм и бескорыстие, за то, что несмотря на многочисленные бюрократические препоны, их музеи есть и они открыты. Не требуя почестей и наград, они создали хранилища культуры, просто сделав это смыслом своей жизни. Как хорошо, что есть еще на Руси такие «кладези» нации ведь в них сила России.

Примечания:

1. Гимадудинов Т.Н. «Рабочий поселок». Горнозаводск: МУ ЦБС, 2003. 106 с.

2. Рундквист Николай «Весь Урал». Екатеринбург, 2009. 144 с.

3. Софонов Леонид «Молодость древнего края – очерки истории Горнозаводского района». Екатеринбург, 2001. 80 с.

4. Газета «Новости» http:/ www.gornnosti.ru

5. Администрация города Перми. «Город Пермь: век XVII – век XXI».

6. Уральская историческая энциклопедия.

СОЛНЦЕ НАД СТЕПЬЮ

Маленькому городу,
из которого мы создавали
большой город.

Владимир КРАЮШКИН,

г. Екатеринбург.

Голая оренбургская степь уже с утра начинала зажаривать солнцем, которое не плавало ярким желтком в безоблачном небе, а расползалось в белое пылающее пламя, совсем не дающее тени в туманном мареве, охватывающем со всех сторон.

Даже землекопы, бригада которых подчищала глубокую траншею, не чувствовали прохлады на ее дне. Вчера бульдозер прошел по трассе до нужной отметки, выгреб основные массы земли и ушел к следующему пикету. И теперь рыхлый глинисто-песчаный грунт, отбрасываемый широкими совковыми лопатами, на лету превращался в сухой песок, половина которого летела обратно, по пути прилипая к могучим потным торсам рабочих.

Семь здоровых парней, семь землекопов бригады Дузмагамбетова готовят ровное земляное ложе для укладки бетонной постели. На нее установят бетонные короба, а в них поставят кубики-опоры, на которые лягут две нитки мощных труб теплотрассы ТЭЦ – город.

К осени степной город должен получить тепло. Вон, небольшая часть этих труб от ТЭЦ уже уложена. Там работают сварщики, за ними идут изолировщики. Потом всё это опробуют, проверят работу задвижек, опрессуют, закроют такими же коробами сверху и засыплют землей.

А сейчас нужно сдать очередной участок ложа и двигаться дальше.

Только нового прораба на трассе сегодня пока нет. Главный инженер Маркелов сказал, что он – мужик толковый, но трудно ему – молодой, студент-практикант, а дел много по согласованию с субподрядчиками в городе. Да и, наверное, неопытный еще...

До него был пожилой толстый Гавриш – того на место не дозовешься – без машины не поеду, и всё тут! А найди его на трассе, побегай за ним – ничего себе, трасса-то почти пять километров. А он сидит где-нибудь на дне в траншее на повороте, цигарку дымит:

– А что там за вопрос, что у вас случилось? Ну, сходи к бетонщикам. Если бетон привезли, пусть самосвал сюда подкинут, съезжу в вашу бригаду.

Вот и жди его.

А этот молодой, длинноногий, если здесь вопросов нет – он дальше помчится. Только и видно: постоял, в траншею спустился, вылез, и опять – вперед. И далеко приметно – черные сапоги в пыли, белый костюм (китель нараспашку, под ним майка) и фуражка белая. Через плечо – сумка полевая. За день всю теплотрассу десяток раз пройдет. Это километров сорок – верняком! А еще иногда с собой надо нивелир притащить, чтобы ложе проверить.

Дузмагамбетов (ребята его сокращенно, но уважительно зовут Дуз) дает команду перекусить. Какой в степи обед в такую жару? Полбулки хлеба, кусок колбасы твердой (это у общежитских) или курицы вареной (это у домашних) и пол-арбуза. Тут же рядом они, в авоське, чуть подальше лежат, в газету завернутые, закрытые своей собственной гимнастеркой, чтобы песок не попал, дожидаются своей участи. Заодно – последние новости: бригадиру каменщиков, которые сейчас возводят тридцать седьмой дом на повороте по улице Советской, Васе Калинину орден

дали. Ни много ни мало – Трудового Знамени. Молодец Вася!

– Дуз, а тебе когда орден дадут?

– Чиво спрашиваишь? Работай лучши. А то пива много пьешь, утром работать тяжело. – Дуз знал увлечения своих рабочих. Да и чем было заняться вечером в этом крохотном городке? Кино под открытым небом и отличный пивной бар, выстроенный еще пленными немцами, в парке, где молодые деревья были чуть выше посетителей.

– Так я же не про себя, я про тебя спрашиваю.

– Калинин почиму орден дали? Бригадир, двадцать семь чилавек, все хорошо работают. А Дузмагамбетов чиво – семь чилавек, а Васька Никонов пиво в парке пьет хорошо, работать на трассе хорошо не можит. Какой орден?

– Но мы же на трассе впереди всех. Вон и вымпел – у нас!

– Это всё – пока. Знаишь, какие участки работать придется впереди? Нет, ни знаишь! Шестая ниша компенсаторная и вон там проход под железный дорога. Вот новый прораб придет – все расскажет. Там пива много пить не будишь, там вкалывать надо! Понял?

– Понял, чего уж не понять. – Никонов потянулся, расправил свои мощные, накачанные лопатой плечи. Красивое мускулистое тело бывшего десантника, чуть припорошенное песком, золотилось ровным загаром, только на правом плече и чуть ниже правой лопатки были два рваных шрама. Ребята знали – Василий воевал в Дунайской флотилии и «отметился» в Румынии и Венгрии.

Перекусив и чуть отдохнув, запили еду из ведра, набранного из водоколонки у последнего дома на Советской тем же Никоновым, аккуратно накрыли ведро его же гимнастеркой (не дай бог, песок наберется), чуток полежали на откосе и снова взялись за отглаженные собственными ладонями черенки лопат.

***

Диме Короткову повезло с практикой. До института он окончил строительный техникум с отличием и поступил на стройфак без экзаменов. В это время в строительном тресте, где работал отец, произошла реорганизация. Отец уехал в Оренбуржье создавать новое большое спецуправление для сооружения значительного металлургического комбината и возведения крупного города на месте крохотного городка. Как только он получил там жилье, к нему уехала мать.

В квартире, где остались Дима с братом, поселилась тетя Аня, сестра матери. Она работала в том же тресте, где и отец, и считала себя второй величиной по должности после управляющего, поскольку исполняла должность инспектора отдела кадров. Тетка сразу взяла на себя надзорные функции, поэтому братья-погодки ее невзлюбили и всячески игнорировали ее указания по соблюдению бытовой дисциплины. Не маленькие ведь...

Дима продолжал учиться с интересом, легко, а когда подошло время практики, в списке мест он увидел город, куда недавно уехал отец, назначенный главным инженером спецуправления. Конечно, он сразу записался туда, хотя место практики было подозрительно неинтересным – ЖСУ-1. Поэтому никто со всего курса работать в жилстройуправлении не пожелал. Борька Малашкин решил, что в ЖСУ денег не заработаешь, а ему семью кормить надо, и даже Люська, сколько он ее не уговаривал... Она уехала в Тагилстрой.

Ну, что же, значит, будем переписываться... Он дал им адрес отцовской квартиры.

Отец написал ему, что жилищно-строительное управление № 1 имеет пропасть интересных объектов, где нужны новые технические решения, и есть над чем поломать голову. А с начальником управления Путинцевым они вместе учились на курсах повышения квалификации в Москве, так что договорятся, и хороший объект для самостоятельной работы будет.

***

Поезд шел ровно сутки, останавливаясь для обеда на вокзалах больших станций. На небольших остановках предлагали овощи, молоко, фрукты и кумыс. Кумыс он попробовал впервые в жизни. Какой-то татарин или казах наливал прямо из бурдюка. Ничего, понравилось, ядреный...

Отец встретил на вокзале соседнего города, как всегда, слегка подшучивая. До дому доехали, как показалось, за несколько минут.

Мать встретила своего младшенького радостно, наварила и напекла столько, что потом всем хватило на неделю. Отец посмеивался:

– Меня одного она так не кормила.

После «откорма» и «отсыпа» сына, отец, появившись с работы, поинтересовался:

– Ну, строитель, а как ты думаешь экипироваться на стройплощадке?

Сын вспомнил, что последний раз встречал это слово – экипировка – у Дюма в «Трех мушкетерах», и пожал плечами:

– Не знаю... Не думал еще...

– Вот то-то, что не думал. Знаешь, какой главный дефект в экипировке у мастеров и прорабов?

Дима молчал, не понимая вопроса.

– Эх, ты... Обстановку надо уметь оценивать. Главное дело – портянки.

– Хо! Это почему? – удивился сын.

Тут в разговор вмешалась мать.

– Так ты в чем по площадке ходить собрался, сынок? В полуботиночках, что ли?

– Конечно, – не совсем уверенно ответил он.

– Так ведь здесь дело особое – степь, песок. А от песка носочки через три-четыре дня до дыр выносишь, а пяточки с подошвами натрешь – через неделю огнем гореть будут. Полуботиночкам срок – месяц, другой, а сам хромать долго будешь. Зачем это тебе? Строители здесь иначе, чем в сапогах не ходят.

– Мама правильно говорит, – добавил отец. – Не первый год на стройке.

Оба они переглянулись и улыбнулись друг другу.

– В общем, принимай пакет. Ограбил я склад в управлении, – подтрунивая, произнес глава семьи.

А затем начал доставать из огромного мешка, который притащил из коридора, сапоги, несколько

комплектов разноцветных портянок, два белых костюма, полевую сумку не военного образца, а покрупнее, рулетку и кое-что еще по мелочи.

Мама сказала:

– Давайте, я тут, что надо, замочу да простирну и на балкон повешу, а вы перекусите пока и отдохните немножко. Радио вон послушайте, или в шахматы сыграйте. Давно ведь не играли, соскучились, поди. А к ночи оно и подсохнет, как раз влажное и для глажения удобное будет, и примерить будет хорошо.

Сказано – сделано. Перекусили и уселись в трусах на диване за черно-белой доской.

На первой же партии отец жестоко наказал Диму, когда он, погнавшись за пешкой, потерял время на необходимую рокировку и не успел вывести короля из-под удара. Вторая, сколько отец не тер ладошкой свою бритую голову, достойно закончилась вничью.

Было жарко, и даже открытый балкон не помогал. Решили сделать перерыв и выпить зеленого чайку. Но сначала помогли маме развесить «тряпки» на балконе.

За чаем отец спросил:

– Кто у вас из старых, из именитых преподает?

Но тех профессоров, которые вели основные предметы по конструкциям и технологии производства, он не знал. Краем уха слышал о преподавателе стройматериалов. Но когда услышал о доценте, преподающем геодезию, заулыбался.

– Жив, значит, наш белогвардеец. Это хорошо!

– Пап, почему это он вдруг – белогвардеец? И почему ваш? – недоуменно осведомился младший.

– А ты Арсеньева читал?

Сразу на ум ничего похожего не приходило. Он задумался и протянул:

– Н-нет, па-а, что-то не припомню...

– Это ты «Дерсу Узала» не припомнишь, Арсеньева, Владимира Клавдиевича?

– Ой, ну как же! Просто автора забыл, он такой какой-то, не очень запоминающийся. А причем тут...

– Вот именно, причем? Когда Арсеньев бродил по Дальнему Востоку, ему нужен был хороший геодезист, это, по-моему, вполне понятно. А, поскольку его отряд действовал в районе Сихотэ-Алиня, вдоль китайской границы, то правительство, естественно, царское правительство, выделило ему офицера-геодезиста, окончившего Академию Генштаба. Если внимательно читать книги Арсеньева, то, кроме поэтического описания тайги и приключений в ней, среди всех мужественных людей можно встретить офицера по имени Николай Николаевич. Кстати сам Арсеньев был подполковником, и никто военных целей экспедиции особо не скрывал, хотя и не афишировал.

А в тридцатых годах, когда результаты экспедиции были обработаны, они были очень удачно использованы Блюхером в работах по обороне Дальневосточной республики. Помнишь такое событие?

Дима, жадно слушающий, молча кивнул. Отец продолжал:

– А потом, когда к этому руку приложил маршал Тухачевский, употребив их для всего Союза, участники экспедиции стали исчезать.

В тридцатом внезапно «от воспаления легких» скончался сам Арсеньев; потом взяли его жену, ее обвинили в шпионаже, и она умерла в лагерях; брат тоже исчез в каких-то зонах, не забыли даже дочь – она отбыла десять лет.

А молодой офицерик куда-то исчез. И что редко бывает у нас в стране – не нашли.

А он, как мне известно, работал геодезистом при строительстве БАМа, строили тогда такую длинную Байкало-Амурскую магистраль, железную дорогу, параллельную Транссибу, только выходила она к Тихому океану не у Владивостока, а к Сахалину. Сам понимаешь, на таком пространстве можно и потеряться. Или спрятаться... Смотря по желанию...

Димка залез на диван с ногами и слушал отца, чуть не раскрыв рот – мешало разве только внутреннее сознание будущей солидности: как-никак почти что руководитель какого-то (он еще не знал, какого) объекта. Не выдержал, спросил:

– Ты-то откуда это все знаешь?

– Ну, во-первых, я жил в эти годы, и я знаю, как люди прятались, чтобы их не взяли. Во-вторых, я с ним познакомился чуть позже, после войны и при любопытнейших обстоятельствах. В-третьих, потом пришлось даже поработать вместе.

– Вместе? Это как? – подпрыгнул на диване Дима.

– Вот я тебе и рассказываю. Не торопи события, сын, – ответил отец и, прихлебывая остывающий чай, продолжил рассказ. – Когда началась война, и немцы подошли к Волге, можно было ожидать прорыва через Волгу в любом месте. Все решала скорость передислокации и сосредоточения войск и их снабжения в одном, пока неизвестном месте на Волге. Понимаешь?

Какой-то умный человек, видимо в нашем Генштабе, подал идею создания рокадной дороги, то есть, дороги вдоль фронта, а в то время фронтом, считай, и была вся Волга. Нужно было срочно проложить дорогу, если не по всей длине, то, как минимум, от Куйбышева до Сталинграда.

Ничего себе задача? Где в разгар войны, да какой войны! – почти что проигрываемой, – взять тысячи километров рельсов, шпалы под них, щебеночную подушку, крепеж и все остальное. А рабочих в тылу, чтобы это все изготовить – нет, они же на фронте. А рабочих на фронте, ну да, Волга – это уже фронт, их тоже нет, построить рокаду некому. И находятся умные люди, которые говорят: «Срочно разобрать ненужный сегодня стране БАМ руками строящих его рабочих, погрузить плетьми, звеньями на платформы, щебень – в вагоны, и – к Волге. Там это все во сто крат нужнее». И в короткий срок была готова рокада. Построили. Насколько я помню, тогда в стране появился самый молодой генерал. В инженерно-строительных войсках – генерал-майор Кондрашов, лет двадцати девяти от роду. А рабочую силу – кто к армейской службе пригоден, тех взяли в армию, а кто не пригоден – распустили без трудоустройства, выдав справку и благодарность Верховного Главнокомандующего. Думаю, что без этой дороги Сталинград не выстоял бы, несмотря на весь героизм советского солдата.

– Па-а, но тут ведь кое-что, мягко говоря, не должно было разглашаться, а как это до тебя дошло? – съехидничал заслушавшийся было сын.

– Ну, ты, Дим, забыл, что я, все-таки, в спецстроительном управлении работаю, а, кроме того, я еще и с прямым участником общался.

– Это ка-ак? – вытянул физиономию сын.

– А вот так. Пришлось встретиться. Где-то году в сорок третьем, я тогда был начальником отдела труда в тресте, а заодно и секретарем парторганизации, и вызывает меня управляющий наш, Николай Иванович, и говорит так, со смешком:

– Слушай, Коротков, ты у нас партийный руководитель. Как ты думаешь, стоит нам белогвардейца на службу брать или не стоит?

Я спрашиваю:

– Где это вы такого откопали?

Управляющий хохочет:

– Да не я это, а свояченица твоя любезная с начальником своим.

– Откуда? Из-за рубежа, что ли?

– Да нет, у нас в СССР, спустя четверть века после Октябрьской революции.

– Сидел за что-нибудь?

– Хуже. С благодарностью Верховного Главнокомандующего.

– Нет, Николай Иваныч, я в загадки не играю. Документы покажите.

– В кадрах они. Сейчас принесут.

Позвонил. Приходит кадровик, приносит листок по учету кадров. У нашего кадровика и так лицо было от природы красное. А тут, чувствую, взорваться готов.

А там написано – выпускник Академии Генштаба Его Величества, служил офицером царской армии.

Трудился на больших работах по перемещению огромных земляных масс, решал сложнейшие геодезические задачи. Чего надо-то? Наш профиль!

– А в чем дело?

Кадровик шипит, как утюг, на который водой брызнули:

– Вы что, не видите, что ли? При таких кадрах нас всех завтра за задницу возьмут!

– Слушайте, – спрашиваю его, – а какую Академию он мог закончить в 1909 году? Имени Фрунзе, что ли? Или вы думаете, что до Октябрьской революции из той Академии выпускали офицеров Красной армии? А то, что у человека благодарность Верховного Главнокомандующего, самого товарища Сталина, вам ни о чем не говорит? Николай Иванович, а я в церковно-приходской школе учился, так сажайте меня рядом с ним!

Вот так, между собой и прозвали его – «наш белогвардеец».

Взяли его в Первоуральское управление. Сначала, на пробу, начальником участка. Поморщился, но пошел. Года через полтора работал уже главным инженером управления.

Но что-то у него не шло с механизаторами. Нашли они у него слабинку и стали дурить: не хочет работать экскаваторщик – найдет причину, встанет и ковыряется в машине. А Николай Николаевич ходит вокруг, понимает, что хитрит человек, а тот ему – семь верст до небес, и все лесом. Не выдержал главный инженер, сам у себя в управлении механизации походил на курсы экскаваторщиков, потом взял отпуск и пошел к себе же в управление на месяц на работу помощником экскаваторщика: всю машину изучил, все поломки разобрал, за все рычаги подержался.

После этого кончились все простои: чуть у экскаваторщика закавыка – подъезжает главный инженер: ты что, брат, ерундой занимаешься, простой-то по твоей вине, механизм в порядке. Люди его зауважали пуще прежнего. А лет через семь или восемь «наш белогвардеец» защитил диссертацию и ушел преподавать. Так что ему есть чему вас, сопляков, учить!

– А ты знаешь, па, у него одна интересная поговорочка есть. Если на лекции шумно, не слушают, делают что-нибудь не так, он постучит указкой по столу и говорит: «Вы же люди взрослые. Ну, почему я вас должен убеждать: деточка, не целуй самовар, у него теплопроводность большая!».

– Ага, остроумно.

Мама вмешалась:

– Мужички, я уже портянки выгладила. Примеряйте сапоги, а я костюмы поглажу, пока не засохли.

– Портянки мотать умеешь? – лукаво прищурив глаз, спросил отец.

– Ну, ты какой... прямо... что мы с тобой, по лесу никогда не бродили, что ли? – прикинулся обиженным Дима.

– А я подумал: вдруг забыл, – засмеялся тот. – Ну-ка, встань, встань, ногами потопай. Ага. Теперь пройдись. Как ногам-то, уютно?

– Нормально, пап. В самый раз. Хорошие сапоги. Юфтевые?

– Не кирзовые же. Юфтевые. Завтра почистить не забудь. И вообще, запомни – они уход любят.

– Э-эй, мужики, вы особо-то не гремите. Уже ночь. Люди внизу спят, а вы растопались. Примеряйте спецодежду свою и спать собирайтесь.

***

Родителям не терпелось, конечно, похвастаться сыном-студентом. По этому поводу отец позвал в гости своих сослуживцев, а мать наготовила всякой стряпни. Пришли начальник спецуправления Евгений Игнатьевич Попкович с женой Анной Антоновной. Дима раньше видел его: когда отца «сватали» к нему главным инженером, он приезжал к ним, гостил вечерком, и даже после «гощения» родители не пустили его в гостиницу, и он ночевал у них. Пришел главный бухгалтер Николай Александрович Аршинов со своей Анной Александровной – оба крупные, еле входящие в дверь, говорящие громким голосом люди.

Анна Вениаминовна Тиро – губки бантиком – начальник планового отдела, напротив, щебетала веселым тоненьким голосом, почему-то рассыпая комплименты виновнику торжества, не сомневаясь в том, что он и симпатичненький (на чей вкус?), и умненький (как она успела определить за пять-десять минут?), и «безусловно одаренный» мальчик (вот уж это-то откуда?). Димке вспомнился Буратино в компании лисы Алисы и кота Базилио.

Еще и посмеялись – общество трех Анн: Анна Тиро – А просто, Анна Антоновна – А в квадрате, а Анна Александровна Аршинова – та уж А в кубе.

Когда гости посидели, поели и попили, им захотелось пойти прогуляться в парк (перейти Советскую наискосок). Дима не захотел составлять им компанию, что, впрочем, их не особо и огорчило. Тем более, надо было на письма отвечать и Борьке, и Люське.

***

В ЖСУ-1 Дима пришел в полной «экипировке», как и договаривались, после окончания работы и долго сидел на лавке в приемной.

Пухлый и улыбчивый Василий Яковлевич появился в своем кабинете поздно вечером. Махнул рукой: заходи, мол. Прежде всего, он хлебнул из горла полбутылки минеральной воды, фыркая, вымыл лицо над умывальником в углу, вытер его серым вафельным полотенцем, сел за стол, шумно вздохнул и уставился на Диму.

– Ишь ты, какой у Сергей Иваныча сын. Ну, тощий, понятно – и отец худой, и мать не шибко-то дородная. А ростом в кого? Те вроде оба невелики, а этот, глянь, вымахал. Не то, что против отца с матерью, так и против фамилии насовсем. А лет-то тебе сколько будет?

Он заулыбался, довольный тем, что так сострил, и приготовился слушать.

– Недавно двадцать исполнилось, Василий Яковлевич.

– Ха, взрослый человек! И что ты в строительстве понимаешь?

– Так я же еще и техникум закончил.

– Вот как? Готовый специалист, значит? – Доброе и улыбчиво-насмешливое выражение лица начальника управления сменилось явной заинтересованностью. – Самостоятельно работать можешь?

– За этим я и приехал. Так просто шляться не хочу. Хочу, чтобы в штаты зачислили, пусть, хотя бы даже и временно, и работать, как человек.

Тут Дима чуть-чуть дрогнул в душе – а не переборщил ли он, не наглость ли это с его стороны?

– Так ты думаешь, что мне есть резон брать тебя на работу на два месяца? – Путинцев усмехнулся. – Неделю ты будешь чертежи изучать, неделю с объектом знакомиться, неделю – с людьми, чуть поработаешь и уже – неделю – дела сдавать. Нет, брат Коротков, нет мне такого резона. Даже при том, что в штатах у меня сплошные дыры, а на должностях мастеров сидят люди с начальным образованием. Но они сидят годами! Если бы ты ко мне насовсем пришел, я бы тебя сейчас начальником участка, старшим прорабом поставил – и доучивайся заочно – понял!

В голосе начальника послышался начальственный басок, и вся эта улыбчивость куда-то испарилась. Он помолчал, потер ладонью лоб, устало посмотрел на молодого собеседника и, навалившись животом на стол, спросил:

– Ну, что будем делать?

Дима посмотрел на усталого человека, на начинающиеся сумерки за окном, прислушался к шуму работы бетонорастворного узла во дворе управления и сказал то, к чему, собственно, и стремился, для чего и шел сюда:

– Василий Яковлевич, давайте объект потруднее, а я месяца четыре, а может, и пять поработаю. В смысле – практика плюс каникулы. Годится?

– Слова не мальчика, но мужа. Ладно. Тебя отец ждет. Меня мать ждет. Пора расходиться.

– Как это вас мать ждет? А семья? – вырвалось у Димы от любопытства.

– Тю-ю. Только похвалил, а он молокососом оказался. В моем возрасте мать – это та, с которой спишь, которая кормит и которая дома ждет.

Путинцев набросил на большую голову маленькую кепочку, позвенел ключами, закрывая дверь, и сказал:

– Завтра придешь в половине восьмого к главному инженеру Маркелову Петру Иванычу, – ткнул рукой по направлению к двери напротив, – он будет в курсе, я с ним вечером переговорю. Объект, может и не самый трудный, но длинный и нудный, а главное – кровь из носу – сдаточный. Называется – теплотрасса, и ты на нем – прорабом. Приказ оформлять поручу Маркелову.

Ну, будь здоров. Сергей Иванычу – привет, Зинаиде Петровне – поклон.

И он протянул пухлую, но крепкую руку.

***

Ходу от дома до стройуправления – несколько минут. И то – и другое – на улице Советской, только в соседних кварталах и на разных сторонах: четырехэтажный дом, где живут Коротковы – на выстроенной стороне, а управление – на еще строящейся, сразу за парком, где бетонорастворный узел. Поэтому утром Дима пришел пораньше.

Главный инженер управления явился намного ранее. С большой залысиной и тщательно зачесанными назад остатками черных блестящих волос и густыми черными бровями над худощавым лицом, на котором выделялся небольшой острый носик, аккуратный, как и весь его хозяин. Он уже рассматривал основные чертежи теплотрассы, когда посетитель постучал в его приоткрытую дверь.

– Здравствуйте, Петр Иванович! Я – Коротков.

– А-а, новый прораб. Доброе утро. Присаживайтесь. Василий Яковлевич просил меня ознакомить вас с чертежами, но я думаю, это вы сделаете сами. Тут у вас вопросов возникнуть не должно. Просто всё. Ну, если что – спросите. И с объектом сами познакомитесь: прямо в ту сторону до конца Советской. Там начинается широкая траншея, через нее временный переезд. Это городской конец теплотрассы. С этой стороны еще конь не валялся. По ней прямо – и до ТЭЦ. По чертежам это где-то четыре тысячи восемьсот пятьдесят три метра, грубо – четыре с половиной километра... или пять, если хотите.

Сооружение невесть какое: траншея, в ней железобетонный короб, в нем две, местами – три трубы, там, где есть резервная.

Понимаете, там прорабом был Гавриш, но человек он пожилой, у

него поджелудочная шалит, а жена – врач. Словом – то обострение, то бюллетень, а тут путевка подвернулась, пришлось отпустить. Такой объект, а поставить некого. И сроки жмут. Так что – не подведите. Учтите – единственная городская котельная дышит на ладан и такого объема, который вырос за год, просто не выдержит. Отступать некуда.

Вот эта толстая и тяжелая папка – это общие чертежи. Вот эти две папки поменьше – самое сложное дело. Тут мы с вами должны пару вечеров посидеть и разобраться. Можем даже в один вечер уложиться. У вас есть время, скажем, завтра вечером?

– Конечно. – Дима быстро кивнул головой. – Конечно, Петр Иванович, это не вопрос.

– Ну и чудно. А с остальным поступим так. Вы пройдите прямо на объект. Бригадир Дузмагамбетов уже предупрежден о том, что вы придете. Найти их просто – это там, где стоит зеленый вагончик-прорабка. Ключи у него.

Днем туда приедет коновозчик Зерин. Он привезет вот эту документацию (указал на толстенную папку – килограмма на два, если не три) и мешки брезентовые для шестой компенсаторной ниши.

Дима удивленно поднял брови.

– Ну, не удивляйтесь, пожалуйста. Это разговор особый. Мы его с вами договорились перенести на завтра. Не так ли? И вот по этой отдельной папочке тоже завтра поговорим. Хорошо? Вопросы есть? Тогда рекомендую дойти до теплотрассы, познакомиться с бригадой Дуза, осмотреться в прорабке, пройти по всему объекту, я имею в виду – до ТЭЦ, чтобы представить объем работ до отопительного сезона. А когда приедет Зерин – посмотрите, что куда надо перевезти. Он еще, может быть, привезет десяток длинномерных шпал для крепления откосов траншеи, несколько брезентовых мешков и рукавиц для траншеи и будет вас ждать. Он вообще закреплен за трассой.

Нет вопросов? Тогда – вперед, и с песней! До завтра!

Маркелов бодро сунул твердую и почему-то холодную руку и повернулся к шкафу с бумагами.

Ну, что же, прием окончен. Теперь ноги – в руки и – вперед!

***

Он шел по Советской улице, миновал свой зеленый четырехэтажный дом, дошел до тридцать седьмого дома, где бригада Васи Калинина начинала последний, пятый этаж. Большой дом состоял из трех секций, которые дугообразно поворачивали Советскую, направляя ее на Привокзальную площадь. На площади еще не было вокзала, только фундамент гостиницы, недавно заложенный, ждал своих каменщиков. Вероятно, это будут те же калининцы.

А вдалеке сизо-ржавым светом отливали две пары рельсов, по которым только в этом году пошел поезд. Пока здесь не было станции, и он ходил, не останавливаясь.

Рядом с запроектированным, но пока несуществующим вокзалом, возле фундаментов какого-то дома творилось еще одно новое чудо: там на двух звеньях уложенных рельсов управление механизации начинало сборку первого в городе башенного крана. Возле первой поставленной на колесную тележку вертикальной секции стояло около десятка зевак.

Но Коротков миновал Привокзальную площадь напрямую, не заворачивая к механикам, монтирующим кран. Дальше по Советской было всего три-четыре дома, и город кончался. А на другой стороне улицы ставили забор ограждения для возведения нового квартала жилых домов.

У последнего дома на улице Советской он увидел то, что тоже показалось чудом. Это была лужа! Да, да, небольшая, но действительно – лужа. Она стояла возле странного сооружения, непонятно зачем оставшегося от старых времен, называемого водоразборной колонкой, которое, видимо, работало до сих пор, потому что слегка подтекало, почему и получалась эта самая лужа. Колонка стояла за углом дома, ее не было видно, а лужа была на виду, она вытекала почти на дорогу и здесь высыхала и испарялась, но в условиях умирающего от жары города эта лужа – вода на дороге – казалась невероятной.

В нескольких шагах от лужи шел широкий спуск в не менее широкую траншею, уходящую вдаль. Поперек траншеи был устроен мощный переезд из бревен, окаймленных швеллерами, с хорошими перилами по бокам. А по краям откосов в художественном беспорядке лежали трубы (он прикинул – наверное, полутораметрового диаметра), железобетонные короба, опоры в виде железобетонных кубиков, рулоны тонкой металлической сетки.

Большой диаметр трубы напомнил ему: отец принес две рулетки – двухметровую и десятиметровую, а он их с собой не взял. Надо, решил он, чтобы десятиметровая лежала в прорабке, а двухметровая – с собой, в сумке.

Дима решил пойти по бровке теплотрассы, изредка, где можно, заглядывая или спускаясь в нее. Но все бровки траншеи были уработаны колесами машин и гусеницами настолько, что на обозримом пространстве не только зелени – не было даже остатков ковыля в виде перекати-поля, которые изредка можно еще было встретить в увядающей от солнца степи.

Тут он понял, насколько мама была права. Сапоги увязали в рыхлом, изъезженном песке иной раз аж по щиколотку. Хорош бы он был, если бы через каждые два-три шага вытряхивал песок из полуботинок.

Он спустился в траншею и побрел по ее дну. В первой же компенсаторной нише размерами прикидочно метров восемь на шесть он увидел обстоятельно использованный общественный сортир. Ну да, а что же делать людям в этой плоской равнине, освещаемой со всех сторон?

За поворотом он встретился с человеком, голым по пояс, бредущим ему навстречу. Не сказав друг другу ни слова, они прошли мимо. У обоих было ощущение, что они поменялись кабинкой в туалете.

Дальше несколько загорелых молодых мужиков в обнимку с лопатами лежали на песчаном откосе. Некоторые из них курили. Понятно, у людей перекур.

– Здравствуйте, ребята! – поздоровался Дима. – Бригада Дуза далеко от вас?

Один из лежавших, чуть приподняв голову, кивнул в противоположную сторону и сказал:

– Туда еще чуть больше километра – поперек железная дорога. Перевалите через нее и мимо шестой ниши пройдете, а там и они. От дороги лучше верхом идти, по этой стороне, по бровке. Там еще прорабка зеленая у них. Увидите.

– Понял. Спасибо.

И Коротков пошагал дальше.

***

Вообще-то оказалось, по дну ходить сподручнее – оно плотнее и ровнее, а по бровкам – как по снежным сугробам. Поэтому, когда новоявленный прораб уперся в полотно железной дороги, возвышающейся над ним метра на четыре с лишним, он несколько растерялся и не сразу заметил, что прошел на несколько шагов небольшую протоптанную по откосу наклонную ступенчатую тропку, ведущую вверх.

Чуть возвратившись и поднявшись, он увидел вдалеке зеленый выгоревший вагончик, который стоял... на другой стороне траншеи, и рабочих, копошившихся на этой стороне. Он пошел навстречу людям. По пути ему пришлось миновать совершенно разваленную часть противоположной стенки траншеи. Судя по всему, там както странно покрутился бульдозер. Именно, не копал, а покрутился, разворошил и уехал.

Он подошел к рабочим, которые тащили из штабеля шпалы по одной и спускали их по откосу вниз, в траншею. Там кто-то ловил их и, судя по крикам и глухим шлепкам, помогал им упасть без ущерба для ловящих. «Интересное занятие», – подумалось ему.

– Здравствуйте, ребята!

Работники остановились, утерли пот рукавицами, и стало ясно, что они очень похожи друг на друга.

Они враз, дуэтом, ответили:

– Здорово!

Снизу раздалось:

– Эй, ну чо вы там?

– Да человек здесь. («Человек» прозвучало как «чоловик») .

– Да пошлите его на...

– Да погоди ты, може он по делу.

– Хорошая встреча, – подумалось Диме. А вслух произнес:

– Это бригада Дузмагамбетова?

– Ага.

– А где он сам? (Глупо как. Как будто непонятно, что внизу).

– Да внизу. Вот туточки слазьте, – указал младший из рабочих.

Дима спустился вниз. Кто из присутствующих – Дузмагамбетов – можно было даже не указывать. Внизу стояло четыре ярко выраженных славянских лица и одно... Это было удивительное лицо. Если обычное типичное казахское лицо почти всегда кругловатое с заметно выступающими скулами, то это было худое ромбовидное лицо с узким лбом и выступающим вперед узким подбородком. Зато скулы выступали так, что если оттиск лица повернуть на девяносто градусов, вряд ли можно было заметить изменение. Размер скул был равен высоте лица. Окончательное впечатление довершали уши – не просто оттопыренные, но торчащие вперед.

– Здравствуйте. Я – Коротков.

– Здравствуй, дорогой, мине про тибе Путинцев говорил, Маркелов говорил. Давай отойдем маленько, пусть ребята работают.

Судя по всему, любой из бригадников годился Дузу в сыновья, а Коротков – тот, вообще, пожалуй, и во внуки.

Отошли. Шпалы со шлепанием снова поползли вниз.

– Ты меня просто Дуз зови, а то выговаривать трудно, – засмеялся Дуз. – А на ребят не обижайся – грубий они, дипломат академий не учились, только русский матерный немного знают. А те братья Долгий, наверху, те еще Украины язык мало-мало знают.

Идем в прорабку, там хоть солнца этого нету. Вот ключ у меня есть, я тебе его дам, у меня свой есть.

Они поднялись на противоположный откос, на краю которого как-то под углом к траншее стоял вагончик неопределенно-зеленого цвета, обласканный ветрами, солнцем и песком. Жаль, видимо, дожди обошли его стороной.

Как все подобные сооружения, он имел огромный висячий замок, который при желании можно было открыть гнутым гвоздем, только – кому он здесь нужен... К замку прилагалась скрипучая железная дверь, обитая снаружи обрезками половой доски. Внутри стоял колченогий и шатучий канцелярский стол, несколько стульев, какой-то желтый однодверный книжный шкаф без стекол, но с парой старых амбарных книг, и даже отопительный прибор, состоящий из асбестовой трубы, на которой намотана спираль, который активно пожирает кислород в замкнутом пространстве и носит у строителей имя «козел». Интересно, куда его здесь включать?

Одно из окон было забито фанерой. На стенке находилась укрепленная доска, на которой висели какие-то канцелярские бумаги. Рядом на гнутом гвозде располагался красный треугольный вымпел с обрамлением из золотистых кисточек. На полу в углу лежала геодезическая рейка, и стоял нивелир какой-то старой-старой модели – с перекладной трубой. Такими теперь на складах вместо молотка гвозди забивают.

Но что отметил глаз «нового хозяина» – в конторке было чисто – ни грязи, ни пыли, что означало только одно: ждали и подмели. Приятно...

– Вот, – сказал Дуз, кладя ключ от замка на стол, – ты хозяин теперь. Мы тебе много мешать не будем. Что нам делать, мы знаем. Я с Маркелов говорил. Тебе надо пройденный пикет сдать. А еще Петр Иваныч сказал, что трудно будет – это шестой ниша и дорога железный. Дорога железный я не знаю, а ниша – знаю. Там старый кладбище казахский, казахи помешать могут. Тогда ба-алшой шум будет.

– Я знаю, что трудно. Мы с Петром Ивановичем эти вопросы завтра вечером обсудим, уже договорились. Пикет заказчику сдадим, тут, я думаю, трудностей не будет. Там же одна прямая, даже поворотов никаких, и компенсаторных

нет. Людей там нет, никто не мешает. Это я завтра исполнительную схему составлю. Дашь кого-нибудь ненадолго рейку потаскать?

– Это просто. Как надо будет, так и возьмешь – Колю Долгого или Ваську Никонова.

– Ну, ладно.

Они вышли из вагончика и встали рядом. Поглядели друг на друга и улыбнулись. Почему-то подумалось: бывает же такое, когда видишь человека впервые, а, кажется, что знаешь давно-давно, и можно верить ему и знать, что он тебя не подведет.

Внизу, в траншее ребята укладывали шпалы наискосок, ромбом, скрепляя их тонкой доской. Песок осыпался, струясь, как вода, и замирал, не достигая дна.

Вдали показалась подвода. Двигаясь по бездорожью, чуть потряхиваясь на песчаных буграх, она росла в глазах, и уже можно было различить роспуск, черноту длинных шпал, сидящего на телеге сгорбленного возницу в брезентовом плаще с капюшоном (это в такую-то жару!) и такую же сгорбленную рыжую лошаденку с белой гривой.

– Вон Зерин едет. Еще шпалы везет. Хорошо, – сказал задумчиво Дуз и ловко спрыгнул с высокого откоса в траншею. Х-м, это в его-то годы...

Коротков пошел навстречу Зерину.

***

Небритый сутулый человек неопределенного возраста слез с телеги, прошел несколько шагов рядом с лошадью, невнятно сказал «Здравствуйте!» с каким-то неопределенным акцентом, отвязал роспуск, протянул телегу на несколько шагов вперед так, что шпалы легли на песок аккуратным штабелем. Братья Долгие перебежали с одной стороны траншеи на другую и помогли освободить роспуск от шпал. Они с грохотом упали, немного нарушив геометрию штабеля чуть-чуть развернутым веером.

– Молодцы, – подумал Дима, – так ловко не всякий может. Тут опыт нужен, привычка.

Зерин посмотрел на прорабку, открыты ли двери, сгреб в охапку целую кучу каких-то брезентовых мешков и потащил их туда. Там по-хозяйски разложив их на железный стол в углу (Дима его раньше и не заметил), вернулся за толстой папкой с чертежами и, положив их на стол перед прорабом, сказал:

– Вот. Накладная тут.

На стол легла бумажка в двух экземплярах под копирку с указанием количества привезенного имущества:

Шпалы ж/д. длинные б/у –

Мешки брезентовые прорезиненные –

Рукавицы брезентовые прорезиненные –

Передники клеенчатые –

Флажки ограждения –

Маски –

Сдал – Принял –

Словом, образец бюрократического искусства.

На бумажке, прикрепленной к толстенной папке, аккуратным красивым почерком было выведено:

т. Короткову.

Прошу просмотреть тех. документацию и завтра дать свои замечания по:

а) недостающей техдокументации,

б) организации работ,

в) 6-й комп. нише,

г) возможностям пересечения ж/д. нитки без остановки движения.

И аккуратная подпись П.Маркелов.

Вот так, Коротков, готовься. Завтра – разведка боем!

Он подписал накладную, копию отдал Зерину, который молча вышел, и окликнул Дуза. Ему он сказал, что пойдет, прогуляется до ТЭЦ и обратно. Если нужен Зерин, пусть его используют. Старый казах сказал, что нужно развезти шпалы вдоль по трассе.

***

Собственно, отсюда, почти с полпути ТЭЦ была уже видна, или, точнее, почти видна. На горизонте виднелись три палочки, три спички. Это были трубы. Возле них лепились какие-то спичечные коробки, но они были так малы и так плавали в этом мареве, то сливаясь с горизонтом, то выплывая из него, что только знающий человек мог догадаться, что вот то самое она и есть. Если идти напрямую, то, может быть, даже и не так далеко.

Но надо идти по трассе. И он пошел.

Сначала было все то же самое. Бесконечное дно, присыпанное песком, принесенным ветром. Откосы с мелким струящимся песком. Трубы, короба, кубики опор и рулоны сеток на бровке. Компенсаторные ниши, превращенные в сортиры. Потом появились участки с бетонированным ложем, из которого кое-где торчала арматурная сетка. Местами трасса делала поворот по известным лишь проектировщикам причинам. И снова – бетонное ложе, теперь уже с уложенными нижними коробами.

А вон люди по схеме устанавливают кубики-опоры. Обычные бетонные кубики, только одна из сторон – швеллер с арматурными усиками, утопленными в бетоне. Вот эта сторона – верхняя, на нее и станет металлическая опора будущей трубы – несложная металлическая конструкция, по которой будет скользить труба в случае тепловых деформаций.

Он проходил мимо людей, здороваясь с ними, и они отвечали ему, но отвечали угрюмо, не отрываясь от работы, изнуренные усталостью и жарой.

Вот и гусеничный кран с бровки осторожно разворачивает длинное звено трубы. Под гусеницами у него – те же шпалы. Не дай бог, подастся песок под передними траками гусениц, качнется стрела, нагруженная трубой... Потому и плывет труба медленно-медленно и над самой землей.

– Эй, там, в траншее! – Это они Короткову. – Не ходи под грузом! Обходи стороной!

Он уже и сам догадался и перешел на другую бровку:

– Здорово, ребята!

– И вам того же!

– Э-эй, майнай понемногу!

– Сто-ой!

Груз медленно опускается в траншею, в короб и зависает над опорами. Монтажники спускаются

вниз, чуть правят опоры, совмещая с опускаемой махиной.

– Еще давай! Еще! Майна помалу! Стоп.

Труба плавно ложится на установленные опоры. Здесь ей и лежать, пока не сварят в длинную плеть с предыдущей трубой и с последующей.

А Коротков уже там, где люди в брезентовых костюмах, называемых запросто брезентухами, потея от жары и неловких положений тела, обнимая трубу, как родную, ползают по ней и под ней, очищая заржавевшие стыки, а потом, осыпая фейерверком ярчайших искр и глядя на дело своих рук из-за щитков с черными стеклами, накладывают швы расплавленного металла. Швы, которые навечно сошьют эти трубы в единую магистраль, по которой и пойдет, побежит, двинется и навеки соединит теплоцентраль с городом струя тепла, как сердце пускает по артерии теплую струю крови, давая жизнь человеку.

А там люди мельтешат, как муравьи, обмазывая толстые плети труб изоляционным черным лаком, предохраняющим от ржавления. Не успевает ветер нанести на черный лак песчаный слой, как они уже обернуты теплоизоляцией из колючих минераловатных рулонов и плит, а сверху еще и алюминиевой фольгой, закрепленной проволокой. Вон уже и несколько – пять или шесть коробов накрыли теплотрассу. А швы между ними не обработаны. И туда потихоньку заносится песок. А это не дело!

И, оказывается, что не три здоровых трубы торчат навстречу из фундамента здания. Их гораздо больше! И торчат не из фундамента, а из нескольких огромных промышленных корпусов.

Стоп! Приехали. Теплоцентраль.

Это он сегодня отмахал те самые четыре с половиной километра. Здорово! Даже сам не заметил. Так вот ты какая, теплотрасса! Это мне с тобой предстоит провести несколько месяцев. И в зависимости от того, как мы подружимся, как будем делать свои дела – в город придет тепло.

Оно может придти незаметно, само собой – если мы сделаем свое дело спокойно и в срок. Просто однажды люди проснутся в своих квартирах и общежитиях и скажут: «Смотри-ка, тепло!». А может придти через споры, драки, ругань, когда при наступлении холодов горожане будут кричать, жаловаться, нервно спрашивать: «Ну, где эти чертовы строители, которые не смогли простого дела сделать: вырыть траншею и бросить в нее трубы?»

Что мы с тобой выберем, теплотрасса?

И словно в ответ услышал в душе ехидный вопрос:

– Это ты у меня спрашиваешь?

И прораб Коротков повернул обратно.

***

Он пришел к своей прорабке в третьем часу. Братья Долгие и Зерин заканчивали развозить шпалы по бровке, во всяком случае, вместо штабелей уже лежала вытянутая до шестой ниши тонкая черная ниточка. Остальная пятерка сосредоточенно чистила дно от песка и ставила шпалы по откосу ромбом.

Дима зашел в вагончик и рассмотрел, что и для чего привез ему Зерин.

Если рассуждать логически...

Рукавицы брезентовые прорезиненные – это, очевидно, для работы на казахском кладбище. Там грязи хватит. Видимо для того же клеенчатые передники. Ну, и маски на лица, чтобы трупную заразу не зацепить. Все, что следует убрать, придется складывать в брезентовые мешки. А куда убирать? Либо в отдельную братскую могилу, либо вывозить куда-то. Ну, вывозить – это вряд ли... Значит, заново хоронить тут же, неподалеку. А флажки ограждения – вот они, толстые высокие проволочки с треугольными лоскутками красной материи, напоминающими обозначение минного поля в кино, это, наверное, чтобы никто не совался. Да вряд ли кто и сунется-то... Но выставить надо. И проинструктировать под расписку, пожалуй, стоит всех семерых.

Да, думается, после всей этой работы полагается всю эту дребедень – флажки, передники, маски – сжечь, чтобы заразы не осталось. А лопаты? Лопаты – это же инструмент, люди к нему привыкли. Как быть?

Словно его звали, в дверях вырос Дуз.

– Коротков, ты не обижайся, спрошу тебя. Ты ТЭЦ ходил, столовая там работает?

– А я даже и не знал, что там столовая есть.

– Так себе столовая, вагончик мало-мало кушать привозит. Кому хватает, кому не хватает.

– Нет, не видел, не знаю.

– Ребята так и думали, ты первый день сегодня шел, ничего кушать не принес. Тебе тут немного оставили: хлеба, кусок колбасы и кусок арбуза. Только не скажи «нет», нехорошо будет, обидишь ребят. – Дуз поморщился, словно съел лимон. – Они от чистый сердце. Я прошу, сделай вид, будто ничего не заметил, и съешь, не говори ничего. Хорошо, да?

Дима подумал немного: а ведь верно, есть хотелось, выбрасывать резона не было – ни за что обидишь людей, а если возвращать – кому?

– Ладно, Дуз, спасибо большое, и ребятам передай. У меня тут вопрос такой: послезавтра, наверное, придется начинать с шестой нишей возиться. Тут Зерин привез всякие противозащитные дела: сам понимаешь, на кладбище работать надо будет осторожно. Ну, я кратко проинструктирую, раздам маски там, костюмы, рукавицы...

– Зачем костюмы? – удивился Дуз. – Мы что, демонстрация пойдем?

– Да нет, ты же понимаешь, там всякой нехорошей грязи может быть много, зачем же обычную спецодежду заражать? Все это после окончания работы, видимо, нужно будет уничтожить, сжечь, там, или закопать... Понимаешь?

– Понимаю. Только зачем новый костюм жечь?

– Так он не обычный, а брезентовый прорезиненный, в нем в клуб или в парк не пойдешь. К тому же он уже зараженный будет. Но я-то не о том. Работать придется лопатами, а их потом тоже придется сжечь. Но те лопаты, которыми сейчас работаете, они же по руке подобраны, их же сжигать жаль.

– Э-э, это просто, – перебил Дуз. – У нас под прорабкой десяток разных лопат валяется. Нехорошие лопаты, неудобные: где черенок кривой, где сучковатый, вот-вот хряпнется. Мы ими на кладбище покопаемся, их и сожжем. А взамен попросим хорошие. Ладно, да?

– Считай, договорились!

Коротков наскоро проглотил дармовой обед, посмотрел содержимое ящиков стола. В них было несколько старых местных газет, в которых содержались заметки о жизни строителей, в том числе одна из них – с портретом бригадира Дузмагамбетова (интересно, – отметил Дима, – надо будет это перечитать!), две двадцатиметровых рулетки, складной метр, несколько карандашей, шесть пар новых рукавиц, перетянутых тесьмой и журнал производства работ с последней записью, сделанной прорабом Гавришем в апреле 1953 года.

В одном из ящиков лежал перекидной календарь. Он достал его и поставил на стол.

Амбарные книги, лежащие в шкафу без стекол, являли собой перечень нарядов бригад за май месяц, перечень накладных за май месяц, под которым толстым синим карандашом была проведена косая черта и написано: «Сдано в бухгалтерию», и журнал инструктажей бригад – всё в одной книге, аккуратно разделенной вкладышами на четыре части. Другая была пустой, с несколькими вырванными листами.

– Аккуратный был, – подумалось Диме. Он понял, что это – наследство Гавриша. – А почему это «был». Он же отдыхает просто. И лечится.

И он сел посмотреть чертежи шестой ниши.

Ровно ничего интересного он там не нашел. Те же самые трубы, идущие по прямой, вдруг делали изгиб в виде большой буквы «П» и продолжали свой бег дальше по той же прямой. Эта самая буква «П» занимала площадь грубо восемь на шесть метров – на случай больших деформаций и компрессионного сжатия от высоких температур. Ну, и короба кое-где были с применением кирпичных стенок – понятно, из железобетонных коробов стенок по всему контуру не получится. А вся конструкция, по существу, ничем не отличалась. Вся соль была только в этом чертовом кладбище.

Хорошо, а что нам сулит железная дорога? Увы, чертежи были слишком общими, детали оставались в той папочке у Маркелова.

Ну ладно, рассмотрим, какие вопросы мы будем с ним решать:

а) из недостающей документации пока отмечено только пересечение с железной дорогой и, наверное, железобетонные монолитные конструкции примыкания труб к ТЭЦ и к теплопункту с противоположной стороны – возле первого дома со стороны города;

б) сегодня на трассе большинство работающих – рабочие спецподразделений (Спецмонтаж, Тепломонтаж, Специзоляция и другие). Наших – ЖСУ – немного. Они представлены тремя маломощными бригадами, я бы даже сказал, бригадками. Завтра их надо будет увеличивать, так как объемы будут возрастать. Предлагаю создать одну, но большую комплексную бригаду из трех звеньев. Эффект – взаимозаменяемость (землекоп и бетонщик – переквалификация небольшая), резкое уменьшение простоев, возможность концентрации рабочей силы;

в) шестая ниша по существу готова, нужно завести туда десяток хороших лопат (6–7 совковых и 3–4 штыковых) и завтра не с утра, но в начале дня мы начнем ее разрабатывать. Никаких эксцессов я не ожидаю;

г) спецработы по проходке под железной дорогой детально можно обсудить после согласования со спецорганизацией.

Вот так примерно я думаю, Петр Иванович, вот так.

***

Домой шли вместе. Ребята – бодрые, веселые, смеялись, шутили, а Диме шутки на ум не шли. Включая дополнительные мелкие выходы, чтобы взглянуть на переход на шестую нишу, на предполагаемый проход под путями, он сегодня отбарабанил своими новыми юфтевыми сапогами чуть более десятка километров. Непривычка сказывалась.

А мужики шли и хохотали над случаем у штукатуров, заканчивающих наружную отделку строительного техникума. Там у прораба Курильчика в помощницах мастерит молодая и симпатичная, высокая такая, статная Рая Кузьменко. Приехала недавно из харьковского строительного техникума, сдружилась с девчатами в общежитии, порхает по лесам, как птичка, командует штукатурами. Ребята к ней клинья подбивали – ни в какую. А недавно в начале обеда что-то надо было перенести на лесах или закрепить что-то. Словом – мужская сила требовалась. А кругом – никого. Все уже спустились. И вдруг Рая видит штукатура Калганова. Ну, нормальный такой мужик, правда, срок отмотал, но, кто богу не грешен, царю не виноват. Она его и попросила – деловто на пять минут.

А он – обед, мол. Так задержишься с обеда, – говорит Рая, – пойди быстренько, сделай.

У Раи голосок звонкий, певунья она, а дело на третьем ярусе лесов, людям снизу все слышно. А тот, Калганов – да ну ее. Рая возмутилась: ну, добром же тебя просят.

А Калганов послал ее, куда не следовало, и пошел к лесенке спускаться.

Тут наша Раечка поперла на него своей пышной грудью, сама раскраснелась, как светофор, чтото шипит, а что – не слышно, и вперед, и вперед.

Калганов (а он ее почти на голову ниже) от нее пятится, пятится, а она его отчитывает, дошла до угла, приперла к перилам, грудью прямо в лицо. Тот и так, и сяк уворачивается, в спине прогнулся, а Рая ему еще пару минут мораль читала, потом развернулась и к Курильчику в конторку убежала.

Смотрят, пошел Калганов, сделал, что Рая просила, и тишком, тишком – в столовую. Ребята его спрашивают, что там случилось? Молчит. После обеда к нему Курильчик Михаил Ефимович подошел, пальчиком поманил и тихо так сказал, но всем слышно было:

– Еще раз такое позволишь – уволю с волчьим билетом.

Повернулся и ушел.

Ну, тут уж все на Калганова нависли: говори, давай.

Ну, раскололся он. Я, говорит, не глядя, ее на хер послал и пошел. А она поперек дороги встала. Я глянул – у нее вся физиономия цвета красного знамени, что на управлении висит. Мне аж жутко стало. А она на меня пошла и как понесла, да такое, что я и на зоне не слыхивал. Не то, что в душу, в Бога и в Деву Марию, а, по-моему, во всех двенадцать апостолов, а пока я до угла допятился, она каждого апостола поименно вспомнила и ко мне припечатала. Да, знаешь, таким гадским шепотом, да титьками своими мне в харю. А я отслоняюсь, отслоняюсь, чуть всю шею себе не свихнул.

Гадом буду, чтоб я еще при этой бабе матюкнулся – да ни в жизнь!

Говорят, вечером Калганов пришел в конторку к Курильчику, где все еще отсиживалась и иногда всхлипывала Кузьменко, и, переминаясь с ноги на ногу, при всех, кто там был, попросил у нее прощения.

***

Мама встретила взволнованно и удивленно:

– Ты что же обедать не пришел? Я обед приготовила, ждала, а тебя нет и нет. У вас там столовая?

– Да нет, ма, не получилось просто... – про то, что он ел чужие харчи, лучше не говорить, а то будет скандал. – Знаешь, наверное, лучше с собой брать, так удобнее будет.

– А что тебе приготовить? Давай, я пирожков напеку. С ливером, ты ведь любишь...

– Не-е, мам, – он представил, как смешно он будет выглядеть среди ребят, поделившихся с ним куском полукопченой колбасы. – Знаешь, лучше всего, наверно, просто я возьму кусок твердой колбасы погрызть с хлебом. А арбузики у нас есть?

– В ванной плавают. Но какой-то странный обед...– удивилась мать.

– Мамуль, так жарко там. Както не естся. А так – хлеба треть буханочки, колбаски шматочек и арбузика кусочек – самое то.

– Ну, тогда сам и собери.

Он зашел в прохладную ванную, где в голубой артезианской, холодной, как лед, воде стояли ящики с минеральной водой, с пивом и почти наплаву покачивался ящик с яйцами, упакованными в стружку. Там же медленно поворачивались несколько некрупных темнополосатых шаров – отец умел выбирать хорошие и сочные арбузы. А между ними плавали кольца твердокопченых и полутвердокопченых колбасок.

Он вытащил бутылку пива – это на сегодня, на вечер – и набрал запас на завтрашний полевой обед.

– Ма-а! А у нас какая-нибудь авоська есть?

– Да хоть две. Вон на кухне, на дверной ручке висят – выбирай! Ты знаешь, я отцу, деду твоему, в двадцатых годах в завод обед носила. Тоже в авоське. Там, в токарном цехе они это «тормозком» называли.

Ну, давай садись ужинать. Отец сегодня в горисполкоме задерживается, просил не ждать.

***

Когда папа пришел домой, Дима уже собрался на завтра и кончал чистить сапоги на балконе. Отец умылся, показал сыну на стул рядом и сказал:

– Я пока жую, ты мне рассказывай.

Впрочем, рассказ был недолог, потому что он, как всегда, ел немного и быстро. Зато выпил два стакана горячего чаю.

– Ну и что? Какие вопросы встревожили твою голову больше других?

– Ты знаешь, наверное, это вопросы твоей специфики.

– Ну? Вот это здорово! И что именно? – заинтересовался отец, по привычке гладя ладонью свою бритую голову.

– Теплотрасса пересекает железнодорожную ветку. Насколько я понимаю, она грузопассажирская. Напряженность небольшая, но как ее перейти?

– А что в проекте? Как там предусмотрено, так и надо переходить.

– Нет, ты не понял. Я хочу знать, как это делается вообще, и что для этого нужно.

– Ну, если так, то – пожалуйста. В принципе есть два способа: открытый, то есть траншейный, и закрытый или проходной, точнее – проходческий. Применительно к твоему случаю это выглядит так. Первый – разбираем путь и продолжаем траншею, завершаем теплотрассу, закрываем ее и вновь укладываем путь. Этот вариант требует кучу согласований с Министерством путей сообщения и слишком долог по времени, а, МПС, как известно, дает только кратковременные «окна» для работы.

Второй – ставим проходческую машину, если можно так сказать, щит, под которым сверлим землю под путями механизмом типа усложненной мясорубки. Она вгрызается в грунт, выбирает тот объем, который нужен, и в нем устраиваем проход, хоть для метрополитена, хоть для теплотрассы. Ну, для тебя никто проходческой машины не привезет, их для метростроевцев нехватает. Можно обойтись примитивом: вместо проходческой машины – большая труба, которую под пути загоняют несколько домкратов, упирающихся в упорную стенку. А в той большой трубе грунт выбирают вручную и укладывают трубы нужных диаметров.

Этот вариант хорош, но требует инженерной проработки и тщательнейших геодезических работ.

Все зависит от того, кто будет делать эту работу, от опыта, от организации, от геодезии, от наличия времени, от связей с МПС – словом, задача со многими неизвестными.

Вот тут бы «нашего белогвардейца» – этот смог бы.

Ну, ладно, а как тебя приняли бригадники?

– Да как тебе сказать? Дружественно-нейтрально. Но что мне понравилось, ты знаешь, в прорабке, в вагончике чистоту навели, а, по-моему, это у них не часто делается.

– Да, это дорогого стоит. Значит, от тебя ждут чего-то, надеются на лучшее. Вот ты должен узнать, чем же они недовольны и чего ждут – не так напрямую, а исподволь – и

помочь им. Тогда в их глазах тебе цены не будет. Понял, прораб?

И отец шутя щелкнул сына по носу.

– Давайте-ка сегодня пораньше спать ляжем. Устал я что-то. А? Ты как, мать?

***

С утра Коротков, в начищенных сапогах, снаряженный авоськой с обедом, догнал своих сразу после водоколонки, на спуске в траншею. Солнце с утра опять растворилось в небе и жарило со всех сторон. Ребята уже поскидывали свои гимнастерки, а Василий Никонов по традиции тащил ведро с водой. Иван Долгий нес обед себе и брату, а младший, Николай, тащил авоську Никонова. Дуз бодро шагал в траншее, далеко впереди всей своей команды. Оглянувшись, он увидел прораба, поприветствовал его взмахом руки и пошагал дальше.

– Поди ты, ведь пожилой мужик, а резвый какой, пожалуй, никто из бригады за ним не угонится, – подумал Дима. – И ходит, и лопатой машет, а вчера сверху вон как в траншею сиганул. Я бы такто не смог, поостерегся...

Пока ребята чистили ложе, Коротков разметил шестую компенсаторную. Она пришлась как раз на то низменное место, где крутился бульдозер. Ну, значит, земли кидать меньше придется... Колышков под прорабкой разных – коротких и длинных – до фига; ребята экономные: забьют – вытащат, и под вагончик. Там же и шпильки геодезические. Дима подумал: колышки колышками, а шпильки – вещь ценная – и перенес их в вагон.

Пошел, внимательнее посмотрел на место проходки. Странно, но там под путями ниже двух с половиной – трех метров – глинозем. Значит, при строительстве путей завозили откуда-то. Пощупал пальцами. Плотный, очень плотный, но эластичный. Откуда-то пришла мысль, а что, если трубу загнать домкратами?.. Скажем, так. И на отвесной стенке тупика какой-то палкой он стал рисовать схему, ту, которую обсуждали с отцом.

А ведь получается! Ну-ка!..

Он шагами обмерил ширину путей, посмотрел, под каким примерно углом они пересекаются с траншеей, какова ее ширина в этом месте, для трех кожухов труб, как раскрепить упоры для домкратов. Вероятно, кожухи большого диаметра здесь нужно пустить прямо по направляющим – длинным шпалам, хорошо выверенным и закрепленным. Низ кожухов пойдет где-то на уровне ниже четырех с половиной метров. Словом, надо мерить и считать...

Записал все размеры и пошел в свою конторку рисовать эскиз для Маркелова. Подумал. Нет, струсит Маркелов. Ну, где это видано, чтобы мальчишка вместе с землекопами делал такую работу вместо спецуправления. Нет, эту разработку нужно пока поберечь.

Пообедал с ребятами. Предпочитают на дне траншеи, а не в вагончике. Душно там. Между делом поговорили. Дуз давно живет в поселке Юрга. Рядом дети. Как он говорит, всем большим жузом (семейством) построились. Беда – кровля из шифера от жары часто трескается.

И Долгий тоже неподалеку – на Северном поселке строится. И у того та же беда. Странно, у строителей – стройматериалов нет! И надо-то – всего ничего – по сотне метров квадратных на брата, а то и того меньше.

Вот уже и эскиз шестой ниши готов. Теперь и эскиз проходки кожухов труб под путями почти готов. Ха, и время работы кончается. Ладно, трусы в карты не играют!

Пора к Маркелову идти.

***

Петр Иванович уже ждал.

– Ну-ну, садитесь, рассказывайте, как у вас там дела идут. Очень, знаете ли, интересно. Надо бы заехать, да все, знаете ли, некогда. Вот на днях, говорят, трест получит для управлений автомобили. Василий Яковлевич говорит, что хочет отступиться в мою пользу. Не хочет от своей пролетки пока отказываться. Ну, поживем – увидим. Да вы присаживайтесь поближе, рядом, а не напротив, на бумажке ведь будем разговаривать.

– Хорошо, Петр Иванович. Вот ваша записка. А теперь позвольте доложить, что я по каждому вопросу думаю.

Ну, во-первых, особой недостачи техдокументации, кроме отдельных узлов, а именно – примыкания трассы к ТЭЦ, примыкания трассы к вокзальному кварталу и прохода трассы под железной дорогой, я пока не заметил. Возможно, просто объемы велики, и все в деталях просмотреть не удалось. И потом внимание пока сосредоточено именно на них. Но, думаю, особенных недостатков пока нет.

– Ну-ну, это не так страшно, чертежи, в крайнем случае, у ленинградских проектировщиков всегда получим, тем более что здесь у них группа сидит. Это не самый больной вопрос, – спокойно, глядя куда-то в сторону, проговорил Петр Иванович.

– Что касается организации работ, то я бы говорил о наших рабочих. Все рабочие других спецподразделений (Спецмонтаж, Тепломонтаж, Специзоляция) – эти организованы, их работы планируются, там все нормально. А наши представлены тремя маломощными бригадами, я бы даже назвал их бригадками. Руководят ими мастера, занятые на городских объектах, бывающие на теплотрассе набегами. Бригады предоставлены сами себе.

Отсюда и производительность их – так себе. Бетон привозится нерегулярно, засыхает, рулоны арматуры не всегда на месте. Мне кажется, что на трассе должна быть комплексная бригада из трех звеньев. Впереди идет зачистка, она же предупреждает возможность осыпки откосов. За ними – основные земляные работы, в том числе и ниши. А последними – бетонирование по дну. Основной бригадир – Дузмагамбетов. Этот человек пользуется авторитетом по всей трассе и даже у спецподразделений. А звеньевые – на подхвате. И обязательная взаимозаменяемость специальностей, потому что у землекопа и бетонщика перекв-

лификация небольшая, а заняты будут все. И переброска рабочей силы весьма условная, а концентрация – при необходимости – сколько угодно.

– Логично, логично, – погладил и без того гладкие и блестящие волосы Маркелов. – А что с нишей?

– Тут Петр Иваныч, нужно определить, какую именно долю занимает кладбище. Судя по моим замерам, это примерно половина ниши по диагонали. То же показывают чертежи – юго-восточная половина. Но в чертежах нет решения, где будем закапывать останки, изъятые из этой половины. Объемы здесь небольшие. Мое мнение – закапывать мешки в яму и затем прикапывать вот здесь, на границе к нише, чтобы увеличить объем бульдозерных работ в последующем и поднять высоту над этим местом. Никаких эксцессов я не ожидаю. Если будут, то, думаю, мы их ликвидируем.

– Вы мне вот что скажите: Дуз на нашей стороне?

– Да, безусловно! Если кто-то будет подходить, мы сможем их убедить.

– Ну, тогда ладно. А что с дорогой?

Коротков задумался, снял фуражку, положил ее на край стола и задумчиво протянул:

– Если откровенно, я не знаю.

Маркелов вдруг закипятился, вскочил и начал ходить по кабинету.

– Вот те и на. Можно сказать – главный вопрос, а он не знает. Как вы думаете его решать?

– Вы знаете, Петр Иванович, есть два варианта. Но я не знаю, какой вариант у вас в вашей папочке. Давайте посмотрим! – предложил Коротков.

– Хм! Смотрите! Что это изменит? – И он подвинул к Диме обе тонкие папочки.

В ОБОИХ ПАПОЧКАХ ОКАЗАЛОСЬ ОДНО И ТО ЖЕ. В них были чертежи проходки с письмом в адрес управления Уралспецстроя на имя главного инженера Короткова С.И. с просьбой оказать помощь Жилстройуправлению-1 ускорить эти работы в связи с необходимостью дать городу тепло до начала IV квартала сего года. Письмо было датировано еще началом мая. Ничего себе!

К письму прилагалось мартовское письмо местного управления МПС с возможностью открыть окна по понедельникам, вторникам и т.д. в определенные часы.

Словом, в папках была гибель прокладки тепла в этом году!

– Петр Иванович! – пролепетал Коротков. – Это же... это же значит, что... ну... тепла ... в этом году не будет! Что, раньше об этом никто не подумал?

– Вот теперь – крайний срок! – резко ответил главный инженер. – Вы же слышали, что объект – сдаточный в этом году!

– Ну, да, – начинал возмущаться прораб, – объект сдаточный в этом году для ЖСУ-1, но никто его в план Уралспецстроя еще не включал. А там пока первыми – сдаточные объекты доменного цеха, и вряд ли кто их из плана выкинет.

– Да успокойтесь вы, Коротков, господи, – вдруг ласково заговорил Маркелов, – ну, возьмете вы хорошую бутылку водочки, сядете с отцом за хорошо накрытый стол...

– Петр Иванович, вам, наверное, известно, что мой отец водку не потребляет, – жестко перебил его Коротков.

– Вот беда-то, – ухмыльнулся Петр Иванович, – ну, есть же у вас другие общие интересы...

– Петр Иванович, спецработы по проходке под железной дорогой согласуются со спецорганизацией.

– Вот вам и предлагается их согласовать. Будьте добры, займитесь этим.

***

Дима шел домой, тем, что они на военке называли строевым шаркающим шагом. Мама выставила на площадку ведро с мусором. Только этого ему не хватало. Ноги и так не гнулись. Еле дошел до мусорных баков во дворе и обратно. Ладно, хоть отца дома не было. Поужинал без него.

А когда тот пришел, получил еще одну пощечину.

– Па, там Маркелов просил передать тебе папку с документацией.

– Ты Шурочку у меня знаешь?

– Секретаршу?

– Правильное название – технический секретарь. Знаешь?

– Ну, да, конечно.

– Будь добр, вот ей и передай! – Тональность как-то незаметно, но резко изменилась. – Привыкни, что дома мы с тобой – отец с сыном, и нам с тобой вместе с мамой хорошо и весело. А если ты хочешь быть со мной прорабом и главным инженером – всю документацию, пожалуйста, передавай от организации в организацию, через технического секретаря. Это, надеюсь, тебе понятно?

***

В результате получил письмо за номером и датой, что данные работы в данном году планом не предусмотрены. И подпись: Нач. планового отдела А.В.Тиро. Вот стерва с губками бантиком. А сколько комплиментов рассыпала...

И Маркелов: чем с отцом-то занимаетесь? А, шахматами!.. Так ты ему пару партий проиграй! А он только злится, когда проигрываешь. Так ты выиграй! Ага, а что, это легко, что ли?

Ладно, Петр Иванович, я сам попробую осуществить проходку.

Ни-ни-ни. Это опасно, для этого нужна подготовка и геодезическая точность и т.д.

Ага, а прохлопать сроки сумели? Вот так. Значит, гоните шпалы, гоните домкраты – будем давить!

Этот пижон – сразу: я с себя ответственность снимаю!

Ничего. – Будешь отвечать – и точка!

Что из этого Дима сказал, что хотел сказать, он сам уже не помнит.

А-а, начхать на все!

Сходил он к монтажникам, договорился о сварке. Бригадиру Старикову – маленький такой, плотный – втолковал, что кожуха все равно сваривать надо, и сваривать надо сейчас. Когда мы их в землю затолкнем, уже поздно будет. Объяснил, как это дело пой-

дет. Сварщику никуда по большой трубе ездить не надо. Мы ее затолкнули в грунт, стык до него доехал – и пусть варит, причем – не на прочность, и даже на плотность – и то условно, чтобы песок не сыпался. Он понял, подготовил один агрегат. Договорились, что как надо будет – лошадку за ним пришлем.

Но сначала прораб заставил всех работничков прослушать инструктаж. Затем землекопы расковыряли шестую компенсаторную нишу. Расчистили ее. Выкопали яму для останков. Ну, естественно, начали подчищать нишу восемь на шесть. Поставили ограждение из флажков пошире. Ребята надели костюмы, посмеялись и через десять-пятнадцать минут их сняли. Ну, согласен я с ними, не работа в них, но нельзя же так!

А как можно?

А черт его знает! Или по-казахски – а шайтан его знает!

В общем, в своих обычных штанах и сапогах, голые по пояс, только с передничками, смеясь друг над другом, они собирали чужие казахские кости закладки 1942 года в эти прорезиненные мешки и таскали в вырытую яму, расположенную в том месте, которое при разравнивании бульдозером окажется на самой глубине.

Зерин привез из кузницы скоб хороших, ящик больших гвоздей, досок толстых, шести- и трехметровых, топоры, пилы-ножовки. И самое главное, у нас было уже восемь монтажных домкратов. Словом стали мы наполовину – плотниками, наполовину – монтажниками...

А что? Иван Долгий как раз у себя на Северном стропила ставит, значит, умеет обращаться с инструментом. Инструмент на ночь в прорабке в ящик закрывать стали.

Сначала все было нормально.

На другой день, к обеду, когда уже работа по уборке костей фактически завершалась, неизвестно откуда к ним подошли два старых казаха и одна казашка, празднично одетые. У праздничной казашки на голове такой мавзолей накручен, – это Витя Фирсов про нее потом сказал. Один казах – с боевыми орденами. Они принесли с собой какие-то коврики, встали на колени в стороне от наших флажков и начали заунывное пение, совершая движения, похожие на умывание лица.

Дуз подошел к ним, что-то поговорил, достал какой-то коврик (кажется, это был половичок из прорабки) и повторил то же, что и они, только кратко. Потом подозвал Короткова.

– Ну, – подумал тот, – что-то будет. Нас учили, что это называется «Межнациональный инцидент», и их в нашей великой стране уже давным-давно нет. А это?..

Он подошел к казахам. Дуз сказал:

– Скажи им, что нам тоже очень жалко, но иначе нельзя: город замерзнет. Хорошо скажи. Торжественно скажи.

Коротков поздоровался с каждым из пришедших за руку и произнес:

– Уважаемые товарищи! Я понимаю, здесь, наверное, похоронены ваши близкие, родные, знакомые. Нам тоже их очень жаль, очень и очень жаль.

Тут он заметил, что Дуз переводит его слова. Значит, они не понимают по-русски.

– Понимаете, в большом и далеком институте в городе Ленинграде люди решали, как дать тепло большому новому городу. Они старались по возможности не задеть старого кладбища. И вы видите, они его почти не задели. Мы делаем большое нужное дело. Теперь новый город на границе России и Казахстана будет согрет зимой и сможет работать и дать металл для всей страны.

Большое вам спасибо, что вы пришли вспомнить тех, кто был похоронен здесь в те трудные военные годы. Большое спасибо!

И он вновь пожал им руки и услышал: «Балшой спасыб, балшой спасыб!».

Они ушли. Он оглянулся и увидел, что все бригадники с лопатами стоят, ну, разве что не по стойке смирно, как почетный караул. А Дуз подошел к ним и заявил:

– Молодец Коротков! Чест слово, молодец. Такой торжественный слово сказал, старый казах понял, старый казашка понял – нужный дело делаем, так в большой город Ленинград решили. Значит, нам мешать нельзя. Помолились маленько, и я с ними помолился. И ушли они, мешать нам не стали, а сказали «Балшой спасыб!». Закончили косточки казахские перетаскивать? Молодец!

Значит, сейчас можно немножко пообедать. Потом мы здесь останемся мало-мало подчистить, а Коротков возьмет нивелир и пойдет к железный дорога. С ним пойдут Витя Фирсов и братья Долгие. Обедаем!

Развернули мы, у кого чего было, я уж не помню что, только помню, что колбаска твердая была слишком солоновата.

Ну, закусили, тут бы попить. Е-мое, Васька, где твои глаза были!?

Пока последние косточки переносили, ведро с водой и с Васькиной гимнастеркой за поворот ниши кто-то поставил, чтобы не мешалось. Кто, когда – теперь уж поздно разбираться. Только в ведре на дне песочек, а на поверхности воды – и косточки, и щепочки, и еще какая-то дрянь, а гимнастерка Васькина в углу песочком присыпанная валяется. Что делать с этой водой? Словом, как у Шекспира: пить или не пить – вот в чем вопрос?

А Василий взял гимнастерку, встряхнул – ты что, с ума сошел, песку в ведро добавил – да ну вас... – приложил гимнастерку к краю ведра да через нее и напился. Вот! А вы – как хотите. Кто его примеру последовал, кто так утерся.

Кто-то сказал, что лучше новой воды принести. Ну да, топай до водоколонки километра полтора-два, да обратно столько же...

Дима взял, бумажкой ненужной отогнал и выбросил плавающий хлам, а потом через рукав – у него же двойная ткань – выпил. Вода, она холодной струйкой пробежала внутрь, охладила, а потом этим же мокрым рукавом обтерся. Стало полегче.

– Ладно вам, сами решайте, пить или не пить.

Василий подначил:

– Все равно похороны за счет профсоюза.

Дуз показал ему кулак:

– Не всегда правильно быть как клоун, не в цирке.

И обращаясь ко всем, сказал, мол, пошли по местам.

***

Сдать пройденную часть ложа оказалось совсем несложно. Вечером дома вычертил два экземпляра схемы готового участка, а днем зашел в горисполком и познакомился с куратором теплотрассы. У куратора была страшная фамилия – Медведь, но человеком он оказался совсем нестрашным, худощавым, обычным, толковым инженером среднего роста и возраста, но достаточно въедливым. Хотя чего уж там сложного – принять несколько сотен метров подготовленного ложа трассы, выровненного под бетонирование. Но проверил отметки по схеме и расписался в принятии и в процентовке. Словом, все, что и требовалось.

***

Вот и наступило время проходки под железную дорогу. Формально какие-то разрешения на проходку были, но то, что они по времени не совпадали с работой... а, да кого это, в этой степи на глубине четырех с лишним метров интересовало...

Рабочий настил на нужной высоте под первые звенья кожуха был готов, осталось их осторожно и аккуратно спустить и уложить точно по высоте и направлению. Это оказалось несложно, потому что скатить звенья по небольшому уклону вчетвером, разложить и выровнять их по направлению, где уже были нанесены риски, удалось быстро. А чтобы они не сдвинулись, их элементарно закрепили клинышками на гвоздях.

Труднее было выверить их по осям, но и это с помощью теодолита решили. Теодолит привезли новенький, отличный (так и думалось, где же нивелир-то допотопный взяли?). Ребята смотрели, как действовал прораб, словно наблюдали за движениями фокусника. А ему, наоборот, хотелось, чтобы они понимали, почему «влево», почему «вправо», почему нужно отодвинуть клинышек, чтобы тяжелое звено осело вниз.

А потом Долгие с Фирсовым выстроили по его схеме упорную стену. На ней из коротышей – гнезда для домкратов и...

Прибежал Василий Никонов.

– Ты чего? Что случилось?

– Я у Дуза отпросился. Хочу к вам. Как труба большая в грунт войдет, пустите меня, ребята, оттуда грунт вынимать. Просто очень хочу. Не могу там песок пересыпать, когда здесь – такое...

– Да ты что, Василий? Можно подумать, «Катюшу» здесь испытываем.

– Ну, для вас ничего, а для меня – «Катюша». Хочу испытать. Ну, не гоните, а...

Переглянулись. Вот те на!

– Ну, поехали, что ли!

Первой было решено гнать третью, запасную нитку. Если уж ошибиться, то на ней.

Зарядили домкраты и потихоньку, полегоньку поехали. Кожух двинулся по шпалам, пропитанным масляными антисептиками, легко и просто, как по ледяному покрытию.

Вот левый край его въехал в слой глинозема. Тихо вгрызаясь в мягкий грунт, слушаясь движения домкратов, он постепенно, медленно-медленно, проникал вглубь. Вот уже первая порция грунта легко обрушилась внутри трубы. Ребята, хорошо понимая, что делать дальше, открутили домкраты, заполнили свободные промежутки шпальными обрезками и вновь дали напор на края этой большой трубы. К обеду половина кожуха вошла в темный грунт. Василий, стоя настороже с лопатой, ждал команды.

– Ну, давай, Вася, твое время!

Он тут же оказался там, в трубе, и с такой неистовостью начал выбрасывать оттуда землю, которая сыпалась и сыпалась, что, казалось, не надо землеройных машин – здесь их функции решил в одиночку выполнить Вася Никонов. Остальные разбрасывали лишний грунт между шпалами. Оказывается, Вася пришел к нам не просто так – он принес свое «изобретение» – кусок доски, опиленной по радиусу большой трубы на рукоятке. Таким приспособлением он легко и быстро чистил дно трубы.

– Проверь-ка, не уехали куда в сторону?

Коротков тут же прикинул нивелиром:

– Хлопцы, среднее отклонение по вертикали от нуля до одного миллиметра.

– Сантиметра? – недоверчиво переспросил кто-то.

– Я же вам говорю – миллиметра.

– Да ну, не может быть!

– А вы проверьте, – посоветовал Дима. – Воды принесите и немного налейте. Посмотрите, куда она польется. Только немного, Вася, а то сегодня тебе уже досталось.

Пока Никонов бегал за ведром (вприпрыжку и с какими-то выкрутасами, подшлепывая себя по мягкому месту), приступили к проходке второй трубой. Эта также пошла мягко и ровно, но где-то посредине своей длины закочевряжилась, перестала идти от давления боковым домкратом.

– Ребята, как бы там какой упор не попал – камень или кусок металла. Надо прочистить до конца трубы и найти, в чем дело.

Коля Долгий и Витя Фирсов по очереди ползали в трубу, но достать ее краев не могли. Появился запыхавшийся Никонов с ведром воды.

– Эй, что вы без меня – не можете, что ли?

– Погоди, давай, воды нальем. Заодно и отдохнем чуть.

– Стоп, мужики. Осторожно налить в середине трубы три-четыре столовых ложки, – вмешался прораб. – И кому-то одному. Пусть Вася нальет.

Никонов залез в трубу, налил там воды и прокричал:

– Так она и не разливается. Может, еще добавить?

Коротков понял, что цель достигнута, и скомандовал:

– Больше ничего не делать, осторожно вылезай вместе с ведром.

Когда недоуменный Василий вылез, прораб объяснил всем:

– Понятно, что на ровной поверхности вода не разливается? Вот вам лишнее подтверждение

того, что труба лежит горизонтально, и никаких гвоздей.

Так, теперь начнем вторую трубу. Василий, там где-то вверху слева она уперлась в камень или в какой-то металл. Слазай, найди и убери грунт вокруг препятствия. Только, чур, осторожно, чтобы он тебе на голову не свалился. Понял?

– Еще бы не понял. Принимайте лишний грунт.

Через несколько минут пыхтения он вылез.

– Там такое дело. Какой-то кривой кусок бетона сидит. Я его общупал. И, видимо, тот, что над трубой, гораздо больше того, что перед трубой. Наверное, нужен лом, и долбать бетон придется долго.

– Давайте, передохнем и настроим третью трубу, а ты, Витя, притащи-ка лом и кувалду.

Пока выверяли третью трубу, появился лом с кувалдой, и начали по очереди «долбать». А Дима пошел к сварщикам договориться, что сварка кожуха, наверное, будет нужна завтра. Не с утра, а когда приедет Зерин, пока погрузят агрегат, пока настроят.

– Ну, ты не монтажник, – посмеялся Стариков. – У нас так не принято. Как только на месте – сразу в дело. Вон, машина тебя ждет.

И он показал ногой на стоящий в стороне сварочный агрегат, накрытый мешковиной.

Обратно Коротков возвращался, когда бригада уже ушла. На краю трубы – на показ – лежал здоровый кусок бетона.

И только Зерин почему-то еще возился с упряжью.

– Зерин! Ты что задержался? Ребята давно ушли?

– Давно. А я лошадку переуздывал. Садись на телегу, доедем вместе.

– Ладно, – легко согласился прораб: ноги-то гудели. – Ты мне скажи, отчего у тебя выговор такой странный?

– А почему странный? Латыш я. Ссыльный латыш. Если правильно, то – Зериньш Рудольф Янович. А по вашим документам, которые в зоне выписали, я – Зерин Рудольф Иванович. Вот и все.

– А почему ссыльный? – поинтересовался Дима. И добавил: – Если это не обидно.

– А чего тут обидного? После войны всех стали объединять в колхозы. А какой из меня колхоз, если я живу на хуторе, а до другого хутора бегом бежать полдня и еще немного. Жена в конце войны умерла, а дети в город подались. Такой маленький город Валка, на границе с Эстонией. Эсты его Валга зовут. Сын там женился, дочь замуж за эста вышла.

Я взял работницу с сыном, они после войны без ничего остались. Позволил им на своей земле дом построить, немного земли им дал, пусть только помогают. Решил сам жениться. Жену тоже из Валки привез. А она работать не захотела. А потом я застал свою Маргариту с сыном работницы.

И то правда: говорили мне люди – не будет молодая горожанка работать на хуторе. Так и сбылось. А они заявили на меня, что я не хочу работать в колхозе и им не позволяю.

Вот и сослали меня в Казахстан на пять лет.

Когда разрешили вернуться обратно, я узнал, что моя молодая жена живет с сыном работницы и ребенок у них есть. Однако, решил поехать. А по дороге у меня украли все деньги и документы... И решил я тогда не испытывать судьбу: не бегать от того места, где меня приютили, дали хорошую работу с заработком и жилье. Так я и оказался здесь.

– А где ты живешь? – справился Коротков, поскольку уж было позволено поинтересоваться чужой жизнью.

– Да я себе пристроил хибарку на конном дворе. Лошадей с детства люблю. Раньше их у меня было много...

Диме показалось, что Зерин больше грустит об оставленных в Латвии лошадях, чем о несложившейся семье.

***

Дома Дима снял грязный костюм, почистил сапоги, поужинал, не дожидаясь отца. Мама посмотрела на еще утром бывшее белым облачение, вздохнула и сказала:

– Раньше тебе костюма белого на два дня хватало, а сегодня за один день изгваздал так, что отстирывать тебя вместе с костюмом надо. Нет, сынок, это я не потому, что мне стирать лишний раз приходится, а я смотрю – устаешь ты больно. По силам ли работу взял? Может, не стоило?

– Стоило, мам, еще как стоило! А за костюм уж извини – сегодня действительно день был не из легких. Ну, ты понимаешь, два раза по трассе туда-сюда за день пройдешь – считай, два десятка километров оттопал. А что грязный, так я вечером под душ залезу.

– А то еще с отцом ссоритесь, я же вижу. Думаешь, мне это нравится?

– Ой, мам, только не надо об этом. Это мы сами разберемся, между собой!

И он сел послушать последние новости по «Балтике» – любимому отцовскому приемнику.

Сообщали что-то интересное: Центральный Комитет по предложению Хрущева снял Берию со всех постов, а Жуков и Москаленко арестовали его. Ну, дела... Кажется, за Иосифом Виссарионовичем поплывут один за другим. Кто следующий?

Отец появился чуть позже обычного:

– Ты что, Дим, ужинать не будешь?

– Да нет, я уже...

– Ну, как там дела на всенародной стройке под прозванием «Теплотрасса»?

– Нормально...

– Ну, проходку под дорогой решили уже?

– Пап, мы с тобой договорились: дома ты – отец, я – сын. А производственные вопросы будем решать в других местах.

– Ух, ты, ерш какой. Уж о работе и слова сказать не хочешь?

– А не о чем... И вообще – устал. А тут еще измазался весь, под душ надо залезть. Мама, можно я сначала под душ, а ты потом постираешь?

Мать поняла, что мужчин надо разводить, а не то могут и круто поспорить.

– Да ты иди. Другой костюм-то чистый вон висит, на завтра готов. А ящики из холодной ванны в корыто составь, пусть постоят, пока ты помоешься. Сережа, а ты заодно уж под душ не залезешь?

– Там видно будет...

И они тихо разошлись.

Утром Дима вспомнил:

– Слушай-ка, отец. Я устал вчера и после душа свалился, а тебе забыл сказать. Вчера по радио сообщили, что Берию арестовали.

Мама тихо охнула:

– Ой, это что же?

– Да ничего,– отец попытался успокоить, – нам уже сообщили. Но пока надо больше слушать, чем говорить об этом – так будет правильней!

***

Утром бригада словно спешила куда-то.

На работу торопилась, как на вокзал. Еще не было восьми, все уже собрались возле железной дороги, где лежал кусок бетона. Никонов, покрасовавшийся рядом, заявил:

– А что на него смотреть. Туда его, куда и Берию, – и ловким ударом кувалды перешиб бетон пополам, после чего он провалился между шпалами.

– Вась, ты не трепись по-лишнему-то, – вставил слово Иван Долгий.– Еще неизвестно, чем кончится, а язык у тебя – один, им и расплачиваться.

Подъехавший Зерин был тут же отправлен за сварочным агрегатом и через несколько минут Стариков со сварщиком по имени Саша уже налаживали сварку, установив агрегат за упорной стенкой из шпал и протянув снизу через нее провода к первой паре труб. Бригада налегла на вторую трубу, через короткое время загнав ее в грунт и подкатив к ней следующий кусок кожуха. Опытные сварщики-монтажники окрестили его своим термином – «обечайка». Следом пошла и третья.

Вскоре сварочный агрегат затарахтел, а там Саша уже переходил ко второй трубе-кожуху.

Работа шла славно. Все видели свое место, каждый успевал сделать свое дело. Даже у Короткова, у которого, кажется, была самая легкая работа – вовремя останавливать движение и замерять отклонение от нужного направления, и то взмокла шея.

На бровке остановилась легкая пролетка. Все знали: на такой разъезжает по объектам Путинцев. Так и есть. Забросив вожжи на сиденье и легко и пружинисто спрыгнув с подножки, Василий Яковлевич подошел к краю траншеи и заливисто свистнул в два пальца. Все остановились

Он усмехнулся.

– Здорово, хлопцы!

Растянутое по времени «Здравствуйте!» было ему ответом.

– Длинного Короткова вижу, а где Дуз?

Землекопы, превратившиеся в монтажников или вообще неизвестно в кого, подошли к нему.

– А Дуз там, сзади, возле шестой ниши.

– Кто молодой? Позовите-ка мне его, поговорить надо.

Путинцев хотел присесть на ближайшие шпалы.

– Не-не, Василь Яковлич, – остановил его кто-то из землекопов, – штаны попортите. Лучше на пролетку садитесь, а мы постоим.

Все медленно подтягивались, даже Саша на время перестал варить.

Подошел Дуз. Путинцев вытащил какой-то конверт из кармана.

– Я вот о чем хотел с вами поговорить. Тут наш Маркелов Петр Иваныч уходит в отпуск и улетает на месяцок подлечиться на юг. Его временно заменит Якубович, старший прораб по жилищному строительству. Но мы тут посоветовались и решили, что теплотрассу надо непосредственно подчинить мне. А прорабом по работам ЖСУ на всю трассу поставить Короткова. Вы его знаете – молодой, но энергичный. Ему подчинить всех землекопов, бетонщиков, вот это дело с железной дорогой, и там, от самой ТЭЦ пойдут наши изолировщицы с задачей заделывать раствором щели между железобетонными коробами. На эту работу пойдут женщины-легкотрудницы. Звеньевой у них, наверное, будет Галя Махгольц.

Потом там нужно будет аккуратно грунт в пазуху уложить и утрамбовать. Значит, часть землекопов вернется туда. А здесь после седьмой ниши – тут особых сложностей уже не ожидается.

В помощь Короткову остается мастер Косинцев, который работал с бетонщиками.

Бригадиром комплексной бригады есть мнение назначить Дузмагамбетова.

Голосовать не будем. Если у кого-то есть другое мнение – пусть скажет, не стесняется. Приказ вступает в силу с первого числа следующего месяца, но, сами понимаете, перестраиваться надо уже сегодня.

Дуз, ты не возражаешь?

А ты Коротков, не против?

Тогда я подписываю приказ.

– Подождите, Василий Яковлевич! – У Димы вырвалось само собой. – Я не рвач, вы обо мне так не подумайте, но мне хотелось бы сначала получить приказ о том, что я работаю прорабом в ЖСУ-1 и имею какую-то зарплату, а то я пару раз напоминал Маркелову, но все откладывалось на «потом».

– Как на «потом»? Так на тебя и приказа нет, что ли?

– Нет, во всяком случае, я не видел.

– И зарплаты не получал?

– Нет, не получал. Уже почти за два месяца.

– А за что тебя Зинаида Петровна кормит?

– Пока – за отцовы денежки.

– Ну, брат, это непорядок. Что же ты ко мне не подошел?

– Так вы поручили это дело оформить Петру Ивановичу.

– Ладно. Пока мы тут говорим, Маркелов уже в поезде до Оренбурга едет. Короче – вечером – у меня, а там мы все дела решим. Но сам знаешь, у меня – попозже. А против этого приказа возражений нет?

– Тогда – нет.

– Решено. Вот, при вас подписываю. Экземпляр – тебе, экземпляр – тебе. А теперь покажите, как эта чертова штука работает.

– А вот так, Василий Яковлевич, смотрите.

Начальник удивленно смотрел на кожух, ничего не замечая. Потом спросил:

– А двигаться-то она когда начнет?

– Так двигается же, только медленно, по миллиметру. Руку на нее положите, почувствуете.

Путинцев положил руку на огромную, почти двухметровую трубу. Глаза его расширились от удивления:

– Едет, едет! Медленно, но едет!

В это время Витя Фирсов, стоящий с лопатой наверху, на путях, дико взвился вверх и завизжал, как папуас. Все взгляды устремились на него, а он орал:

– Вывалилось, ребята, по ту сторону вывалилось! Ура!

Не все поняли, что случилось, а когда поняли, бегом взлетели по откосу вверх, оставив недоумевающего Путинцева. Потом и он, переваливаясь и отпыхиваясь, поднялся наверх, посмотрел на другую сторону кожуха, на ту, где он только что стоял, снял фуражку, вытер лоб платком и как-то заикаясь, спросил:

– Что, п-прошли?

– Ага, прошли!

– И за сколько времени?

– Так ведь подготовка вдвое больше заняла, чем проходка, Василь Яковлич. А все вместе – сколько? – неделя и три, нет, четыре дня. Десять дней. Вот так! Так еще же не кончили. Еще два-три дня повозимся, а может чуть больше. Короче, две недели, не меньше.

– И это – то, из-за чего Спецстрой не захотел работать? – Вдруг сообразил Путинцев. Мысли вернули его к начальственной деятельности.

– Ну да. А теперь пусть плановики прикинут, сколько мы в следующем квартале должны запроцентовать.

– Стой-стой-стой. А почему не в этом?

– Василий Яковлевич, у всякого здравого человека, от мастера до начальника, всегда должна быть заначка. В этом квартале ЖСУ в тресте на каком месте будет, на первом? – хитро начал соображать Коротков.

– Ну, не тебе за меня считать!

– Это почему же? Участок будет на первом месте, как и в прошлый квартал. Промышленники соревнуются отдельно. А управлению упасть мы не дадим. И из той работы, которую должен был сделать Коротков-старший, а сделал Коротков-младший, мы и сделаем большую заначку.

– А как ты со сварщиками рассчитываться будешь? – склонив голову набок, задал вопрос Путинцев.

– Это проще простого. Я уже рассчитался, – уверенно отозвался прораб.

– Как? Через магазин, что ли?

– Да им же эту сварку все равно делать надо. Она у них в плане. Так чего тянуть. Вот сейчас и сварили. Сделали небольшую работу следующего квартала. И им удобно, и мне хорошо. Это у них будет заначка.

– Ну, ты, брат Коротков, почище своего отца уродился!

– Стараемся, Василий Яковлевич, стараемся!

Вечером в кабинете у Путинцева, как всегда, поздно, выпили на двоих бутылку минеральной. Коротков получил все приказы о своем назначении. И тогда он решился заговорить о другом:

– Василий Яковлевич, надо бы за шестую нишу и проходку ребят отметить.

– Так чего же ты без проекта приказа пришел. Могу сразу сказать: тебе – пол-оклада.

– Я-то могу спасибо сказать, а вот Дузу, Ивану Долгому и еще кому-то требуется помощь чуть-чуть другая.

– Ну, так загадками не говори. Давай, что нужно.

– Строятся они, а кровли – шифера нигде нет, а в Бурибае на рынке цены такие, что и ехать не стоит.

– Посмотри, метров по сто, ну, если Дузу – сто двадцать – сто тридцать. Так и напиши: за отличную работу в качестве поощрения. Но тогда уже без премии.

– Так я думаю, они все рады будут.

***

Договорились, что до того нужно проходку закончить полностью и обстроить концы больших труб-обечаек. Когда они встали по проекту, вровень, Зерин уже подвез арматуру и доски для опалубки. Так, дрянные доски, половина горбыля. Все равно они в земле останутся.

Братья Долгие предложили вязать нижние части арматурных каркасов для поперечных стен наверху, а потом спустить их в траншею, закрепить к трубам и довязать верхнюю часть уже над трубами. А уже к этому каркасу крепить опалубку. Иначе под трубами весь день возиться. А что? – Не глупо. Во всяком случае, производительнее. Так и сделали. Дело пошло достаточно быстро. Когда опалубку закрепили, между обечайками до половины засыпали и уплотнили грунт. Получилось, что та сторона опалубки, которая ближе к железной дороге, удерживается грунтом. Залили стенку бетоном, протрамбовали его и заказали машину-водовозку: поливать грунт, чтобы бетон не засыхал от жары. Ребята добавляли оседающий между большими трубами грунт и с удовольствием подставляли свои широкие спины под сверкающие струи воды, дугой бьющие из шланга.

Вот уже и последние «спины» обечаек скрылись под слоем земли. Стоящий наготове бульдозер нагреб с обеих сторон дороги кучи песка вровень с рельсами, а землекопы быстренько разровняли эти «могилки».

К внутренним трубам подваривали снизу швеллерные опоры, и бульдозер тросом затягивал их потихоньку внутрь обечаек. Сварщик едва успевал сваривать три хлыста труб между собой. Как-то все весело и легко получилось. Через несколько дней из стенок с обеих сторон торчало по три хвоста труб, а у Короткова в сумке лежал акт приемки выполненных работ. Куратор Медведь приехал, посмотрел, зашел в вагончик, познакомился с геодезией, ухмыльнулся, сказал: «Ловко это у вас получилось. И, главное – быстро! Со спецуправлением мы бы провозились...». И подписал без всяких замечаний!

***

Наутро Коротков по одному беседовал с рабочими и легонько под-

водил к вопросу: премия или шифер. Оказалось, шифер нужен многим. Только речь с теми, кто живет в общежитии, шла исключительно о деньгах. Витя Фирсов обиделся:

– Ну, живу в общежитии, а если жениться хочу, а у нее у отца – хата, а шифер для хаты всегда нужен.

– Витя, ты пойми, не могу я Путинцеву сказать, что шифер нужен не тебе, а будущему тестю, не поймет же он меня. Я даже Николаю Долгому отказал, хотя он просил дополнительно для брата, для Ивана. И Иван понял – ему – шифер, а Коле, живущему в общежитии, деньги положены. Буду у Путинцева приказ подписывать – спрошу; разрешит – перепишу приказ.

Путинцев, конечно же, не разрешил шифер ни для Вити, ни для Коли, а Ивану Долгому сто метров исправил на сто двадцать. Ваня мне потом пытался спасибо сказать, но я ему объяснил, что начальник сам исправил, когда я сказал, кто делал стенку из шпал.

***

После окончания проходки решено было удачную работу и премию отметить в парке. Парк был – одно название. Деревья человеческого роста спускались к реке Урал, а в местах, где деревьев было мало, находились два великолепных добротных сооружения, оставшихся после пленных немцев: кинотеатр на свежем воздухе и пивной бар. Наши молодые люди (не секрет, что город в большинстве своем состоял из молодых) сократили эти названия до минимума: кино и пивная. А поскольку кинофильмы шли по два дня, то развлечения так и чередовались: сегодня – кино, завтра – пиво. Некоторые любители предпочитали одно и то же развлечение повторять дважды, скажем, Вася Никонов любил иногда продублировать второе. А если это повторялось не один раз, то к концу недели ребята уже намекали ему на то, что бригада снижает темпы, и пора ему задуматься... Намекали весьма серьезно. Напоминали про вымпел. Иногда угрожали черенками лопат. Понимал. Но, бывало, ненадолго.

А тут решили вечером сходить в кино. Шел замечательный фильм «Учитель танцев». Великолепен был Зельдин в главной роли Альдемаро. А после кино вышли и заспорили: неужто это тот же артист, который в картине «Свинарка и пастух» играл Мусаиба. Он же здесь еще моложе, а прошло десять-двенадцать лет.

Вот так, споря, незаметно перетекли в пивную.

Тут уже сидели калининцы. Познакомились. Оказалось, что Василий Калинин – довольно щуплый паренек, которому еще и тридцати годов нет, но он со своими звеньевыми и с прорабом Лозинским хорошо думают, как расставить подачу кирпича и раствора. А ведь для длинного дома, подъем материалов на который осуществляется кранами-укосинами, это – дело хитрое и решает многое. Вот теперь и обмывают награды в пивном баре.

Про пивной бар нужно рассказывать отдельно. О том, что немцы умеют делать пиво и пить пиво – знают все. Но здесь они учили нас всему, что касается пива.

Две девушки разносили пиво из киоска, который стоял между двумя Г-образными столами. Таким образом, к киоску вели три дорожки: одна – между столами по центру и две – между краями столов и киоском. Дорожки были застланы белой бетонной плиткой. А пиво разносили в двух видах сосудов: в обычных наших стеклянных полулитровых кружках и в литровых глиняных кружках с никелированными крышками. Под каждую – свои картонные кружки, по которым велся расчет. А закуска в том киоске – и мелкая копченая воблочка, и крупный копченый лещ, и разные консервы: крабы, снеток, икра – словом, на всякого любителя. И не хочешь, а наудовольствуешься. И даже то, без чего никакая пивная точка не выдержит напора – в полном порядке и в замечательной чистоте на должном расстоянии содержится.

Словом, пришел Коротков домой довольно поздно и в состоянии, в каком родители его практически еще не видели. Но шуметь не стал, а по совету мамы быстро «ликвидировался» и крепко заснул. А назавтра, в воскресенье, пришлось выслушивать насмешки отца о том, что большие деньги портят слабых людей.

От Бориса пришло письмо, что практику они закончили успешно, зачет по практике сдали, денег никаких он не заработал, начало следующего семестра назначено на седьмое октября. Люська уехала в Алдан. Там у нее мать и младший брат-биатлонист, мастер спорта, который преподает физкультуру в школе. Он в прошлом году выиграл чемпионат республики и его обещали взять в сборную Союза.

***

Следующую неделю пришлось разрываться на два фронта: звено, которое двигалось впереди и по существу не имело перед собой перспективных объемов работ, Коротков переставил в самый конец, к ТЭЦ, где уже трассу закрывали коробами и женщины начали заделку швов между ними. Следом нужно было заполнять грунтом пазухи и послойно трамбовать их. Трамбовки сделали сами из обрезков шпал и бревен с длинными ручками и каждые засыпанные двадцать-тридцать сантиметров «долбали» этими великолепными инструментами.

Надо сказать, уложить короб длиной три метра требовало значительно меньших физических затрат, чем качественно обтрамбовать его с обеих сторон. Поэтому за качеством работ и своевременной поставкой раствора там следил Косинцев – довольно серый, но аккуратный человек. А кто, как не аккуратный человек, обеспечит качество и своевременность. Правда, он попросил поставить туда еще один вагончик, но это не вызвало сложностей.

Нижние половины коробов уже выставлялись сплошной цепью почти до шестой ниши (точнее, почти до поворота между пятой и шестой), туда же подходили сваренные хлысты труб, верхние короба закрывали больше половины длины трассы.

Подходила осень. Осень в степи отличалась лишь тем, что солнце

вставало попозднее, да ветер дул понавязчивее. Все равно к полудню жара делала свое дело, и солнце томило людей на трассе.

***

Отец как-то заикнулся, что надо бы пополнить запас продуктов, съездить на ярмарку в Бурибай, в Башкирию – это примерно сотню километров на север. А тут сказал, что собирается поехать дней через десять, в выходной рано утром.

– Ты поедешь со мной, – спросил он, – или все еще будешь дуться?

– А что мне на тебя дуться? – ответил Дима по возможности независимо, – у меня для этого нет особых причин.

– Ну да, – искоса взглянул он, – а проходка под дорогой МПС?

– Ну, в конце концов, за это отвечают люди повыше меня чином, – намекнул сын, – есть люди и в ЖСУ, есть люди и в горисполкоме. Не студенту-практиканту всыплют по первое число, а если у кого и потребуют выложить билет, так это будет не мой, комсомольский.

– Ну, смотри... Так едешь?

– Я думаю, что надо.

Случайно Коротков-младший проговорился о возможной поездке Дузу, и он попросил, чтобы Дима замолвил слово о нем, и отец взял бы попутно и его.

Сын сказал отцу. Тот согласился с первого же слова.

– Он, кажется, на Юрге живет, где-то рядом с Попковичем. Узнай поточнее. Чего же не захватить – захватим.

Странно, откуда же это отец знает, где живет Дуз?

Таким образом, сложилась компания из пяти человек: отцовский шофер Иван Ралдугин, он брал с собой жену, двое Коротковых и Дуз.

Только перед поездкой отец пришел домой очень веселый.

– Ну, мать, где этот сукин сын? Вот наглец! Он, оказывается, обыграл меня вчистую. Весь город знает, только я, как дурак хожу, а надо мною все смеются. Нет, ты знаешь, что он учудил? Он плюнул на весь наш Уралспецстрой, не стал никого уговаривать и сделал нашу работу своими руками. При этом сдал выполненную работу заказчику – управлению строительства города – на отлично. И Медведь у него принял. Мы тут с Попковичем договорились: пусть походит мальчик, попросит, поуговаривает, а мы покочевряжимся, потом Попкович согласится. Вроде как Сергей Иванович – плохой дяденька, а Евгений Игнатьевич – хороший дяденька.

Мать с удовлетворением слушала, как отец смеялся сам над собой. Отец – он всегда отец, а услышать, что ее младшенький оказался не глупее этих двух грамотных и уважаемых в городе инженеров – это ей нравилось значительно больше.

А отец продолжал разыгрывать разъяренного специалиста, которого обошел какой-то мальчишка:

– Нет, ты понимаешь, он нам носы утер, и оказалось, что оба мы – плохие дяденьки, а хороший дяденька – это он! И то – случайно Путинцев встретился в горисполкоме и проговорился: он видел, как кожухом полотно прошили.

Ну, иди сюда, ребенок! Молодец! Экзамен на прораба сдал на отлично! Да еще и субподрядчика обставил!

Он облапил сына, крепко сжав его плечи, словно пытался побороться с ним, потом развернул его и крепко и хлестко дал по заднице.

– Вот тебе за это! А послезавтра собирайся в Бурибай. Только учти, по-моему, у Ралдугина жена немножко беременная, так пусть она в кабине с мужем едет, а мы все – в кузове. Годится?

***

Рано утром, на Юрге, на углу возле дома Попковича машину встретил Дуз с большой связкой мешков. Коротков-старший подал ему руку, помог забраться в кузов:

– Доброе утро, Дуз!

– Добрый, добрый, Сергей Иваныч!

Он одним махом перекинул свое сухое тело через бортик и очутился рядом с ним. Дима опять, уже в который раз отметил незаурядную силу и ловкость этого пожилого казаха. Но откуда они так близко знакомы?

– Па-а, а откуда ты с Дузом знаком?

Отец улыбнулся:

– Ты слышишь, Дуз, какие вопросы мне сын задает? Я думал, ему давно известно, что такого уважаемого человека, как ты, весь город знает. Нас вместе с ним в один день выбирали в горсовет, с тех пор мы и знакомы. И на заседаниях рядом сидели, и городские дела обсуждали вместе. Вместе и решение принимали, чтобы теплотрасса была введена осенью этого года.

– Я тебе скажу, Сергей Иваныч, сын у тебя – хороший прораб. В управлении работает недавно – три месяц, четыре месяц, но если честно, дела на теплотрассе у него хорошо пошли. А то, что он твою работу сам сделал и себе процентовка включил – это ты сам виноват, ты на мени не обижайся. Это каждый строитель в городе тебе правду глаза скажет. А так – неглупый он, грамотный, люди работать хорошо умеет, его ребята уважают, хоть он и моложе.

– Дуз, дорогой, ты мне его не порти, при нем его не хвали. Пусть работает, как работал.

– Ладно, – рассмеялся Дуз, – я не буду хвалить. Пусть другой хвалит.

Выехали в широкую степь, солнце уже начало вставать, но того летнего тепла уже не было. Да и время было еще раннее. Дуз предложил развернуть мешки и накинуть их на спины, чтобы не дуло. Никто не стал возражать, и в таком виде за пару часов допилили по известным одному лишь Ралдугину степным ориентирам до башкирского села Бурибай. Когда подъехали к ярмарке, солнце, основательно поднявшееся над горизонтом, уже изрядно начинало припекать.

В машине оставили ралдугинскую жену и разошлись по прилавкам и магазинчикам. У нас была известная задача: закупить овощей, особенно помидоров, огурцов, капусты и перца, приобрести пару ящиков яиц в соломе или стружке, чтобы не разбились по дороге, и

присмотреть арбузов, хотя арбузы росли на бахче возле города, пониже к Уралу. Словом, обычные снабженческие задачи на всю семью и заготовки на зиму.

Правда, двухмесячный срок практики уже давно закончился, заканчивался и срок каникул, и пора было заводить с начальством разговоры о том, что нужно покидать ставшую какой-то уж очень привычной и совсем близкой для души стройку.

А пока мы подтаскивали к машине ящики и мешки с закупленной провизией, значительно более дешевой, чем в городских магазинах, и уже готовы были двигаться в обратный путь, как Ралдугин, пошептавшись с отцом, помог жене вылезти из кабины и ушел куда-то, а мы остались в кузове.

– Что случилось? – спросил Дима отца.

– Да ничего особенного, – посмеялся тот. – Иван запасся продукцией на большую семью и поистратился. А там где-то увидел шубку хорошую и подумал, что вдруг жена ему сына подарит, а ему на ответный подарок чуть не хватает, так попросил взаймы до получки. Ну, я и дал. Пошли они за шубой.

Подошел Дуз, притащил на плечах последний мешок.

– Ну, что? Я готов ехать. Кого ждем?

– Сейчас Иван жене кое-что на ярмарке покажет, и поедем.

Подошли Ралдугины. Сели в кабину. Иван хотел бросить принесенный сверток в кузов.

– Ну, что ты, Ваня, испачкается же, – испугалась беременная жена.

Сверток решили оставить в кабине. Иван встал на ступеньку, перемигнулся с отцом.

– Ну, как, все на месте, никого не оставили? – лукаво спросил водитель.

– Все тут, никого не потеряли! – ответил отец.

– Тогда едем!

Машина развернулась, и мы двинулись навстречу быстро нагревшимся волнам горячего степного воздуха.

***

Управление получило чертежи на бетонные работы при стыковке трассовых труб с трубами ТЭЦ. Там спецмонтажники уже ставили задвижки. Надо сказать, работы были несложными, и звено Косинцева приступило к опалубочным работам. Через пару недель все люди ЖСУ покидали стык, сюда уже шли эксплуатационники.

А в самом начале трассы вырастал большой теплоцентр, откуда более тонкие трубы расходились по обеим сторонам улицы Советской. Этот теплоцентр сооружал уже прораб Петр Ефимович Гавриш, вернувшийся после лечения на строительство нового жилого квартала на другой стороне Советской.

Студент-практикант Коротков пришел в управление за получением характеристики с места работы, как всегда, после трудового дня, попозже.

Начальник ЖСУ-1 Путинцев, разобравшись с вечерними делами, махнул рукой:

– Ну, длинный Коротков, заходи! Давай мы с тобой раздавим поллитра!

Дима отшатнулся, сморщив лицо.

– Да знаю я, знаю, что оба вы с отцом – непьющие. Потому и предлагаю: поллитра минералки. Как – будешь? Ну, давай!

Расчет получил? – спрашивал он, разливая воду в стаканы. – Ага, это хорошо! Хорошо еще, что я эту бумажку не забыл написать.

И он протянул ему сероватый полупрозрачный лист, в котором говорилось о том, что студент Коротков проходил летнюю производственную практику на объектах ЖСУ-1 в качестве и.о. производителя работ. За производство работ и серьезное отношение к порученному делу он получил от строительства хороший отзыв. Учитывая, что тов. Коротков достаточно хорошо знает объекты строительства, а также имеющуюся у управления потребность в кадрах ИТР, убедительно просим командировать его на строительство комбината для прохождения последующей производственной и преддипломной практики.

– Ну, спасибо! – сказал Дима. – Так я пойду...

– Нет, ты послушай, завтра ты очень занят?

– Да нет, зайду только, с ребятами попрощаюсь, да с Гавришем.

– Ты бы нашел время зайти в горисполком, а?

– А что я там потерял-то, Василий Яковлевич? – удивился Коротков.

– Понимаешь, тут такое дело, там несколько грамот есть от имени горкома и горисполкома, а вручать их будут в субботу, когда тебя уже не будет. А у меня день завтра уж очень занятый...

– Ну, ладно, попробую.

– Ну, тогда, – до следующей практики. Приезжай. Примем с удовольствием. Ты теперь у нас свой, проверенный! – круглое лицо Путинцева выдало добродушную улыбку во всю свою ширину.

И они пожали руки друг другу.

Придя домой, он рассказал об этом отцу.

– Нет, Димка, ничего тебе не выдадут. Это не та фирма. Ладно, будь завтра в двенадцать дома, вместе зайдем. Только уж на этот раз – не в сапогах и не в униформе.

В полдень Коротков-старший внимательно осмотрел Диму и заставил надеть галстук, а потом они прошли один квартал к невысокому зданию в тени невысоких же тополей. Зашли в кабинет к секретарю горкома партии. Отец поздоровался и представил сына.

– Тот? – последовал вопрос.

– Да тот, тот самый, – смущенно ответил отец. – Хватит уж об этом. Он завтра уезжает, в институте уже занятия начались, а он еще здесь. Путинцев сказал ему, что грамота для него здесь, но я думаю, вот так запросто здесь грамоты не выдают. А торжественное собрание за третий квартал только в субботу. Выдай ему, чтобы на собрании надо мной не смеялись.

– Ой, Сергей, неохота мне, да уж ладно, пожалею. Елена Андреевна, – нажал он кнопку на столе, – принесите, пожалуйста, грамоту за третий квартал Короткову, только не перепутайте – младшему Короткову, да, да, младшему!

Секретарь, молодая, аккуратно одетая и причесанная женщина, зашла в кабинет через несколько минут с грамотой в руках, положила ее на стол и остановилась, любопытствуя, что же дальше будет.

– Ну, ты, надеюсь, после института его сюда пришлешь?

– Ага, твой-то почему-то в Ленинграде проектирует?

– Не пришлешь? Тогда не дам грамоту, – начал шутить секретарь.

– Да ты сам его спроси, Андрей. Что ты у меня спрашиваешь? – отбивался отец.

– Ну, давай и спросим. Ты куда пойдешь после института?

– А до того еще дожить надо. Во всяком случае – на интересную стройку – это точно! – ответил Дима, понимая, что отца надо выручать.

– Ладно, будем считать, что сын – в отца – вывернулся. Вот тебе за это грамота от горкома и горисполкома с благодарностью за участие в строительстве города и комбината. Честно могу сказать, что студентов мы еще грамотами не награждали. Но многие из строителей города знают – за что!

Ну, счастливого пути! Приезжай к нам еще, нам такие нужны! Будь здоров.

Дима удивился: первый раз он был в кабинете секретаря горкома, и тот пожал ему руку.

Отъезжали вместе с мамой, она решила снарядить сыновей к зиме, а потом вернуться к отцу.

***

Хорошо, что с утра мама отыскала пальто и пришила к нему отлетевшие весной пуговицы. В городе явно похолодало.

В институт Дима пришел в середине дня, когда лекции уже заканчивались. Захватив все документы по практике, он решил, прежде всего, объясниться в деканате по поводу опоздания. Сдав пальто в гардероб, он взлетел по лестнице через ступеньку. Но на последней лестничной площадке пришлось остановиться. Там стояла большая грифельная доска с поздравлением-молнией в адрес кафедры водоснабжения и канализации – победительницы соревнования кафедр, заведующий которой и был деканом строительного факультета.

Студенты нарисовали на него удачный шарж и написали четверостишие:

Сегодня наш праздник, и выпить не грех,
В доску хочу нализаться я –
За лучшую кафедру из всех –
Кафедру канализации!

С улыбкой на лице он и влетел в деканат, столкнувшись с деканом.

– Здравствуйте, Григорий Петрович!

– Здравствуйте, Коротков! Чему вы улыбаетесь? Тому, что вами до сих пор не сдан зачет по практике? Или тому, что вы опоздали к началу занятий первого семестра? Что вызывает у вас такую радостную улыбку? Чему возрадовались?

– Простите, Григорий Петрович, возрадовался я очень остроумному поздравлению вашей кафедры на «Молнии» внизу на лестничной площадке. Если позволите, я объясню и все остальное, что вызвало ваше гневное недоумение.

– Ну-ну, попытайтесь! – Лицо декана приняло очень строгое выражение.

– Видите ли, я провел вместе практику и каникулы на рабочем месте прораба в том самом ЖСУ-1, куда был направлен на практику. Зачет готов сдать хоть сию минуту – вся документация, начиная от дневника практики и кончая грамотой горкома и горисполкома, у меня с собой.

– Что, что? С каких это пор в отчет по практике входят грамоты партийных органов?

– Просто торжественное собрание строителей города по итогам третьего квартала состоится завтра, а мне выдали такую грамоту позавчера, поскольку меня и так задержали в связи с передачей объекта.

– Интересно. И чем же вы там так отличились?

В этот момент в кабинет зашли заведующая кафедрой оснований и фундаментов и ее прямой подчиненный заведующий кабинетом геодезии Николай Николаевич, тот самый, которого уже неоднократно упоминали как «нашего белогвардейца». Все учтиво поздоровались.

– Видите ли, Григорий Петрович, на практике меня направили на объект, который был весьма важен для города – до начала отопительного сезона должна быть запущена новая теплотрасса от ТЭЦ до города длиной чуть более четырех с половиной километров, пролегающая по степи и пересекающая действующую грузопассажирскую железнодорожную ветку. Трасса была выкопана экскаваторами и зачищена бульдозерами. А дальше уже и пришлось попотеть – начиная от первой бригады землекопов и кончая проходкой кожухов основных и запасного направлений. А в кожухах – трубы теплоподачи. Ну, а в остальном – трасса обычного сечения в бетонных коробах и в земле.

– Позвольте пару вопросов, Григорий Петрович, если можно, – пощупав свою остренькую бородку, обратился Николай Николаевич, – уж больно красиво и занятно рассказывает молодой человек.

– Что вы, что вы, будьте так любезны, Николай Николаевич, – ответил ему декан. – Кажется мне, что тут, как это говорят студенты, нам немного заливают.

– А вот мы сейчас это заодно и проверим, – улыбнувшись, вытащил какой-то лист из папки преподаватель геодезии. – Чертите схему вашей трассы, молодой человек!

– Так, Николай Николаевич, это же четыре с половиной километра, а на них семь компенсаторных ниш... – опешил Коротков.

– Вот и чертите, – настаивал Николай Николаевич.

– Я-то готов, – отвечал студент. – Извините, если что-то будет немного не в масштабе. И, наверное, одного-то такого листика будет маловато.

– Нет, товарищи, я так не могу, – заявила решительно Людмила Ивановна. – Вот так принимать зачет по практике... Мне ни время, ни подготовка не позволяют. Я вас оставлю. А вы, Николай Николаевич,

потом, будьте добры, зайдите ко мне.

– Да мы и не собираемся зачет принимать, Людмила Ивановна, – почти в упор с Коротковым склонившись лбами отвечал главный геодезист института, – но, кажется мне, тут что-то нам действительно «заливают». Я зайду, зайду.

Так, а это что же, компенсаторная ниша на изгибе?

– Да, так ленинградцы заложили в проект, – ответил Дима. – Говорили, что при сдвиге вполне допустимо.

– Хм, интересно... Ага, а вот здесь вы и пересеклись с железнодорожным полотном?

– Ну, да.

– И разрешения на проходку получили?

– Если честно говорить, то получили разрешения на открытую, траншейную проходку в отдельные дни, а проходили в течение трех недель фактически непрерывно.

– Без разрешения? – возмущение Николая Николаевича было показным.

– А что было делать, если чиновники затянули решение вопроса, а потом отвернулись от него – решайте сами!

– И вы взялись решать?

– Так я же говорю: что было делать? Загнали трубы кожухов на четырехметровую глубину, поставили упорные стены и поперли их домкратами по шпалам в грунт. Нам повезло: когда первый кожух прошел всю толщу, как раз в это время приехал начальник ЖСУ. Он сам видел, как земля высыпалась с другой стороны трубы кожуха, как ребята орали «Ура!» и шапки бросали вверх. А, когда надо было проверить горизонтальность, он сам, простите, в трубе помочился. А жидкость никуда и не пошла – ее на шестнадцать метров не хватило! И нивелир показал отклонение один миллиметр – это на шестнадцать метров-то.

Ну, там, в одном кожухе из-за бетонного куска в грунте получили шесть миллиметров по горизонтали и шестнадцать по вертикали. Заказчик принял. У меня копия акта с собой.

– Ладно, кто геодезические работы вел? – поинтересовался декан.

– Так там специалистов хороших нет, у них в мастерах люди с начальным образованием ходят, – уклончиво, глядя в сторону, протянул Дима.

– Я про геодезию спросил, – повторил Григорий Петрович, переглядываясь с Николаем Николаевичем.

– Ну, я, раз больше некому, – потупился Коротков. – Нивелир там только с перекладной трубой, а теодолит хороший, современный.

– Молодой человек, я всегда утверждал, что нивелир с перекладной трубой...– проговорил, акцентируя известную геодезистам истину, Николай Николаевич...

– ...самый надежный, – это я знаю, – подтвердил Дима.

– Если честно, Григорий Петрович, – завершил свое вмешательство Николай Николаевич, почесывая бородку клинышком, – не знаю, как вы там будете решать вопрос с зачетом-незачетом, но я бы попросил молодого человека – как его фамилия и группа? позвольте, запишу – если он не будет возражать, на базе студенческого НТО подготовить для моего потока сообщение о проходке теплотрассы под действующей железной дорогой. Отдельно выделить геодезические работы, конечно. С моей точки зрения, таких интересных работ с практики нам давно уже никто не привозил.

Извините, меня там Людмила Ивановна ждет.

И церемонно, по-старому откланявшись перед каждым, Николай Николаевич покинул кабинет декана.

***

За окном заморосил дождь с мокрым снегом...

Д.Н.МАМИН-СИБИРЯК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТЫЙ

УРАЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ

Екатеринбург
Издательство
«Банк культурной информации»
2011

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк – признанный литературный классик не только регионального (в пределах Урало-Сибирского края), но и общероссийского масштаба. Однако для нас, жителей-уральцев, может быть, еще важнее тот факт, что Мамин – фигура поистине знаковая. По своему значению Мамин-Сибиряк – это первый «фундатор» идеи Уральского края, непревзойденный выразитель его особого быта, оригинальной природы и символической содержательности. В отношении подобных деятелей культуры, именитых сыновей уральской земли, закономерно встает вопрос о необходимости всемерного почитания и бережного хранения потомками их священной памяти, о постоянной актуализации художественно-эстетического потенциала их неумирающего творческого наследия. Решению именно такой задачи призван научно-исследовательский и культурно-просветительский проект — Полное собрание сочинений Д.Н.Мамина-Сибиряка в 20-ти томах. Предпринятое по решению правительства Свердловской области в год 150-летия со дня рождения писателя (2002-й год), настоящее издание предусматривает двадцать полновесных томов и призвано стать в перспективе самым полным собранием сочинений Д.Н.Мамина-Сибиряка, объединившим в своем составе всё рукописное и печатное наследие автора. Более того, оно может по праву считаться первым и уникальным опытом собрания сочинений писателя, полностью выверенного с научно-критической точки зрения, по своему составу и характеру филологических комментариев приближающегося к академическому изданию произведений ведущих российских классиков – И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, Н.С.Лескова, А.П.Чехова и др.

*От редакции
ПСС Д.Н.Мамина-Сибиряка.*

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ ТРОШИН

Пьеса с прологом, эпилогом и 9-ю ситуациями.

Алексей МОЛЧАНОВ,

Главный специалист по связям со СМИ ООО «Уралдрагметхолдинг», г. Екатеринбург.

ПРОЛОГ

(Открывается занавес. На заднике сцены-фотографии достопримечательностей Екатеринбурга. Появляется ведущий, за ним – десять молодых людей в черных водолазках и джинсах. Фоном звучит песня «Перекресток» в исполнении Трошина).

Ведущий (обращаясь к залу): Раньше такого не было. Совсем недавно появились на наших улицах фотостенды со словами «Екатеринбург гордится своими...». Пока это лишь два-три имени известных земляков. А ведь их немало. Тех, кто родился, как и мы, на Урале, и тех, кто прославил наш край.

(Прожектор высвечивает адрес: «Ильича, 17», фрагмент дома довоенной постройки).

Парень (поворачивается к воображаемому дому, поднимает голову и кричит): Вовка, пойдем мяч погоняем!

Володя (из-за кулис): Вот книгу дочитаю и выйду. Сегодня надо в библиотеку сдать.

Ведущий: Этого парнишку хорошо знали ребята с улиц Ильича, Кировградской... Выдумщик, затейник, книгочей, и шахматист, и «Ворошиловский стрелок». И мечтатель: «Давай спорить про Вселенную, про жизнь, про будущее!» Это Володька. И полные карманы камней, найденных на раскопках, за пазухой – всегда книги... А в общем-то, такой же, как все, у кого родители работали на Уралмаше, а жили большими семьями в коммуналках в четырехэтажных домах, построенных в первые пятилетки.

Один из молодых людей. Но однажды он, как и мы, в юном возрасте, сделал первый шаг в артистическую среду, чтобы стать отнюдь не рядовым служителем Мельпомены.

Ведущий: По мнению известного поэта Николая Доризо, Владимир Трошин – наша советская эстрадная суперзвезда, МХАТ нашей песни. Сегодня мы пытаемся заново переосмыслить творчество артиста, внимательно вглядеться, понять это явление. А что Трошин – явление, доказывает хотя бы такой факт: директор одной из крупнейших фирм грампластинок во Франции Жан Руар как-то сказал, что пластинки, напетые Трошиным и переписанные этой фирмой, раскупаются в течение двух-трех дней. Это во Франции, – в стране Монтана, Трене, Азнавура и Шевалье! А еще поэт Лев Ошанин считал, что среди тех, кто возродил советскую песню в 60-х годах прошлого века, одно из первых мест по праву занимает Владимир Трошин. Корифеи отечественной эстрады

Кадр из кинофильма «На графских развалинах».

Иосиф Кобзон, Лев Лещенко называют себя его учениками. Его выделяли из общей плеяды певцов, блиставших в то время, такие мастера мировой сцены, как Марлен Дитрих, Алла Боянова, Борис Рубашкин. Но... артист на Родине не дождался телевизионных бенефисов, музыкальных ревю, где бы он мог выразить себя, свою неповторимую песенную личность. Сценарий телефильма-концерта, написанный писателем Варленом Стронгиным, не был пропущен, потому что ровно половину его стоимости Стронгин должен был отдать редактору. Писатель даже не знал о таком «порядке». А сам Трошин был скромный, не пробивной, честный русский артист. Считал актерство главным в жизни. И не любил кого-то о чем-то просить, что-то доказывать. А взяточничество на телевидении процветало уже тогда. Нашей работой мы хотим воздать дань памяти этому замечательному исполнителю, для которого характерной особенностью стал не приоритет вокала, а выразительность пения, стремление к более глубокому раскрытию содержания произведения, к созданию образа песни. Итак, мы начинаем!

СИТУАЦИЯ ПЕРВАЯ

(Несколько человек хватают в охапку молоденького паренька и выталкивают его на передний план, где за столом сидит комиссия в составе трех человек).

Один из членов комиссии: Ну, что будете читать, молодой человек?

Трошин: Гоголь. Отрывок из поэмы «Мертвые души». *(Начинает сначала робко, затем смелее)* Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Русь, куда же несешься ты, дай ответ?

Член комиссии: Спасибо! А теперь басню!

Трошин: Простите, не знаю.

Члены комиссии (возмущенно, перебивая друг друга): Как так, вы ведь знали условия конкурса, почему не подготовились должным образом?

Трошин: Извините, ради Бога, я должен покаяться. Я не поступал к вам, не хочу быть артистом, это все наши, уралмашевцы, меня впихнули помимо воли, пытался выкрутиться, но не получилось, извините *(направляется к дверям)*.

Председатель комиссии: Стоп! Вернитесь, идите сюда, садитесь. Расскажите о себе!

Трошин: Родился в рабочем поселке Михайловском Нижнесергинского района Свердловской области 15 мая 1926 года в многодетной семье. Мой отец Константин Михайлович был токарем высокой квалификации. В 1934 году мы переехали на Уралмаш. Отца назначили сменным мастером цеха № 2. С начала войны он перешел на казарменное положение. Летом 1942-го Константин Михайлович умер от страшного переутомления. Старший брат – летчик, воюет с фашистами. Я занимался в драмкружке клуба имени Сталина.

Председатель комиссии: Если у вас есть свидетельство об окончании десятилетки, то мы вас примем в театральный институт.

Трошин: У меня только девять классов. Но я через год десятилетку окончу, я ведь учусь в вечерней школе.

Председатель комиссии: Нет, это долго – через год, нам нужно, чтобы к осени у вас был аттестат.

Трошин: Тогда я экстерном сдам.

Председатель комиссии: Дерзайте, юноша!

Ведущий: Так Трошин стал студентом Свердловского театрального института. А год спустя в столицу Среднего Урала приехала отборочная комиссия МХАТа для набора студийцев. Тут уже Володя Трошин подготовился основательно и выдержал серьезный конкурс: 200 человек на место! Он поехал учиться в Москву!

СИТУАЦИЯ ВТОРАЯ

(Звучит песня о Москве из кинофильма «Свинарка и пастух». К рампе выходят десять парней и девчат).

Трошин: Ну что, студийцы-мхатовцы, давайте знакомиться *(протягивает руку)*. Володя Трошин!

Озеров: Коля Озеров!

Дружников: Володя Дружников!

Давыдов: Владлен Давыдов!

Пуговкин: Миша Пуговкин!

Покровский: Алеша Покровский!

Ханаева: Лена Ханаева!

Кошукова: Луиза Кошукова!

Юрьева: Маргарита Юрьева!

Макарова: Инна Макарова!

Калинина: Валя Калинина!

Трошин (Ханаевой): Лена, давай к зачету по вокалу выучим дуэт: «Мне кажется порою, что я уже старею!»

Ханаева (с усмешкой): «Но нет, это неправда, вы молоды, как я!»

Пуговкин: А я с Трошиным хочу спеть «Горит свечи огарочек, гремит недальний бой». Как-никак, я – фронтовик.

Озеров: Володя, а правда, что наш педагог по вокалу Наталья Макаровна Куприянова посоветовала тебе идти в консерваторию?

Трошин: Это так, но я сказал, что коли попал в школу МХАТа, великого театра, вышки театрального мирового искусства, то никуда, ни за что не уйду отсюда, если, конечно, меня не выгонят. Учиться здесь – беспредельное счастье для меня. А, кроме того, я же знаю, что никогда не смогу петь так, как поют оперные певцы: бельканто, протяжно, беря высокие ноты. Нет у меня такого могучего голоса, такого посыла, мне не дано это. Замечательно пел родитель, но скажи ему кто, что смог бы стать настоя-

щим актером, певцом, первым бы наверняка рассмеялся на такое предложение...

Ханаева: А ты не смейся! Ты понравился моему отцу Никандру Сергеевичу, а он, на всякий случай, – первый тенор Большого театра. Ты обязательно будешь петь!

СИТУАЦИЯ ТРЕТЬЯ

(Трое бандитов о чем-то совещаются и курят, сидя на корточках, затем поднимаются).

Один из них: Ну, ладно, Иван, мы пошли брать магазин, а ты стой на шухере. Кто пойдет, так ты его ломом!

(Двое уходят. Идет Трошин с букетом цветов).

Третий: Эй, очкарик, закурить не найдется?

Трошин: Я не курю!

Третий (достает монтировку, замахивается): Деньги на бочку!

(Завязывается драка, появляется Рая).

Рая: Помогите!

Третий: Братва, атас! *(свистит, убегает).*

Рая (достает носовой платок, вытирает кровь с лица Володи): Ты хорошо дерешься, Володя!

Трошин: Это мне от отца с генами передалось! В Михайловском, где я родился, мы, Трошины – горинские, значит, жители улицы, примыкавшей к горе. А на другой стороне поселка, у завода, до которого от нашего дома километра три, располагалась улица Мастеровая, «мистровушка», а по-нашему, где жили самые-самые рабочие и мастера с Михайловского завода. Так вот, приглянулась отцу красавица с «мистровушки», а нравы в поселке были строгие, свой кодекс неписаный имелся, и нарушать его никому не позволяли. «Ты за девками на нашу улицу не ходи», – гласил один из пунктов этого кодекса. Но отец неоднократными предупреждениями пренебрег. Продолжал часами вышагивать под окнами дома заводского мастера Баранникова, чтобы хоть на мгновение, хоть в окне увидеть, пусть даже мельком, любимый образ баранниковской дочери. Приходил на тамошнюю лавочку, в общем, всерьез положил глаз на Аннушку. Ну, и дождался от парней с «мистровушки» серьезной головомойки. Отбивался отчаянно, как лев, но мистровушные парни взяли если не силой, то количеством. Крепко поколотили отца, не один день в синяках да вывихах отлеживался. Но дух верного кавалера не сломили! Оклемался Константин Трошин, залечил побои и, первым делом, – на «мистровушку» к своей зазнобе. Такой верностью и настойчивостью окончательно растопил суровые сердца ее родни. Сыграли свадьбу, образовалась новая и счастливая, как оказалось, семья. Кстати, с обидчиками своими, парнями с Мастеровой улицы, отец сполна расквитался. Подкараулил каждого по отдельности и полновесными тумаками да затрещинами отдал должок... Ну, а теперь, Рая, расскажи про себя!

Рая: Родилась в Москве, была третьим ребенком в семье. Родители – люди не сильно образованные, но житейски мудрые, отдали меня в десятилетнем возрасте в хореографическое училище Большого театра. Во-первых, потому что оно находилось недалеко от их дома, а во-вторых, и это самое главное – будущих танцовщиков ставили на спецпаек, что в голодное военное время давало шанс сохранить жизнь и здоровье детей. Еще раньше туда же были определены и два мои старших брата – Юрий и Леонид. После окончания училища устроилась в ансамбль Военно-морского флота. А ты, Володя, любишь танцевать?

Трошин: В школе-студии МХАТ нас обучали и народному, и классическому танцу!

(Володя приглашает Раю на танец под песню «Ночной разговор»).

Ведущий: Они прожили вместе 55 лет! Она растворилась в делах и заботах Володи. Рая любила Володю самоотверженно, по-матерински – выше материнской любви ничего не может быть. У них были ссоры, но несмотря ни на что, в дни самых острых размолвок завтраки, обеды, ужины исправно подавались на стол, концертный костюм в идеальном виде висел на «плечиках», ноты, клавиры уложены в папку. В этой семье никогда не звучало: «Это твое дело!», «Готовь себе сам!», «Живи как знаешь!» – и тому подобное. Рая не бросала Володю ни на минуту. Ну, а братья Ждановы стали ведущими солистами балета Большого театра, Народными артистами России. Юрий проявил себя еще и как талантливый художник. В Москве не раз устраивались его персональные выставки. А михайловский поэт Валентин Мешавкин посвятил Рае стихи, воздав должное ее подвижничеству во имя таланта, во имя любви.

Мужей великих жены неподсудны.
За суетою повседневных дел
Им уготован жизнью многотрудной
Святых великомучениц удел.
Повенчанная с гением, отныне
На подвиг и на боль обречена,
Она не просто друг, а берегиня:
И няня, и прислуга, и жена.
Ее избранник яростно шагает,
Необъясним, двужилен и велик,
Не прожигает жизнь – себя сжигает,
За всю страну душа его болит.
А женщина, неведомая миру,
За ним – не с ним – с тоской наедине...
И если ставить памятник кумиру,
То ставьте рядом памятник жене.

СИТУАЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

(По авансцене идут две театралки).

Первая: Вчера была во МХАТе. Смотрела «Двенадцатую ночь» Шекспира.

Вторая: Ну, и как?

Первая: Много музыки, много замечательных песен, которые написали композитор Эдуард Колмановский и поэт Павел Антокольский. Больше всех понравился молодой артист Владимир Трошин. Какой у него получился умный, ироничный Шут Фест! Чуть грустные и мудрые музыкальные миниатюры о любви и смерти дополняют этот подлинно шекспировский образ.

(Оборачиваются и смотрят вглубь сцены, где разыгрывается фрагмент из спектакля «Двенадцатая ночь»).

Трошин (в роли Шута): Как дела, красавчики? Видели вы вывеску «Нас здесь трое»?

Сэр Тоби: Здорово, осёл! А нука споем застольную.

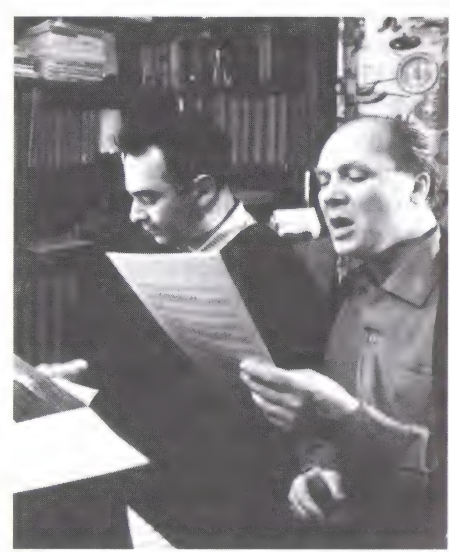
С Андреем Эшпаем.

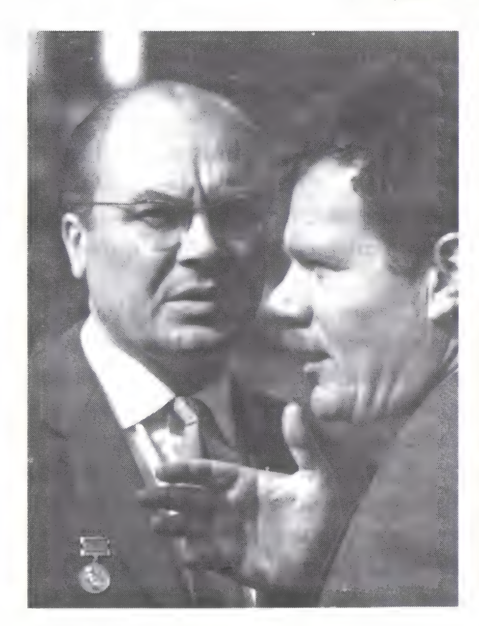
Во время гастролей в Свердловске.

В студии звукозаписи.

С Эдуардом Колмановским.

С однокурсником
Михаилом Пуговкиным.

С Никитой Богословским и Марком Фрадкиным.

Сэр Эндрю: Ей-богу, у этого дурака замечательный голос. Будь у меня такая сладостная глотка и такие икры, как у этого дурака, я бы их и на сорок шиллингов не сменял. Знаешь, ты отлично валял дурака вчера ночью, когда болтал о Пигрогромитусе и о вапианцах, которые прошли по Квеубусскому меридиану. Провалиться мне, очень здорово. Я послал тебе шестипенсовик для твоей девчонки. Ты получил?

Трошин (в роли Шута): Да, я приручил его к ней, потому что нос у Мальволио чует, но не бичует, у моей красотки ручки не коротки, а мирмидонцев не пускают туда, где выпивают.

Сэр Эндрю: Замечательно! Чепуховей этой чепухи не придумаешь. А теперь запевай.

Сэр Тоби: Мы ждем. Вот тебе шестипенсовик. Заводи песню.

Сэр Эндрю: И от меня столько же. Если один рыцарь дает...

Трошин (в роли Шута): Вам какую песню – любовную или поучительную?

Сэр Тоби: Любовную, любовную!

Сэр Эндрю: Конечно, любовную! Ненавижу поучения!

(Трошин в роли Шута поет «Поздно ночью»).

СИТУАЦИЯ ПЯТАЯ

(Декорации студии. Микшерский пульт, микрофоны.).

Фельцман: Здравствуй, Володя! Я – Оскар Фельцман. Слышал, как ты пел в Доме музыки Союза композиторов на Огарева несколько музыкальных опусов из театральной постановки «Двенадцатая ночь». Это понравилось не только мне, но и моим коллегам Аркадию Островскому, Марку Фрадкину, Никите Богословскому, Анатолию Лепину, Тихону Хренникову. Я предлагаю записать тебе песню «14 минут до старта». Стихи к ней сочинил редактор Всесоюзного радио Володя Войнович.

Трошин: О чем она?

Фельцман: Открою тебе тайну: на днях состоится старт космического корабля с первым космонавтом на борту. Наша песня – предчувствие этого события. Вот тебе клавир *(протягивает Трошину ноты)* и за работу!

Ведущий: Запуск корабля «Восток-1» с Юрием Гагариным по техническим причинам отложили на 3 месяца, поэтому и песню попридержали. Зато потом она всякий раз звучала по радио в честь каждого нового старта, стала гимном космонавтов. Трошин исполнил ее и в чрезвычайно популярной телепередаче «Голубой огонек», где ему подпевали Гагарин, Титов, Попович, Николаев. А потом автор слов Войнович уехал за рубеж, и песню запретили. В 1991 году, когда отмечалось 30-летие полета Юрия Гагарина, ее решили снова дать в эфир. Однако в фондах радио песни не оказалось: ее попросту размагнитили. Выручил Трошин: в его личной фонотеке сохранилась единственная копия. Так была восстановлена историческая справедливость. «Я верю, друзья» – именно под таким названием она вошла в сборник «Поет Владимир Трошин», вышедший в издательстве «Музыка», вновь прозвучала по радио и в телепередаче «Старая квартира».

(Затемнение. На экране появляется фотография Гагарина, кадры запуска корабля, встречи космонавта. Звучат позывные «Широка страна моя родная», Левитан читает сообщение о старте «Востока-1», голос Гагарина «Поехали!» – и песни по куплету в исполнении Трошина «На дальних тропинках», «Шаги», «И на Марсе будут яблони цвести») .

СИТУАЦИЯ ШЕСТАЯ

Трошин: Я поражен и, не скрою, обрадован. Неужели вы, блистательный режиссер таких фильмов, как «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна» Григорий Александров приготовили мне какую-то роль? Если так, что же это за образ такой замечательный, если сам режиссер звонит актеру? Ведь обычно это делают ассистенты?

Александров: Володя, можно я вас буду так называть, просто по имени, ведь я старый, а вы совсем еще молодой?

Трошин: Бога ради, Григорий Васильевич!

Александров: Предложение у меня к вам очень серьезное, поэтому я решил действовать без посредников. Дело в том, что в Европе организован кинофестиваль всех времен и народов. Туда каждая страна имеет право выставить пять картин. Мы отобрали, в том числе, и «Веселые ребята». Но в связи с тем, что фильм 1934 года выпуска и аранжировка музыки по теперешним понятиям очень примитивная, всю фонограмму обязательно нужно переписать. Будет это делать Вадим Людвиковский со своим оркестром. Это замечательный музыкант. Когда он создал свой коллектив, у нас в стране впервые появился оркестр, исполняющий эстрадную музыку, на европейском уровне. Вам же, Володя, предстоит переписать Леонида Утесова по всему фильму, и речь, и пение.

Трошин: Да как же так, ведь Леонид Осипович жив! Более того, мы с ним довольно часто встречаемся на одних концертных подмостках.

Александров: Верно! Но, к сожалению, спеть за молодого киногероя-пастуха, чтобы вокал его прозвучал в кинофильме задорно и молодо, он уже не в состоянии. Это не предположение, а факт: Леонид Осипович пытался переозвучить сам, но был вынужден признать, что не справится с задачей.

Трошин: А вы еще кого-нибудь пробовали?

Александров: Разумеется, и не одного актера, но всех их Утесов забраковал, а благословил только вашу кандидатуру. За работу, Володя!

(Демонстрируется фрагмент из кинофильма «Веселые ребята» с голосом Трошина. Трошин смотрит на экран. Вдруг какой-то человек передает ему конверт).

Трошин (открывает и читает вслух): «Как вы, молодой певец, решились при живом артисте, Леониде Утесове...» Боже мой, какой кошмар! *(бежит к Александрову)*. Григорий Васильевич, я получил

письмо от Леонида Осиповича. Что же вы молчите, ведь, оказывается, вы мне сказали неправду. По письму я понял, что он не знал, что его дублируют...

Александров: Да, Володя, мы вынуждены были вас обмануть, потому что Утесов категорически не соглашался, чтобы его кто-то переозвучил. Но задание Отдела культуры ЦК КПСС не выполнить мы не могли, поэтому пошли на такую хитрость. Вы замечательно справились с задачей, работа выполнена отлично, мы благодарим вас за нее и, ради Бога, если можете, простите меня!

Ведущий (выходит на авансцену): В течение долгого времени Утесов и Трошин избегали всяческих встреч, отказывались участвовать в совместных концертах. В уважаемой газете появилась статья, автор которой гневно вопрошал, как Трошин посмел переозвучить живую легенду отечественной эстрады? И вот однажды в очередном гастрольном городе Володя после концерта встретил ватагу оркестрантов Утесова.

Первый музыкант: Привет, привет! Со свиданьицем! Мир тесен!

Второй музыкант: Иванов здесь!

Ведущий: Почему-то они так называли в своем кругу Утесова.

Трошин: Где?

Второй: У окна.

Трошин: Эх, была, не была! *(направляется к Утесову)*.

Ведущий: Как в прорубь, бросился Володя к окну, чуть ли не упал на колени, и взмолился выслушать. Сбивчиво, боясь быть прерванным, как на духу, исповедался перед мэтром, рассказал все, как было и, наконец-то выговорившись, чувствуя огромное облегчение, замер покаянно.

Утесов: Да, так и было? Ай-яй-яй, Гришка, подлец, учудил.

Трошин: И Любовь Петровна ни разу даже намеком не предупредила меня, а ведь проработали бок о бок на озвучании целый месяц.

Утесов: Ну, Любка, ну... *(сигнал перебивает непечатное выражение)*, как она-то могла! Не ожидал! Ну, вот что... Ты ни в чем не виноват, ты пострадал, сколько страдал?

Трошин: Три года.

Утесов: Ай-яй-яй! Ладно, ты хороший парень, отлично поешь, поэтому давай сходим в буфет и примем по коньячку.

Трошин: Да у меня поезд скоро!

Утесов: Ничего, поезд подождет, как говорится у вас во МХАТе в одной пьесе.

(Уходят).

СИТУАЦИЯ СЕДЬМАЯ

Вельможная дама: Просим вас, уважаемый Владимир Константинович, принять участие в концерте Марлен Дитрих.

Трошин: В каком качестве!?

Вельможная дама: Отработать в нем первое отделение.

Трошин: Насколько мне известно, на него уже набрана большая группа артистов.

Вельможная дама: Да, вы правы, программа была сверстана, но комиссия Министерства культуры с участием работников ЦК партии...

Ведущий: Опять всемогущий ЦК партии!

Вельможная дама: ...посмотрела эту программу и отменила ее. И решила высокая комиссия, что выступать в первом отделении гастрольного концерта Марлен Дитрих в Москве надо вам. Обратите внимание, Владимир Константинович, комиссия не предложила это, не просит вас выступить, а так решила *(выделяет интонацией последнее слово)*. Вопросы есть?

Трошин: Есть! Не столько вопросы, как возражения.

Вельможная дама: Слушаем вас.

Трошин: В щекотливое положение попадаю я после такого решения высокой комиссии. Как я буду стоять на сцене, примерно час времени, и знать, что зал ждет, когда же я с нее уберусь, чтобы послушать ту, на которую они так стремились, – Марлен Дитрих.

Вельможная дама: Ну, ничего не поделаешь, такая ваша работа *(выделяет последнее слово)*. Так вам велено.

(Трошин выходит на авансцену и поет песню «Тишина». В это время в кулисе появляется экстравагантно одетая Марлен Дитрих и внимательно слушает его. Появляется красивая девушка с подносом, на котором стоят три рюмочки коньяка. Трошин заканчивает пение и уходит. Дитрих предлагает ему рюмочку. Тот жестом отказывается).

Дитрих: Владимир, я пью не для удовольствия, а исключительно для дела. Скажу вам честно: мне уже 64, примерно через полчаса нахождения на сцене я утомляюсь, садится голос, организму требуется энергетическая подпитка, голосовым связкам – спиртовая смазка. А за столом горячительное мне и вовсе не нужно. Но я хочу выпить за достойного партнера – за вас.

(Дитрих выпивает).

Дитрих (улыбаясь): Когда вам будет 64, вспомните мой совет.

(Звучит куплет из песни «Когда мне будет 64» в исполнении ансамбля «Битлз»).

СИТУАЦИЯ ВОСЬМАЯ

Трошин (у себя дома сидит в кресле и читает письмо): «Примерно тридцать лет, как я отошел от сочинительства музыки. Но теперь, поняв, что у меня в Вашем лице появился мой исполнитель, пишу Вам с предложением о встрече. Мы обязательно должны встретиться. Надеюсь, что мы еще вместе что-то сотворим. Оскар Строк». Неужто это тот самый Строк? Вспоминаю годы юности, Свердловск, танцплощадку, которую мы, пацаны, называли «Сковородкой» – огромный деревянный круг в саду Уралмашзавода, куда вся окрестная молодежь собиралась вечерами на танцы. Танцевали под виниловые пластинки. Тот, кто ставил их на патефонный диск в помещении перед микрофоном, в нынешней терминологии диск-жокей, – был, помнится, оригинальным человеком: он не просто прокручивал пластинку за пластинкой, а еще и на свой лад объявлял музыкальные номера. Например: «Сейчас вы будете иметь удовольствие танцевать под музыку всемирно известного короля танго Оскара Строка». И хочется верить в чудо

и не верится. Неужели «король танго» считает, что я его исполнитель? Его произведения пели такие легенды, как Петр Лещенко, Никольский, Морфесси. Неужто и мне отведено место в этом венценосном ряду?! Не может быть! Легендарный композитор из иных времен, как человек воспитанный, светский, решил, скорее всего, потешить мое самолюбие, сделать приятное певцу иного, чем он сам, поколения. Ведь доброе слово, комплимент – это самая необременительная для одаривающего трата, а человеку, получившему такой словесный подарок, что ни говори, приятно. После этого в дальнейшем общении он, можно не сомневаться, будет наособицу учтив и внимателен.

(Раздается телефонный звонок. Трошин берет трубку).

Голос по телефону: Здравствуйте, я – Оскар Строк.

Трошин: Где вы, маэстро?

Голос Строка: В гостинице «Москва». Жду вас».

Ведущий: И Трошин отправился по указанному адресу.

(Гостиничный полулюкс. Трошин и Строк пожимают друг другу руки).

Трошин (почти кричит от волнения): Где вы, откуда?

Строк: Откуда-откуда, я – из той Риги.

Трошин: Из какой такой той Риги?

Строк: Из той, которой вы протянули руку дружественной помощи. Когда это произошло, мы, рижане, чуть не протянули ноги.

(Смеются).

Строк: Не далее, как вчера, меня приняла министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. Уступила просьбе старика *(улыбается)*. Отвела в своем министерском расписании пару минуточек. Но я, едва оказался в кабинете министра, испросил разрешение хозяйки на музицирование и прямиком устремился к роялю. Догадался, что Екатерина Алексеевна плохо понимает, кого согласилась принять. Ну, что ж, пусть поможет ей в этом музыка. Опустился на стул перед роялем, поднял крышку над клавиатурой и, без промедления, обрушил на мою единственную слушательницу попурри из моих произведений.

(Фоном начинают звучать инструментальные версии танго Строка в исполнении ансамбля «Мелодия»).

Строк (продолжает): Услышав такты «Лунной рапсодии», «Голубых глаз», «Скажите почему», Екатерина Алексеевна ахнула, по-женски непосредственно и трогательно всплеснула руками и даже прослезилась. Еще бы! Эти и другие мелодии хоть на время, но вернули ее во всегда замечательную пору юности, молодости, живо напомнили о душевных переживаниях той поры, об обретении первой любви, о неизбежных первых утратах. Прослушав с затаенным дыханием мое попурри, Фурцева заявила, что предоставляет мне карт-бланш, могу записать все, что пожелаю. Пообещала тотчас распорядиться, чтобы на государственной фирме звукозаписи «Мелодия» наилучшим образом приняли меня, создали все необходимые условия для творчества, выпустили записи массовым тиражом. Хотите авторские концерты – пожалуйста. В самых лучших залах столицы. Все, что душе угодно. И вот я, вдохновленный таким приемом министра культуры страны, встречаюсь с вами. Давайте же, мой дорогой, работать.

Трошин: И что бы вы хотели со мной сделать?

Строк: Всё.

Трошин: Что значит «все»?

Строк: Все, что успеем. Мне уже за восемьдесят. И без анализов видно, что самочувствие мое не ахти. Сколько мне осталось, не знаю, скорее всего, немного, поэтому давайте без промедления начнем».

(Трошин подходит к микрофону и поет танго «Старинный романс» на стихи Виктора Бокова).

СИТУАЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Ведущий: «Вот и двадцатый кончается век, и начинается новый забег». В начале XXI века Трошин выступал в программе с символичным названием «Команда молодости нашей», в которую, кроме него, входили Тамара Миансарова, Галина Ненашева, Геннадий Каменный, Гарри Гриневич. У него появились не только талантливые ученики, но и беспринципные и грозные конкуренты. Вот что случилось однажды на гастрольном маршруте.

Василий: Здравствуйте, Владимир Константинович!

Трошин: Здравствуй, Василий!

Василий: Меня направили для усиления вашей команды. Приятно работать с ветеранами сцены. По замыслу режиссера, я буду завершать концерт «Подмосковными вечерами». Вы все выйдете на сцену и мне подпоете, песню подхватит зал, представляете, как это будет эффектно! А взамен, Владимир Константинович, предлагаю военный ансамбль песни и пляски, с которым я в последнее время работаю. Они саккомпанируют вам. Представляете, на сцене 60 человек: хор, оркестр, балет. Такая мощная поддержка!

Трошин: Но «Подмосковные» – это моя песня. Нет, Василий!

Василий: Какая же она твоя?! Ведь ее сочинили композитор Василий Соловьев-Седой и поэт Михаил Матусовский!

Трошин: А вот послушай, что я тебе расскажу! Было это в 1957 году.

(Звучит инструментальный вариант песни «Подмосковные вечера», в глубине сцены разыгрывается интермедия).

Трошин: Что это, Василий Павлович?

Соловьев-Седой: А это неудача, в корзину!

Трошин: Можно я попробую?

Соловьев-Седой: Эту песню лет пять назад пел дуэт солистов из Мариинки, только это были «Ленинградские вечера», потом думали сделать «комаровские», так как у меня в Комарово дача. Спасибо Мише Матусовскому, что уговорил на вечера «подмосковные». А для фильма «В дни спартакиады» ее уже записал ведущий солист Большого театра, да так, что комиссия немедленно забраковала ее. Зачем она тебе? Говорю же – не годится!

Трошин: Но я вас очень прошу!

(Подходит к микрофону и поет).

Соловьев-Седой: А что, теперь вроде получилось!

(«Подмосковные вечера» звучат по куплету на русском, немецком, английском, итальянском языках, на экране идут кадры Международного фестиваля Молодежи и студентов в Москве).

ЭПИЛОГ

(На сцену выходят все участники спектакля).

Ведущий: Позже песня была записана на Всесоюзном радио в сопровождении эстрадно-симфонического оркестра под управлением Виктора Кнушевицкого, который придумал аранжировку с женским хоровым вокализом. Именно этот дубль и прозвучал в популярной тогда передаче «Сельский час». Кто бы мог подумать, что песня, облетев весь мир, станет визитной карточкой не только Владимира Трошина, но и нашей страны (подобно американской «Wonderful peace», английской «Yesterday») и певцу придется ее записывать на пяти языках для Международного фестиваля молодежи и студентов. Товарищ Трошина по песне Марк Бернес скажет: «Лучше Трошина ее уже не споешь». «Подмосковные вечера» Владимир Константинович пел на фестивале «Из XX в XXI век», где получил диплом за исполнение одной из лучших песен уходящего столетия.

Владимира Трошина не стало 25 февраля 2008 года. Тысячи людей пришли в Центральный Дом кино проститься с народным артистом России, лауреатом Государственной премии, почетным гражданином Свердловской области Владимиром Трошиным. Его последний приют – Троекуровское кладбище столицы. Эпитафией замечательному артисту эстрады, театра, кино стали стихотворные строки Валентина Мешавкина:

Потеря близких сердце ранит.
Но сколько ты с судьбой не спорь,
Напрасны будут все старанья,
Когда разлучница нагрянет,
Повсюду сеющая скорбь.

Она пришла неотвратимой
Бедою, подхлестнув недуг,
Чтоб солнце жизни закатилось...
И был повержен Константиныч,
Как молнией могучий дуб.

Любим семьею и друзьями,
Народом Родины своей,
Попутно с добрыми делами
Он остается в песнях с нами.
Недаром для живых людей,

Не потускнев от слез соленых,
От горьких поминальных слез,
Звезда, скатившись с небосклона
Для памяти и для поклона,
Осталась на «Алее звезд».

(Появляется девушка с цветами в руках. На заднике – Доска с профилем и Звезда на площади Звезд).

Девушка: Как хорошо, что есть места, куда можно положить цветы Владимиру Константиновичу... В Екатеринбурге – к памятной доске на доме его детства, к Звезде Трошина у театра эстрады. В Михайловске, где проходят посвященные ему фестивали, к набережной Трошина, его отчему дому. Пока нет в столице Среднего Урала улицы Трошина, нет и его изображения на раритетных фотостендах. Но они будут, потому что он наш, он свой – а «город гордится своими».

(Занавес).

Консультативный отзыв
на пьесу Алексея Молчанова «За работу, Володя!»

Пьеса в 9-ти эпизодах, с прологом и эпилогом, посвящена творчеству известного актёра МХАТ СССР им. Горького и замечательного певца советской эстрады Владимира Трошина. И сам по себе факт литературного труда, о некогда всесоюзно известном, а теперь несправедливо забытом первом исполнителе знаменитых «Подмосковных вечеров», не вызывает ничего, кроме самого горячего одобрения. Тем более, что герой пьесы – наш. Уралец. Уралмашевец.

Однако при ознакомлении с пьесой с некоторым разочарованием отмечаешь, что это – вовсе не пьеса. В представленном литературном материале нет ярко выраженной театральной драматургии, острых, запоминающихся диалогов. Есть условный театральный приём и поочерёдные сообщения актёрами разнообразных фактов из биографии знаменитого земляка. Нечто очень близкое к таким некогда, в 20-40-х годах прошлого века, широко распространённым сценическим формам, как литературный монтаж.

И это – совсем не трагедия. Не творческий провал автора. Сейчас, во времена финансового кризиса провинциальных театров, эта форма, при её очевидной постановочной дешевизне, вполне может служить высокой цели просвещения, приобщению зрителей к образцам русской, советской и мировой литературы. Особенно на клубной сцене. Яркость же самой этой сценической формы целиком зависит от образованности и таланта её создателей.

Консультант:
Геннадий Кузьмич Бокарев,
Член Союза писателей и Союза кинематографистов России,
Заслуженный деятель искусств РФ.

подпись Г. К. Бокарева заверяю

ЦВЕТОВОЙ ПОЖАР НАТАЛЬИ ПИСЬМАК

Светлана ДОЛГАНОВА

(Начало на стр. 1, 40).

Я смотрю на удивительно уютную работу Натальи Письмак «Ева». Женщина с золотистыми волосами сидит в саду под яблонями и чистит плоды, неторопливо укладывая их в большой таз. Кружевные тени ложатся на плечи красавицы, солнечные блики играют на волосах, золотой завесой падающих на лицо, и во всей атмосфере этой картины разлито удивительное умиротворение. Это ведь вечный сюжет. В женщине, берущей в руки плоды земли, творящей волшебство единения с природой, со временем, с самой жизнью, есть какая-то удивительная надежда. Надежда на то, что несмотря на все наши многочисленные самоубийственные глупости, земля будет продолжать вращаться, солнце подниматься утром над горизонтам, будут рождаться дети, и яблоки будут осенью отягощать ветви золотистыми дарами. Потому что простые и мудрые движения женских рук в глазах Вечности перевешивают всю эту сиюминутную суету, которой поклоняется наш странный и несчастный век. Вот про это и любит рисовать Наталья Письмак. Про лодки, которые покачиваются на тяжелом голубом шелке поверхности пруда, по которому пробегает легкая рябь. Про веснушчатых малышей, которые сидят во дворе на щелястой скамейке и вкусно вгрызаются в арбуз. Про грецкие орехи, которые высыпаются на оливковую скатерть и так красиво с ней контрастируют своим ореховым цветом. Про пузатые, оплетенные бутылки вина, в которых плещется алая влага, которую не побрезговал бы пригубить римский кесарь или даже легендарный прокуратор Иудеи. Вообще, чтобы создать чудесный натюрморт, Наталье Письмак достаточно всего лишь пригоршни вишен. Она их бережно опустит в ребристую хрустальную вазочку, полную радужных искр и солнечных бликов, украсит парой зеленых, глянцевых листочков для контраста и сама застынет от восторга перед этим удивительным и простым чудом.

– Художники конечно всегда великие шмоточники, – смеется Наталья. – Ты обрастаешь вещами почти помимо воли. Хотя, конечно, это не совсем вещи, это скорее можно назвать модным словечком «арте-факты». Слово гордое, даже гламурное, но при этом арте-фактом может стать старая сломанная ручная кофемолка, например. Она уже не работает, но у нее такая красивая ручка и медная крышечка! Она вдохновляет одним своим видом! Или вдруг ты видишь какую-нибудь высокую, длинную голубую бутылку, знаете, сейчас появились такие, и просто коченеешь от восторга! А она еще стоит на подоконнике и так красиво и романтично освящена лучами заходящего солнца, а рядом лежит большое красное яблоко и, скажем, старый медный браслет, уже даже слегка позеленевший. Это уже целый спектакль, настоящая драма. Ты увлеченно, жадно рассматриваешь все линии, все цветовые сочетания, ты вслушиваешься в трепет сюжета, который уже готовы подарить тебе эти, казалось бы, немые предметы. На самом деле, в художнике всегда живет сказочник, этакий Ганс Христиан Андерсен, который умел увидеть в старой штопальной игле или одиноком уличном фонаре, или сломанном оловянном солдатике целый мир трагедий, коме-

дий, фарсов, мелодрам. Натюрморт – это ведь весьма своеобразный жанр. Он и возник как картина особого, религиозного содержания. Его основной смысл был «мементо мори», то есть – «помни о смерти». Я бы только добавила – «не просто помни о смерти, а цени жизнь, цени каждое мгновение, цени всю ее красоту и благодать, цени тот чудесный мир, который тебе подарили». Именно поэтому в первых натюрмортах рядом с пышным букетом цветов, роскошными плодами земли, изящными драгоценностями, пушистыми страусовыми перьями, блестящим оружием всегда располагали череп как символ бренности. Эти композиции как бы говорили «помни, что удовольствия сиюминутны, думай о душе». Потом о черепе постепенно забыли, и натюрморт стал просто воспевать радости жизни – уютные завтраки, обильные обеды, интимные ужины, богатую добычу, принесенную с охоты, груды снеди в городских лавках, букеты цветов, собранные в саду и еще хранящие на своих свежих, упругих лепестках капли росы. Мне все это очень близко. Но иногда я вспоминаю о изначальном значении слова «натюрморт», и тогда начинаю чувствовать еще пронзительнее упругость спелых яблок, тягучий, вяжущий аромат цветущей черемухи, таинственную, удивительную, неповторимую прелесть бутона розы. И это каждый раз вдохновляет меня.

Впрочем, Наталья Письмак пишет отнюдь не только натюрморты. Мир, который она создает, наполнен самыми разными персонажами. Это дети и старики, мужчины и женщины, кошки и собаки, лошади и куры. Весь этот веселый, шумный и очень занятой народец живет весьма насыщенной жизнью – то купается, то дергает лук в огороде, то прыгает через скакалку, то ставит самовар. Вообще, когда я смотрю на работы Натальи Письмак, мне часто кажется, что в ее мире длится и длится один длинный, солнечный, яркий день. Такие дни выпадают каждому из нас. Не так уж часто, но выпадают. В такой день все удается, все получается. В такие дни хорошо признаваться в любви и праздновать свадьбу, справлять день рождения ребенка или просто идти загорать, ловить рыбу, собирать грибы или полоть огурцы. В такой день женщины выглядят особенно красивыми, даже если руки их измазаны в земле, а в глазах мужчин сияет счастье, ибо мир им кажется разумным, а жизнь наполненной высоким смыслом. Именно в такие дни Наталья Письмак любит усаживать свои модели в плетеное кресло, ставить перед ними блюдо со спелыми вишнями, включать музыку и начинать углем набрасывать на чистом грунтованном холсте контуры будущего портрета.

– Я очень люблю портретировать своих друзей и родственников, и их друзей и родственников, и родственников и друзей их родственников и друзей, – улыбается Наталья Письмак. – Вообще, это удивительное удовольствие – знакомиться с новыми людьми, изучать их лица, пытаться проникнуть в тайны их характеров, понять причины их поступков, пристрастий, фобий, симпатий и антипатий. Каждый человек, который приходит ко мне в мастерскую, это событие, которое влечет за собой все новые и новые открытия. Я ведь общаюсь с очень большим количеством людей. У меня много учеников, друзей, людей, которые любят искусство, тянутся к нему, понимают, что, как говорили древние римляне «арс лонга – вита брэвис», то есть «жизнь коротка – искусство вечно». И, знаете, я все больше прихожу к выводу, что человек – это поистине чудесное, талантливое, замечательное создание. Мы все как цветы – дайте нам возможность раскрыться, расцвести, и вы увидите прекрасный, неповторимый шедевр. Только этот шедевр мы должны создать сами. Это трудно, сложно, долго, но, поверьте, усилия того стоят. А то, что мы были задуманы именно как шедевры, это совершенно несомненно, стоит только посмотреть на детей. Дети всегда прекрасны, даже если они перемазаны вареньем или испачканы сажей. А уж если дети рисуют – это вообще волшебное зрелище! Заметьте, рисунки детей взрослый художник не может повторить при всем желании. Сымитировать – да, но не повторить. Ибо дети обладают тем даром незамутненного, яркого восприятия мира, который с годами мы, к сожалению, утрачиваем. Поэтому, когда я смотрю на рисующих детей, на их сосредоточенные лица, мне всегда кажется, что они владеют какой-то удивительной, мне уже недоступной тайной – тайной видеть этот мир таким, каким его задумал Бог.

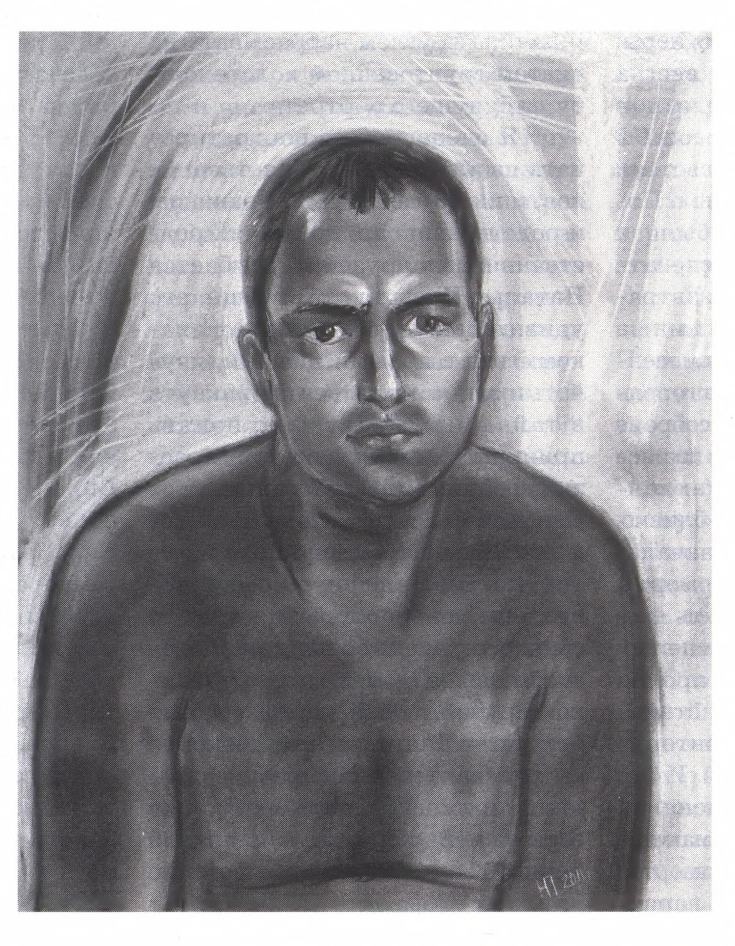
Я смотрю на портрет Даши Карасевой, недавно вышедший из мастерской Натальи Письмак. Серьезная, задумчивая девочка смотрит на нас серыми большими глазами. В ней еще видна и подростковая угловатость, и та особая детская недоверчивость, которая появляется у детей лет в десять, когда они начинают осознавать, что жизнь – это не только веселые одноклассники, вкусное мороженое и яркие мультики. Да, это хороший портрет. Думаю, лет через десять это оценит и сама Даша, как сейчас это уже осознают знатоки. Впрочем, Даша Карасева, с удовольствием рисующая в мастерской Натальи Письмак свои яркие, темпераментные и эмоциональные работы, уже сейчас подозревает, что жизнь ей сделала большой, красивый подарок. Мне в этом портрете нравится все, но больше всего почему-то внимание привлекает это странное голубоватое полыхание за спиной у девочки, чем-то напоминающее крылья. Я смотрю на это мерцание, на эти синие блики, и, понимая что это всего лишь тень, краешком сознания все-таки мечтаю о том, что это и есть кусочек той странной сверхреальности, которая доступна взгляду художников, и которая так часто приводит их к созданию абстрактных или сюрреалистических работ.

– Да, бывает, что я обращаюсь к абстракции и делаю это с удовольствием, – поясняет Наталья Письмак. – Хотя, пожалуй, для меня это не совсем абстракция. Просто, когда ты хочешь нарисовать, например ангела, как-то трудно найти натурщика. Тем более, что ангел для меня – это не существо, а скорее свет, золотис-

тый луч, падающий на тебя ранним утром, согревающий твое лицо и мысли. Его можно ощутить, даже потрогать рукой, но его очень трудно изобразить. Поэтому, когда я рисую ангелов, у меня получается такая легкая, танцующая игра золотистых бликов, всполохов. Это будто взмахи крыльев, с которых слетают сияющие искры, которые складываются в знак креста. По-другому с ангелами как-то не получается. Но, вообще, я очень люблю, когда в пейзаже, например, начинают проявлять легкие абстрактные черты. Например, смотришь на белый итальянский город сверху, и вдруг он начинает напоминать тебе игру в кубики или беспорядочно разбросанные куски рафинада. Тебе нравится эта живописная метафора, и ты начинаешь вглядываться в этот пейзаж все пристальнее, находя все новые ассоциации. И работа от этого только выигрывает. Как говорил Хэмингуэй: «Произведение искусства напоминает айсберг. На поверхности только его верхушка, остальное только ощущается».

Да, я люблю приходить к Наташе Письмак в ее уютную, странную, тесную и в то же время такую просторную мастерскую. Тесную, потому что не так много метров, а просторную потому что в ней зачастую умещаются пять мольбертов, пять букетов в кувшинах или вазах, музыка, которая вальсирует, кружит и несет в небеса в ритме Чайковского или Равеля, свет, льющийся из окна, десятки картин, прислоненных к стенам, сотни рисунков, хранящихся в папках, шутки и разговоры, чашки с чаем, гости, забредшие на огонек. И над всем этим царит сама Наташа. Тонкая, изящная, красивая, в экзотическом платье (его особо не заляпаешь, оно и так, благодаря искусству индийских текстильщиков уже все в ярких пятнах), с умной улыбкой и меткой фразой, брошенной вскользь. Умеющая увидеть сотни оттенков в обыкновенной ветке сирени, которую притащили восторженные ученики. Умеющая «наполнить музыкой сердца и устроить праздники из буден».

– Я люблю, когда у меня в мастерской люди, – улыбается Наташа. – Я ведь в своей жизни всегда много ездила, много преподавала, много общалась, много училась, много рисовала. Не знаю, скольких я научила держать в руках кисточку и сколько я изрисовала холстов. Был в старину такой художник. Его называли «быстрый Лука». Он тоже много путешествовал и много рисовал, в противоположность, например, Леонардо да Винчи, который рисовал долго, тщательно и медленно. Честь ему, конечно, и хвала, но рисовать одну Джоконду 20 лет – это не для меня. Я слишком порывистый человек и слишком ценю мгновение. Мы ведь живем именно здесь и сейчас. Прошлое уже прошло, будущее еще не настало, есть вот этот миг, вот это яблоко, вот этот солнечный луч, упавший на это яблоко, и это замечательно! Значит, скорее надо хватать кисточку, палитру и стараться поймать этот луч, эту мимолетную улыбку вечности. И надо быть уж очень несчастным и злым человеком, чтобы не суметь оценить все то богатство, которое нам даровано – эти сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч таких мгновений.

И словно в подтверждение наташиных слов какой-то особенно золотистый луч заходящего солнца проникает вдруг в мастерскую, начинает играть на ручке чашки, которую сама же Наташа и расписала золотыми и серебряными звездами, запутывается в охапке колосьев, приготовленных для натюрморта, падает на медные наташины волосы, и я вдруг снова вижу это полыхание, как тогда, в дашином портрете. И вот уже светятся золоченые рамки картин, приготовленные для выставки, и старинные подстаканники, которые Наташа сегодня, не удержавшись, купила в антикварном, и чеканный браслет у нее на запястье.

– Ну, вот видите, – смеется художница, – нам опять сделали подарок. Смотрите внимательно и запоминайте, как все вокруг сейчас выглядит. Смотрите, смотрите, впитывайте.

В тот день я уходила из мастерской Натальи Письмак с особым чувством. Мне все чудился этот луч, эта улыбка вечности. Я все еще видела эти блики, разлетевшиеся по мастерской. И слышала музыку, которая уносит далеко ввысь. Туда, где рождаются все те бесчисленные мгновения, которые нам предстоит еще пережить.

